

ВЕСТНИК
ШКОЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Общая тетрадь

Рига 2023

**Издание выходит
раз в квартал**

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский

С.А. Васильев

А.В. Макаркин

М. Мертес (ФРГ)

С.В. Мошкин

Е.М. Немировская

Ю.П. Сенокосов

А.Ю. Согомонов

А. Хиль-Роблес (Испания)

Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор *Ю.П. Сенокосов*

Литературный редактор *А. Заматаева*

Верстка *В. Матисон*

Содержание

№ 1 (92) 2024

К читателю

Как мы можем работать вместе 5
Вальтер Кауфман

Тема номера

Искусственный интеллект, информация и свобода

Олег Грешинев. ИИ мог бы стать мостиком к пониманию 7

Анна Кулешова. Как социологи видят сегодняшнее общество 9

Николай Квантелмани. ИИ может использоваться как во благо, так и во вред 11

Кишиштоф Мейснер. Искусственный интеллект угрожает творчеству 13

Ян Альбрехт. Очень важно продолжать наши встречи 15

Искусственный интеллект и гражданское общество 17
Денис Ягодин

Как предотвратить ядерный Армагеддон искусственного интеллекта 21
Мелисса Парк

Обращение к творцам Третьей научно-технической революции – создателям квантовых компьютеров 25
Лена Немировская, Юрий Сенокосов

Гражданское общество

Почему демократия? 27
Валдис Биркавс

К вопросу о российском обществе и коммуникации с ним извне страны 31
Екатерина Шульман

Современная международная архитектура невозможна без участия гражданского общества 37
Андреас Буммель

Судный день демократии 40
Николас Рид Ланген

Н а ш и и н т е р в ь ю

Бороться за институты, а не полагаться на них
Тоби Гати 44

Д н е в н и к в о й н ы

*Иван Крестев: «Мы себя ведем так,
как будто мы последние люди на земле»* 55

Р о с с и я в и з г н а н и и

*Поддержка российских политических мигрантов
как инструмент повышения европейской безопасности*
Стефан Ингварссон, Мария Доманьска 61

О п ы т и с т о р и и

Об опыте примирения Польши и Литвы
Адам Михник и Томас Венцлова 71

Империя Москвы: новейшие технологии и архаическая идеология
Василий Жарков 76

Т о ч к а з р е н и я

Как война влияет на демократию
Алексей Юсупов 83

*Примерно каждый второй недоволен тем,
как работает демократия в его стране*
Денис Яковлев 101

Н а ш а р х и в

Алексей Михайлович Салмин
Владимир Рыжков 105

Н а ш а н о н с

Постсоветский человек и его время
Михаил Минаков 108

К н и г и

Войны больше не будет
Андрей Симбирцев 111

Контрапункт
Максим Горюнов 115

N o t a b e n e

*Предисловие к «российскому» номеру журнала
Studia z historii filozofii*
Геннадий Аляев 123

Василий Чернышев. Из стихов, написанных вдали
Рукописи горят?
Людмила Нукневич 131

Как мы можем работать вместе*

Вальтер Кауфман,
руководитель
департамента Восточной
и Юго-Восточной Европы
германского Фонда
им. Генриха Бёлля

Дорогие коллеги, друзья, партнеры! От имени Фонда Бёлля я сердечно вас приветствую. Очень приятно во второй раз принимать у себя в гостях Школу гражданского просвещения. Очень приятно видеть организацию, которая оставила важный след по всей Европе, объединила и продолжает объединять столько замечательных людей.

Когда мы принимали Школу в прошлом году первый раз в честь ее тридцатилетия, мы еще только примерно понимали, кто к нам приедет. Мы не понимали, чего ожидать, и были очень удивлены большой международной сетью, которая возникла благодаря Школе за эти 30 лет. Она привела сюда к нам, в Фонд Бёлля, многих выдающихся интеллектуалов, политиков, активистов и журналистов из многих стран Европы.

Но в то же время над этим праздничным юбилеем нависла тяжелая тень преступной войны России против Украины, тяжелая тень репрессий, насилия и изгнания из страны. И за прошедший год эта тень только увеличилась.

Дорогие коллеги, я только что приехал из Украины, где провел 10 дней. Должен признаться, что я там широко не сообщал о том, что через несколько дней открою этот форум. Я горжусь тем, что мы проводим форум. Но я боялся, что меня там неправильно поймут: для большинства украинцев это, вероятно, прозвучало бы так, будто немцы, в том числе и Фонд Бёлля, все еще расставляют неправильные приоритеты в эти трудные времена.

* Выступление на форуме «В поисках утраченного универсализма» в Берлине 6 декабря 2023 г.

Я вижу это по-другому. И я бы хотел, чтобы все это услышали.

С точки зрения наших украинских партнеров, и в том числе моих украинских коллег, очевидно, что Россия — не только Путин, но именно Россия — должна быть побеждена в этой агрессивной войне, которую она начала. Побеждена, чтобы однажды стать страной, с которой можно будет жить по-соседски, без страха. А до тех пор Украина должна от нее дистанцироваться, должна защищаться и серьезно вооружаться. Если ее не удастся победить, то она будет представлять серьезную угрозу для всей Европы и международного порядка на протяжении многих лет. Как можно сотрудничать с этим грозным соседом, который не способен или не хочет обуздать свои реваншистские стремления? Как можно работать вместе над самыми насущными проблемами, такими как изменение климата, пандемия и гуманитарные кризисы?

С немецкой или, скорее, с моей личной точки зрения, по многим пунктам я могу согласиться с моими украинскими коллегами. Однако я иначе и более открыто, чем они, воспринимаю то, что мои российские друзья, коллеги и партнеры подвергаются репрессиям или изгоняются из страны, так как представляют *другую* Россию. И мы, Фонд Бёлля, по-прежнему хотим работать с ними над всеми проблемами и вопросами, которые нас объединяют и которые находятся в центре нашей встречи.

Мы привержены этому стремлению. Но в то же время я не вижу иного условия для стабильного мира и возобновления сотрудничества с российским обществом в самом широком смысле, кроме как полное поражение России, путинской системы, ее многочисленных сторонников в российском обществе.

Как может выглядеть такое поражение? Как можно его приблизить не в военном, а именно в общественном, политическом и экономическом отношении?

Сегодня мы от этого, кажется, еще дальше, чем год назад, и тень, нависшая над нашей встречей, еще длиннее.

Как вы все — не только российские коллеги и друзья — смотрите на этот вопрос?

В каких форматах, какими словами, на каком языке, при каких условиях вы, российские коллеги, мы все можем быть естественной и активной частью международного сообщества, выступающего за свободу, справедливость и демократию, и в то же время не терять связь с Россией и взять ответственность за Россию, которая угрожает всем нам, ее соседям и вам самим?

Эти вопросы занимают не только меня — а меня они точно занимают каждый день, поэтому я хотел честно задать их здесь.

Я бы очень хотел, чтобы в следующий раз, когда мы встретимся, мы могли бы сказать, что тень над нашей встречей стала короче. Давайте продолжать вместе работать над этим несмотря ни на что.

Искусственный интеллект, информация и свобода*

Олег Грешнев, инженер-исследователь

ИИ мог бы стать мостиком к пониманию

Об искусственном интеллекте я могу говорить часами. Два года назад на аналогичном мероприятии в Стокгольме я говорил почти два часа, и этого времени мне не хватило**. Любопытно, что то, о чем я тогда говорил как о некотором гипотетическом будущем, сегодня стало реальностью. Было бы интересно сравнить то, что говорилось, с тем, как это разворачивается сейчас, но я ограничен во времени.

Я обозначил бы два-три важных момента, на которые стоит обратить внимание.

Первое. Для любой новой технологии нормально, что когда она появляется, люди с ее помощью в первую очередь пытаются делать все то же, что делали до сих пор, но лучше. Это понятно, но не это в итоге обеспечивает движение, не это меняет человечество.

Технология ИИ — она *disruptive*. Сейчас в силу некоторого консерватизма мы смотрим на нее как на способ лучше писать тексты или что-то анализировать, проще искать информацию, легче кого-нибудь обманывать. Но технология ИИ вообще не об этом! Во-первых, она изменит и уже меняет то, как мы работаем с информацией, как мы ее вообще получаем. И во-вторых, меняет то, как формируется наше мнение.

Сейчас в силу открытости информации, благодаря усилиям «маркетологов»

со стороны государственных пропаганд всех мыслимых масштабов, возник информационный коллапс. Мы реально оказались в ситуации, когда сваливающийся на нас объем информации намного больше, чем мы в состоянии обработать. Эта информация невероятно противоречивая, и нет времени разбираться, что в ней правда, а что нет.

По этой причине кто-то уходит в «информационную эмиграцию»: «Все врут, я вообще ничего не буду читать». Кто-то пытается глубоко разобраться в той или иной теме, что требует очень больших ресурсов. А многие действуют самым простым и понятным способом: выбирают лидера мнений, вооружаются его аргументацией и следуют всему, что он говорит. Этот последний подход — путь к полной радикализации. Ведь эти самые лидеры мнений тоже заинтересованы не в том, чтобы донести до людей объективную истину, а в том, чтобы собрать лагерь сторонников. Цель при этом может быть самая благая, но это не отменяет того факта, что мы стали терять искусство дискуссии и диалога. То есть мы просто принимаем на веру авторитетное мнение, и наш спор становится все больше похож на спор религиозных фанатиков, где каждый верит в свое, не слышит другого и не принимает его аргументов.

* Выступления на форуме «В поисках утраченного универсализма» в Берлине 6 декабря 2023 г.

** См.: *Общая тетрадь*. 2022. № 1(84). С. 50–63.

И как раз искусственный интеллект в силу многих разных причин мог бы стать мостиком к пониманию между людьми. Прежде всего он позволяет преодолеть этот избыток информации и, следуя некоторым правилам логического вывода, все-таки делает заключение. При правильно сформулированном вопросе: «Есть вот такое мнение. В чем плюсы, в чем минусы?» — ИИ честно выдает ответ, в чем плюсы и минусы, причем порой даже со ссылками. Иногда эти ссылки придуманы, но не страшно, есть способ бороться с этим.

ИИ – это не только поисковая машина: у него будут появляться некоторые свойства субъектности

Второе (и это нравится мне еще больше). По моему представлению, ИИ пока рассматривается как «большой Google». Это место, где мы ищем информацию. И в этом смысле ИИ можно рассматривать как объект — такой же, как и Google. Скорее всего, если Google в ближайшее время не развернется, то он ИИ будет развивать как поисковую машину, потому что сейчас в этом отношении тот же ChatGPT на порядок эффективнее и удобнее. Но ИИ — это не только поисковая машина: у него будут появляться некоторые свойства субъектности. Не только мы у него что-то спрашиваем — он может наталкивать нас на определенные вопросы, и в рамках уточнения он это и делает. Он дает какой-то ответ, а затем добавляет, что вообще-то наш вопрос мы сформулировали не очень точно, и интересуется, что мы имели в виду. Мне кажется, что ИИ мог бы быть неким медиатором, который поможет нам вновь

научиться дискутировать и понимать друг друга. Хотя бы потому, что если человек с противоположным мнением нас раздражает, то на ИИ, который что-то рассказывает, злиться трудно, и градус эмоциональности будет снижаться, а значит, будет проще переходить к дискуссии и взаимопониманию.

Сейчас ИИ — это инструмент поиска информации, это очевидное облегчение в работе с контентом, это помощь (хотя бы первичная) в анализе аудитории и ее запросов и многое другое.

Чем же мне видится ИИ в дальнейшем? Мне кажется, что ИИ — это великолепный способ для каждого из нас получить персонального ассистента, который мог бы за нас частично анализировать, насколько манипулятивна или объективна поступающая информация, предоставлять альтернативные данные и мнения. Иными словами, он может разорвать тот информационный пузырь, который образовался благодаря более ранним версиям того же искусственного интеллекта, который собирал всех в одну точку.

Кроме того, ИИ мог бы быть советчиком и визави в обсуждении. И здесь мне как разработчику таких систем очень хотелось бы реализовать какие-то проекты, которые вернут людям способность и желание рассуждать, а не просто следовать эмоциональным призывам. Важно, чтобы в том, как мы общаемся и что мы делаем, появилось больше разума и чуть меньше эмоций.

Вчера мы с коллегой говорили о том, что многие инициативы сейчас похожи на поддержку информационного пузыря. Либеральные медиа работают с теми, кто с ними и так согласен. Проправительственные медиа и в России, и

в других странах работают на свою аудиторию, окучивают ее, охраняют, держат ее при себе, не дают ей растекаться.

Но с точки зрения информационной теоремы Шеннона, когда мы говорим в либеральном обществе, что «война — это плохо», мы передаем ноль информации, потому что все и так это знают и согласны с этим. Когда в российских медиа говорят, что «сильная Россия и Путин — это хорошо», в этом тоже ноль информации, потому что там все и так в это верят.

Нет работы с *противоположной стороной*, и нет возможности нормального

диалога с ней. Попытаться вовлечь людей в такой диалог, который, быть может, невозможен напрямую, но возможен опосредованно, — вот это было бы довольно интересно, как мне кажется.

Кто-то считает, что Россия должна быть сильной, потому что все против России? Так давайте разубедим эти заблудшие души, давайте вернемся к логическому обсуждению!

Оно вряд ли возможно между людьми, которые изначально друг друга не переносят просто в силу своих взглядов, но, возможно, станет более реальным при медиации ИИ в той или иной форме.

Анна Кулешова, кандидат социологических наук

Как социологи видят сегодняшнее общество

Как социолог я хотела сказать о том, в какой точке мы сейчас находимся. Возможно, осознание того, где все мы сейчас оказались, нам поможет чуть-чуть продвинуться вперед.

Как социологи видят сегодняшнее общество? Оно объясняется не только политическим режимом или государственным устройством — оно во многом и характеризуется *искусственной социальностью*, в которой мы все оказались.

Искусственная социальность — там, где есть онлайн, компьютеры, смартфоны. Некоторые ученые даже говорят, что все мы сегодня уже *киборгизировались*. То есть у всех нас есть «цифровой хвостик» — телефон в руке. Мы с ним с трудом разлучаемся, и если его надолго от нас оторвать, то мы будем из-за этого мучиться и страдать.

Незаметно для себя многие части своей жизни мы делегировали искусственному интеллекту. Это может быть

подбор партнера на сайте знакомств, развлечение с помощью умной колонки Алиса, обучающие курсы, выбор досуга и так далее. При этом я уверена, что у каждого из вас хотя бы раз в неделю возникает необходимость доказывать роботу, что вы человек: выбирать мо-

Искусственная социальность — там, где есть онлайн, компьютеры, смартфоны

сты и светофоры на картинках. И нас перестало смущать, что человек доказывает машине, что он человек, — ну подумаешь!

История, рассказанная почти 45 лет назад в фильме «Приключения Электроника», вдруг стала частью нашей реальности. Вчера была классная оговорка на секции форума про «искусственную интеллигентность». Она тоже приходит к нам. В фильме Электроник сначала помогал списывать контрольные

и воровать картины, а затем захотел жить своей, другой жизнью — и это напоминает то, что происходит сегодня. Действительно, мы видим манипуляции в области научных публикаций, мы видим сотрудничество людей и машины при создании научных текстов, в создании прорывных технологий и так далее. И мы видим, что ИИ расширяет возможности как хороших людей, так и плохих. Это расширение возможностей человека, пожалуй, ключевое его свойство.

При этом в технологиях ИИ заинтересованы в первую очередь корпорации, которые удерживают наше внимание, которые на этих технологиях зарабатывают и которые во многом повлияли на то, что сегодняшнее общество оказалось более радикализованным: ведь когда у нас, кроме наших знакомых, есть еще колоссальные виртуальные информационные пузыри, то это тоже усиливает поляризацию. Собственно, задачей первых систем искусственного интеллекта, работавших в соцсетях, было подольше удерживать внимание человека и сделать ему приятно.

Идея «сделать человеку приятно», как видим, сегодня одна из самых порочных.

Когда Google показывает по большей части не оппозиционные медиа, а пропагандистские сайты, он фактически следует логике кликбейта (и мы пытались чуть ли не в ЕС писать письма, чтобы он так не делал, а показывал в том числе и оппозиционные СМИ) — показывает то, что люди хорошо лайкают. А люди хорошо лайкают то, в чем есть, как говорит молодежь, треш и угар. И это тоже негативно влияет на нас.

Но основная проблема сейчас заключается в двух вещах, на мой взгляд.

Когда коммерческие компании, используя человека и технологии, стремятся обогатиться, тут хотя бы логика понятна. А что делают государства? Они занимаются нецелевым использованием технологий искусственного интеллекта для своих задач.

Например, система распознавания лиц создавалась для того, чтобы искать преступников, а сейчас мы видим, что и в Беларуси, и в России, да и в других странах эту технологию уже используют, чтобы ограничивать свободу людей и ловить их на митингах протеста.

Технология когнитивной аналитики создавалась для того, чтобы нам было проще искать и анализировать большой объем информации, а теперь с ее помощью сотрудники спецслужб отслеживают действия человека в соцсетях.

Можно ли было что-то здесь изменить? Вообще-то нет книжки про то, как изменить цифровой тоталитаризм, который мы сегодня наблюдаем, когда государства узурпируют технологии и плюют на все этические кодексы. И если IT-компании еще могут обещать, что остановят [опасные] разработки, то какие исследования в сфере искусственного интеллекта, особенно в военной сфере, проводят государства — этого мы даже приблизительно не знаем. Я думаю, что эти разработки будут осознанно держать в зоне секретности, причем достаточно долго. И, соответственно, мы не будем понимать, что там происходит и как это все используется.

Сейчас модно обсуждать, какие ошибки мы совершили: мало ходили в народ, мало просвещали людей. И мы совершенно не просвещали *айтишников*. Мы

считали, что это какие-то странные ребята у компьютеров — кому они вообще нужны! Что-то там делают себе — и ладно. У общества не было с ними диалога по поводу того, как их технологии могут на это общество повлиять. Сейчас многие из них уехали из России, как мы видим. IT-компании вывели сотрудников — это хорошая новость, потому что создать GPT-5, наверное, теперь в России стало труднее (хотя это не означает, что Сбербанк, например, не пытается что-то сделать). Может быть, массовый отъезд IT-специалистов как-то обескровил эту отрасль в России. Но те же самые айтишники будут из Армении или Сербии успешно создавать для России разработки, связанные с ограничением свободы людей, и не чувствовать своей ответственности за это.

При этом есть хорошая новость: появляются возможности борьбы с дипфейками, возможности создания

приложений, которые могут в той или иной степени влиять на общество. И здесь многое зависит от формулировки задачи для тех же айтишников. «Здорово было бы сделать системы, которые бы привили людям отвращение к эмоциональному контенту, привили любовь к спокойной логической аргументации и вообще дали бы обществу возможность такой аргументации» — такая постановка вопроса была бы более или менее приемлема.

Напомню, что у первых систем — чат-ботов (которые пришлось запретить) — была задача удерживать внимание человека: сделать так, чтобы человек с ними побольше общался. И эти первые чат-боты, собственно, стали сексистами и расистами, потому что если хамить и говорить человеку, что он дурак, то он с тобой будет очень долго общаться. И машина это быстро поняла.

Николай Квантелиани, белорусский предприниматель и сооснователь *Digital Skills Coalition Belarus*

ИИ может использоваться как во благо, так и во вред

Я привнесу немного человеческого подхода в тему искусственного интеллекта и свободы. Основная сфера моей деятельности связана с тем, что мы работаем с людьми — финальными бенефициарами всех технологий; мы пытаемся продвигать эти технологии, обучать людей.

Несколько вещей, на которые я хотел бы обратить внимание.

Начну с того, что ИИ — это не что-то такое, что появилось только вчера. В корпорациях, в научных институтах искусственный интеллект стал доступен около десяти лет назад. Единственное, что изменилось, — это то, что

технология ИИ в плане генеративного искусственного интеллекта стала доступна всем. Порог входа — скачать приложение. То есть, условно говоря, теперь у каждого пользователя есть возможность создавать, генерировать свой контент с помощью ИИ. Иногда за небольшую сумму. Единственное, что нужно знать, — это понимать, что это такое и как его использовать.

Есть такое стереотипное представление, что ИИ лишит нас работы, поработит и так далее. Мем из интернета говорит: чтобы искусственный интеллект это сделал, пользователю нужно четко сформулировать запрос. А значит, мы

спасены, потому что пользователи не могут четко формулировать вопросы, чтобы получить ответы. Для того чтобы пользователи могли понимать плюсы и минусы ИИ, они должны его использовать.

Приведу примеры. Некоторые люди используют ИИ для генерации каких-то позиционных документов. Например, спрашиваешь: «Куда развиваться России?» ИИ генерирует текст, и ты выдаешь его как научную статью на сайт. Читатель сможет понять, что это сделано

Мое самое большое опасение: скоро 2 + 2 станет 5 просто из-за того, что все будут безоговорочно доверять искусственному интеллекту

искусственным интеллектом, если у него будет собственный опыт взаимодействия с ИИ по поводу создания текста. В противном случае люди начнут этот текст цитировать. Мое самое большое опасение вот какое: скоро 2 + 2 станет 5 просто из-за того, что все будут безоговорочно доверять искусственному интеллекту на базовом уровне, — лишь потому, что ИИ это сгенерировал, кто-то это опубликовал, а кто-то на это сослался. Человек будет убежден, что это правда, потому что это написано где-то на сайте в интернете.

Здесь есть много вопросов, которые не решаются технически. Мы можем обучать модели, но вопрос в том, какой ИИ более правдивый: ChatGPT, Bard, Bing и так далее? Потому что в зависимости от языковой модели они могут врать и признаваться в этом.

Недавно мы провели в Беларуси аудиторное исследование, которое показало: только 16% белорусов считают,

что ИИ — это благо. Все остальные думают, что он заберет у них работу, поработит, или отвечают: «Нет мнения», «Никогда не использовал», то есть они не понимают, что такое ИИ.

Так что с обществом нужно много работать — хотя бы рассказать людям, что такое ИИ и почему это благо.

Вызовы. Конечно, использоваться ИИ может как во благо, так, к сожалению, и во вред. И основной вызов сейчас состоит в том, что технологии ИИ активно применяются для генерации дипфейков.

Грядут выборы в европейских странах, а с помощью ИИ можно манипулировать сознанием избирателей, манипулировать выборами, будущим демократии. Ведь свободные выборы — основа демократии. Проблема в том, что ИИ доступен всем и каждый может генерировать все что угодно, а законодательно мы к этому еще не готовы. Европейский союз готовит AI Act, пытается как-то ограничить или обобщить работу ИИ. В Италии был момент, когда использование искусственного интеллекта было официально запрещено на национальном уровне. Но проблема в том, что он уже здесь, это как слон: он появился, и ты не можешь его не замечать. Ты либо его используешь, либо не используешь.

Одна из практических проблем может быть такова: поскольку «силы зла» будут использовать ИИ для манипуляций, «силы добра» будут вынуждены его более жестко регулировать. Но мы не можем регулировать искусственный интеллект законами, потому что это просто две разные плоскости.

Еще один момент. Технически очень важно, чтобы граждане владели цифровыми навыками. Есть европейская

платформа DigComp, которая описывает обучение, по сути, всех граждан. И тут нужно понимать: чтобы технологии успешно внедрились, у нас должны быть программы для молодежи, детского сада, школьников, взрослых людей всех возрастов, для женщин, мужчин, мигрантов — для всех. Над этим надо постоянно работать, иначе технологии не станут массовыми. Ранее говорилось, что у нас имеется технологический провал, что на самом деле массово новые технологии не внедряются. Например, когда появилась технология блокчейна, то в нее была активно вовлечена лишь часть людей. Затем начался «сезон» криптовалюты, однако в этом зале те, у кого есть криптокошелек с криптовалютой, составляют, наверное, меньше 10%. И технически то же самое с искусственным интеллектом: генеративным ИИ, скорее всего, будет пользоваться большинство просто потому, что он будет доступен или

интегрирован в те сервисы, которые мы используем, а на более высоком, стратегическом уровне ИИ будет использовать минимальное количество людей.

В заключение скажу об этике использования ИИ. Какими правилами, этическими нормами мы это регулируем?

Мы не можем регулировать искусственный интеллект законами, потому что это просто две разные плоскости

Здесь есть отличия в подходах. Европейский либо американский подход основан на соблюдении прав человека, Human Rights-Based Approach. Но есть страны, которые в своей деятельности не опираются на права человека, — Китай, например. А если нет моральных ограничителей, ту или иную технологию можно развивать намного быстрее, будь то во вред или во благо.

Кшиштоф Мейснер, физик, профессор Варшавского университета

Искусственный интеллект угрожает творчеству

Я физик-теоретик, поэтому мое отношение к искусственному интеллекту иное. Конечно, я понимаю все угрозы, которые несет в себе искусственный интеллект, создающий пузыри и углубляющий пропасти между людьми: как только я окажусь в пузыре, меня будут кормить информацией, которая укрепляет мои убеждения, и отсекает все, что им противоречит. Кроме того, правительство использует систему распознавания лиц, следит за моим телефоном и так далее. Это очевидно, и это угрожающе и очень страшно. Но я хотел бы подойти к этой проблеме с несколько иной стороны, близкой к моей

профессиональной позиции. А именно со стороны свободы, ведь ИИ — это еще и человеческое творчество. А творчество — это то, чему как раз и угрожает искусственный интеллект.

До сих пор искусственный интеллект не создал для меня ничего полезного

В физике мой профессиональный интерес — это очень ранняя Вселенная, физика частиц, то есть что-то очень абстрактное. И до сих пор искусственный интеллект не создал для меня ничего полезного. Ничего, ноль, ноль, запятая,

Жауме Пленса (Jaume Plensa). Душа Эбро. 2008

ноль. Потому что, напитавшись тем, что мы на самом деле знаем, он может только смешать эти знания и попытаться что-то создать, скажем, что-то новое. Но есть примеры абсолютно фундаментальных изменений в физике в XX веке. И самые значительные из них — общая теория относительности Эйнштейна и квантовая механика — возникли совершенно неожиданно, как бы из воздуха. Не было ничего, что могло бы помочь создать эти теории. Так что это было абсолютно другое, и я никак не могу

представить себе, что машина искусственного интеллекта, если бы он существовал, например, в 1900 году и ему рассказали бы о ньютоновской гравитации, сумела бы создать что-то настолько другое, настолько полностью отличающееся, настолько ортогональное тому, что было известно раньше, как общая теория относительности, чтобы от ньютоновской теории гравитации концептуально ничего не осталось. Действительно ничего — ноль.

Так что проблема в том, что теперь, если я спрошу ChatGPT о квантовой гравитации (что я и сделал), он ничем не поможет, а будет выдавать совершенно очевидные вещи, потому что никто не имеет ни малейшего понятия, как сделать квантовую гравитацию.

Я 17 лет работал над теорией струн и знаю, что создать или предложить что-то новое и притом разумное чрезвычайно трудно. Повторяю, даже если мы попросим искусственный интеллект смешать очень разные вещи. Потому что он не обладает интуицией, например, Эйнштейна, или Гейзенберга, или Шрёдингера. Я не верю, что искусственный интеллект может обладать такой интуицией... Например, в шахматах очень хороший игрок знает, что пешку на левой стороне нужно сохранить, потому что она будет важна через 20 ходов, даже если эти ходы не просчитаны. Так что интуиция! И у человека она есть. У гигантов есть такая интуиция. Но я не думаю, что ее можно встроить в искусственный интеллект.

Угроза, которую я вижу, заключается в том, что ИИ — это очень удобно.

Например, студенты сегодня начинают использовать искусственный интеллект во время подготовки ответов на задания. На уровне студентов, на уровне изучения физики это нормально, так студенты могут найти решение предлагаемой им проблемы. Но если мы выходим за пределы наших знаний, выходим к чему-то, чего мы не знаем и понятия не имеем, как это решить, я не вижу способа решения. И может случиться так, что в будущем из-за умственной лени большинство проблем мы будем решать только с помощью искусственного интеллекта. Мы не будем пытаться решать действительно сложные задачи, совершать открытия, потому что понять, где находятся границы задач, стоит стольких усилий, стольких лет, что гораздо проще сказать: «Хорошо, мы решаем на основе того, что мы знаем, и все». Поэтому, с моей точки зрения, угроза заключается в том, что, каким бы прекрасным и полезным инструментом искусственный интеллект ни был, он может помешать нашему настоящему творчеству, созданию чего-то действительно нового.

Ян Альбрехт, немецкий политический деятель, вице-президент
Фонда им. Генриха Бёлля

Очень важно продолжать наши встречи

Прежде всего позвольте мне поблагодарить вас за то, что вы собрались здесь и устроили эти дебаты. Мы действительно горды и счастливы принимать Школу гражданского просвещения в Фонде Генриха Бёлля.

По поводу наших дебатов я хотел бы добавить, что, обращаясь к искусственному интеллекту, мы говорим скорее о некоем модном понятии,

которое должно быть определено более ясно для общественности. Я тоже считаю, что просвещение общества в этом вопросе очень важно. Важно, чтобы мы занимались этой темой, а не сидели и не смотрели на нее как на «слона в комнате». Очень важно понять реальное отличие искусственного интеллекта от других видов обработки информации.

Существенная разница заключается в том, что сложность, объем и скорость анализа данных в новых моделях очень высоки. Настолько высоки, что обычному человеку и даже эксперту, а иногда и разработчику очень трудно понять, что именно при этом происходит

ИИ может работать только с той информацией, которая уже есть

и каковы последствия происходящего. Поэтому необходимы этические стандарты и процедуры.

Я согласен с тем, что предлагается в настоящее время на европейском уровне, а также в США и других странах мира: думать о рисках и не забывать о базовых стандартах прозрачности и об исключении неприемлемых рисков.

И еще один важный момент, который также относится к вопросу о том, что может делать искусственный интеллект. ИИ может работать только с тем миром, который мы уже видели, с той информацией, которая уже есть. Включая, скажем, и информацию о дискуссии, которая состоялась на форуме о новом постколониальном подходе. Когда мы посмотрим на эту информацию, то окажется, что большая ее часть не является постколониальной, что это информация старого образца. И когда все это будет анализироваться с помощью техники на основе ИИ, он лишь

воспроизведет то, что уже есть. Будет копировать знания, которые уже есть. А также предубеждения, уже имеющиеся в обществе. А открытое общественное обсуждение может состояться только при наличии достаточной информации, в том числе и о высококонкурентной инновационной области ИИ, где никто не хочет делиться такой информацией. И к тому же мы обсуждаем это в геополитически рискованный момент, когда существующие аспекты безопасности не позволяют делиться всей информацией об инновациях. Поэтому есть такая проблема: прозрачность и полное представление о рисках — это очень сложно.

И в заключение позвольте мне сказать об одном положительном аспекте, который также играет роль. Я только что увидел, что есть приложение с искусственным интеллектом, которое может, используя видео, где я, например, говорю на английском, настроить его так, чтобы мои губы одновременно говорили то же самое на русском и вы слышали бы русский язык. Я думаю, это отличная инновация, позволяющая нам продолжать наши встречи и дебаты в расширенном составе. И я с нетерпением жду этого. Но тем не менее и здесь вы видите риск: вам нужно знать, что это подделка. Вы должны знать, что это машина, которая настраивает мои губы. Это важно, и в этом суть того, чтобы вникнуть в это.

Искусственный интеллект и гражданское общество

Денис Ягодин, директор по инновациям, Теплица социальных технологий

С момента своего зарождения в середине XX века искусственный интеллект (ИИ) эволюционировал от простых программных алгоритмов до сложных систем, способных к обучению, адаптации и принятию решений. Это не просто следующий этап в развитии компьютерных технологий, но и потенциальный катализатор глубоких изменений в экономике, образовании, здравоохранении и многих других сферах. Особенность современного ИИ заключается (сам термин и сфера ИИ появились еще в 1956 году) в его способности анализировать огромные объемы данных, распознавать образы, понимать естественный язык и контекст и даже имитировать человеческое мышление и творчество.

Важность ИИ выходит за рамки технических достижений; он ставит перед нами фундаментальные вопросы о природе интеллекта, самосознания и морали. Разработка и внедрение ИИ-технологий вызывают дебаты относительно этики, безопасности, приватности и влияния на рынок труда. В то время как потенциал ИИ для улучшения качества жизни и решения глобальных проблем огромен, существует также риск его использования в военных целях, для репрессий или для создания систем, усиливающих социальное неравенство.

Таким образом, ИИ является не только технологическим инструментом, но и зеркалом, отражающим как наши наибольшие надежды на будущее, так и глубочайшие опасения. Его развитие и применение требуют осмысленного подхода, в котором технологические инновации сочетаются с ответственностью перед обществом и уважением к человеческим ценностям.

Развитие и применение ИИ

Развитие искусственного интеллекта стало одной из самых значительных научных и технологических революций нашего времени. От первых попыток моделирования человеческого мышления в середине XX века до сегодняшних достижений в глубоком обучении и обработке естественных языков. Системы ИИ теперь способны принимать решения и даже создавать произведения искусства.

Это развитие не ограничивается одной лишь теоретической наукой или экспериментальными проектами; ИИ находит практическое применение в самых разных областях. В медицине ИИ помогает в диагностике заболеваний, предсказании исходов для пациентов и разработке новых лекарств. В образовании адаптивные обучающие системы предлагают

Важность ИИ выходит за рамки технических достижений; он ставит перед нами фундаментальные вопросы о природе интеллекта, самосознания и морали

персонализированные учебные программы, учитывая индивидуальные особенности и потребности каждого учащегося. В сфере экологии ИИ используется для мониторинга климатических изменений, анализа данных о загрязнении окружающей среды и оптимизации использования ресурсов.

Однако с расширением возможностей ИИ возрастает и сложность этических и правовых вопросов, связанных с его использованием.

Проблемы безопасности, приватности, ответственности за действия и решения, принятые на основе ИИ, требуют тщательного регулирования и разработки международных стандартов. Возникают дискуссии о влиянии автоматизации на рынок труда и о необходимости переосмысления традиционных подходов к образованию и профессиональной подготовке.

В то же время появление технологий ИИ открывает перед человечеством новые возможности для решения глобальных вызовов, таких как борьба с бедностью, обеспечение продовольственной безопасности и защита окружающей среды. Интеграция ИИ в повседневную жизнь предлагает улучшение качества жизни и в конечном итоге может способствовать устойчивому развитию общества.

Таким образом, развитие и применение ИИ носят двойственный характер, сочетая в себе обещание безграничных возможностей и вызовы, требующие ответственного подхода. В будущем успех в этой области будет зависеть не только от технологического прогресса, но и от нашей человеческой способности сбалансировать инновации с этическими принципами и общественным благом.

Этические и правовые аспекты ИИ

С ростом возможностей искусственного интеллекта усиливается необходимость в разработке этических и правовых рамок, регулирующих его разработку и использование. Правовые аспекты включают в себя создание законодательства, обеспечивающего безопасное и справедливое использование ИИ, а также международное сотрудничество для установления общих стандартов и норм.

Важным элементом этического рассмотрения ИИ является его прозрачность и объяснимость. Пользователи и общество в целом должны понимать, как работают ИИ-системы и

на основании каких данных они принимают решения. Это требует разработки методов, позволяющих интерпретировать и объяснять машинные алгоритмы.

Кроме того, возникает вопрос о распределении ответственности между разработчиками, пользователями и самими ИИ-системами. В случаях, когда решения ИИ приводят к негативным последствиям, необходимо четко определить, кто несет ответственность — разработчики за программирование и обучение систем, пользователи за выбор и применение ИИ в определенных контекстах или сам ИИ за принятие автономных решений.

Для защиты прав и интересов человека в эпоху ИИ требуется активное взаимодействие правовых, технических и этических экспертов, а также общественное обсуждение и участие в формировании политики в области ИИ.

Гражданское общество и ИИ

Развитие искусственного интеллекта открывает новые возможности для гражданского общества, позволяя решать социальные проблемы с большей эффективностью, включая мониторинг изменений климата, борьбу с незаконной вырубкой лесов и повышение доступности образования. Например, проекты, подобные Global Fishing Watch, используют ИИ для отслеживания незаконной рыбной ловли, демонстрируя, как технологии могут способствовать сохранению природных ресурсов.

Также ИИ играет важную роль в укреплении демократии и прав человека, анализируя большие объемы данных для мониторинга нарушений и распространения важной информации среди общественности. Например, нейросети умеют анализировать судебные решения в поисках признаков дискриминации или домашнего насилия.

ИИ может и напрямую помогать людям — например, автоматически и быстро обрабатывать изображения с дронов, чтобы помочь

Для защиты прав и интересов человека требуется общественное участие в формировании политики в области ИИ

спасателям найти потерявшегося в лесу человека или помогать людям с нарушением зрения ориентироваться в городском пространстве.

В целом ИИ предлагает мощный инструмент для гражданского общества, который может способствовать достижению устойчивого развития, защите прав человека и улучшению качества жизни населения. Но его потенциал будет полностью реализован только при условии ответственного подхода к разработке и использованию технологий, с учетом этических и правовых аспектов.

Роль человека в будущем ИИ

Будущее искусственного интеллекта и его влияние на общество напрямую зависят от нас — от нашего выбора, как использовать эти технологии, и нашей готовности столкнуться с вызовами, которые они

Будущее ИИ не только в руках разработчиков и инженеров, но и каждого из нас

представляют. В эпоху стремительного технологического прогресса роль человека не уменьшается, а становится еще более значимой: мы не только создатели и пользователи ИИ, но и стражи его этического применения. Это требует осмысленного подхода к разработке ИИ,

учитывающего потенциальные риски и стремящегося к устойчивому, инклюзивному и справедливому будущему.

Таким образом, будущее ИИ не только в руках разработчиков и инженеров, но и каждого из нас, кто призывает к ответственности, прозрачности и этичности в разработке и использовании технологий. Наша коллективная ответственность — формировать такое будущее ИИ, в котором технологии укрепляют наше общество, способствуют устойчивому развитию и улучшению качества жизни населения планеты.

Гонка за внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в системы ядерных вооружений началась. Но ни одна из мировых инициатив не реагирует адекватно на возникающие риски, — пишет в своей статье Мелисса Парк, бывший министр международного развития Австралии, исполнительный директор «Международной кампании за упразднение ядерного оружия» (International Campaign to Abolish Nuclear Weapons, ICAN), удостоенной Нобелевской премии мира в 2017 году.

Как предотвратить ядерный Армагеддон искусственного интеллекта*

Мелисса Парк,
исполнительный
директор
«Международной
кампании за упразднение
ядерного оружия»

Э то уже не научная фантастика: гонка за внедрение искусственного интеллекта в системы ядерных вооружений началась. Такое развитие событий может повысить вероятность ядерной войны. Правительства стран мира сейчас предпринимают действия, призванные гарантировать безопасность разработок и применения ИИ, поэтому у них есть возможность смягчить эту угрозу. Но если мировые лидеры действительно хотят воспользоваться этой возможностью, они сначала обязаны понять, насколько серьезна угроза.

Несколько недель назад «Большая семерка» в рамках Хиросимского процесса согласовала «Международный кодекс поведения для организаций, разрабатывающих передовые ИИ-системы» для «продвижения безопасного, надежного и вызывающего доверие ИИ во всем мире». Тем временем президент США Джо Байден подписал указ, устанавливающий новые стандарты «безопасности и надежности» ИИ. А Великобритания провела первый глобальный Саммит по безопасности ИИ, призванный гарантировать, чтобы эта технология разрабатывалась «безопасным и ответственным» образом.

* *Melissa Parke*. Preventing AI Nuclear Armageddon (c) Project Syndicate 9.11.2023 <https://www.ipg-journal.io/ru/regiony/mir/kak-predotvratit-jadernyi-armageddon-iskusstvennogo-intellekta-1928/>

Однако ни одна из этих инициатив не реагирует адекватно на риски, возникающие из-за применения ИИ в сфере ядерных вооружений. В утвержденном «Большой семеркой» кодексе поведения и в указе Байдена лишь мимоходом говорится о необходимости защищать население от генерируемых искусственным интеллектом химических, биологических и ядерных угроз. А премьер-министр Великобритании Риши Сунак вообще не упомянул острую угрозу, исходящую от применения ИИ в сфе-

*Простой гарантии,
что финальное решение
о запуске принимает
человек, будет
недостаточно, чтобы
смягчить эти риски*

ре ядерных вооружений, хотя он и заявил, что на Саммите по безопасности ИИ было достигнуто общее понимание по поводу возникающих рисков.

Никто не ставит под сомнение экзистенциальные риски применения ядерного оружия, которые могут нанести неописуемый урон человечеству и планете. Даже региональная ядер-

ная война убьет сотни тысяч человек напрямую и приведет к множеству страданий и смертей косвенным образом. Одно только изменение климата в результате такой войны грозит миллиардам людей жестоким голодом.

История ядерного оружия полна случаев, когда его едва не применили. И зачастую Армагеддон удавалось предотвратить людям, которые предпочли довериться собственному суждению, а не слепо следовать информации, поставляемой машинами. В 1983 году советский офицер Станислав Петров получил сигнал тревоги от спутниковой системы раннего предупреждения: американские ядерные ракеты направлялись в сторону СССР. Но вместо того, чтобы немедленно предупредить вышестоящее начальство (а это гарантированно спровоцировало бы ядерное «возмездие»), Петров правильно решил, что это была ложная тревога.

Мог бы Петров принять такое же решение (и была бы у него вообще для этого возможность), если бы в системе был задействован искусственный интеллект? Более того, применение технологий машинного обучения в сфере ядерных вооружений уменьшит контроль человека над решениями об их применении.

Да, безусловно, многие командные, контрольные и коммуникационные задачи были автоматизированы уже после изобретения ядерного оружия. Но по мере прогресса в технологиях машинного обучения процедура принятия решений продвинутыми машинами становится все более непрозрачной. Это называется «проблемой черного ящика» в ИИ. Она затрудняет людям мониторинг работы машин, не говоря уже об ответе на вопрос, все ли в порядке с этой машиной и не является ли она запрограммированной таким образом, что это может привести к незаконным или непреднамеренным последствиям.

Простой гарантии, что финальное решение о запуске принимает человек, будет недостаточно, чтобы смягчить эти риски. В исследовании

Программа ИИ «Open AI's DALL-E 2». Узник. 2023

2017 года психолог Джон Хоули делает вывод, что «люди в целом очень плохо выполняют требования, которые предъявляют надзорные органы к мониторингу автономных систем и вмешательству в их работу».

Кроме того, как показала в 2020 году программа Принстонского университета «Наука и глобальная безопасность», уже сегодня процессы принятия решений лидерами во время ядерного кризиса являются очень поспешными. Даже если ИИ будет использоваться только в сенсорах и для наведения целей, а не для принятия решений о запуске, уже и так сжатый график принятий решений о необходимости удара сократится еще сильнее. Возросшее давление на лидеров повысит риск иррациональных решений или ошибок в расчетах.

Еще один риск возникает при использовании ИИ в спутниках и других системах разведки и обнаружения. Станет еще труднее скрывать ядерное оружие, например, подводные лодки с баллистическими ракетами, которые исторически умели хорошо прятаться. Это может вынудить страны с ядерным оружием применить весь свой арсенал ядерного

оружия в начале конфликта, то есть до того, как противник получат шанс нейтрализовать известные ему ядерные системы.

Пока что ни одна инициатива (ни указ Байдена, ни кодекс поведения «Большой семерки») не заходит дальше добровольных обязательств сохранить за людьми контроль над принятием решений о ядерном оружии. Как отметил Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш, критически необходим юридически обязывающий договор о запрещении «летальных автономных оружейных систем».

Крайне важно, чтобы власти и общество начали бороться не только за отказ от использования ИИ в ядерном оружии, но и за ликвидацию такого оружия вообще

Но хотя такой договор является необходимым первым шагом, нужно сделать намного больше. Когда речь заходит о ядерном оружии, попыток спрогнозировать, смягчить или отрегулировать новые риски, исходящие от новых технологий, всегда будет недостаточно. Мы должны полностью исключить эти вооружения. Это означает, что все правительства должны обязаться запретить и ликвидировать ядерное оружие, присоединившись к «Договору о запрещении ядерного оружия», который открывает понятный путь к миру без такого оружия. Это также означает, что государства с ядерным оружием обязаны немедленно прекратить инвестировать средства в продолжающуюся модернизацию и расширение своих ядерных арсеналов под предлогом повышения их «безопасности» или защиты от кибератак. Учитывая непреодолимые риски, возникающие просто из-за самого факта существования ядерных вооружений.

Мы уже знаем, что автономные системы способны снизить порог начала вооруженного конфликта. В случае продолжающегося внедрения ИИ в сферу ядерных вооружений появится новый пласт рисков, хотя уровень опасности уже является неприемлемым. Крайне важно, чтобы власти и общество поняли это и начали бороться не только за отказ от использования ИИ в ядерном оружии, но и за ликвидацию такого оружия вообще.

Мы уже знаем, что автономные системы способны снизить порог начала вооруженного конфликта. В случае продолжающегося внедрения ИИ в сферу ядерных вооружений появится новый пласт рисков, хотя уровень опасности уже является неприемлемым. Крайне важно, чтобы власти и общество поняли это и начали бороться не только за отказ от использования ИИ в ядерном оружии, но и за ликвидацию такого оружия вообще.

**Обращение
к творцам Третьей научно-технической революции —
создателям квантовых компьютеров**

Мы, граждане глобального мира, в котором перспектива Третьей мировой войны уже не кажется абстракцией, полагаем важным обратиться к ведущим ученым и инженерам в области квантовых технологий, которые обладают уникальным влиянием и ресурсами и способны внести значительный вклад в предотвращение катастрофы.

Гражданственность, как показывает история, это перспектива создания такого мира, где права и свободы человека первостепенны. Инновации открывают новые горизонты в области вычислений, что может многое изменить в нашей жизни, включая безопасность, коммуникации и анализ данных.

От нашей гражданской позиции зависит общее будущее.

Создание и существование искусственного интеллекта невозможно без свободы, но в условиях злоупотреблений со стороны государств, корпораций и просто недобросовестных людей мы уже видим примеры его применения нецелевым образом, как инструмента радикализации и поляризации общества. Поскольку речь идет в том числе о невидимом упорядочивании межлических отношений с помощью искусственного интеллекта.

Наблюдая за тем, что происходит сегодня в мире: за отходом от базовых либеральных ценностей в некоторых ранее демократических странах, за желанием отдельных государств использовать новые технологии для установления тотального контроля над гражданами, за доминированием экономических целей и пренебрежением правами и свободами человека, не говоря уже о манипуляциях общественным мнением со стороны всех участников медиaprостранства, от государств и политиков до корпораций и медиахолдингов, — мы видим и убеждаемся в том, что в гражданском просвещении нуждается не только российское общество. Поэтому мы обращаемся к вам, творцам искусственного интеллекта, с призывом вспомнить о манифесте физиков, участников Пагуошского движения за мир, разоружение и международную безопасность, чтобы вместе с гражданским обществом продолжать борьбу за отказ от использования ИИ в военных целях и за ликвидацию ядерного оружия в целом.

Свою главную задачу мы видим в просвещении граждан и формировании общества, не считающего государство хозяином или врагом.

Мы приглашаем вас к диалогу на семинарах Школы гражданского просвещения, которая существует более 30 лет, для совместного поиска решений, которые могут способствовать миру и стабильности. Мы убеждены, что ваш вклад и лидерство могут стать ключевыми в предотвращении глобальной трагедии и помочь построить будущее, основанное на сотрудничестве, доверии и инновациях.

Пусть квантовый переход в технологиях станет переходом к более безопасному, стабильному и справедливому миру для всех нас!

*Основатели международной Школы гражданского просвещения
Лена Немировская, Юрий Сенокосов*

Почему демократия?*

Цена свободы — вечная бдительность. Цена демократии — постоянное беспокойство. Цена тирании — нескончаемая тревога за прошлое, настоящее и будущее.

Все мы в этом зале в той или иной степени дети третьей демократической волны, которая на гребне демократизации внесла нас в водоворот политики. В те далекие годы многие из нас чувствовали себя относительно комфортно на большом лайнере под названием «СССР». Этот лайнер довольно спокойно шел в бушующем океане политики — и только самые зоркие замечали, что он идет ко дну. И тут три балтийских народа быстренько взялись строить бумажные кораблики. Построив кораблики из Декларации о независимости, мы перепрыгнули в них и начали грести. 14 лет мы дружно гребли к следующему большому кораблю под названием «Европейский союз». Мне кажется, что три балтийских народа сыграли роль троянского коня — не мы одни, конечно, но это положило начало тому процессу, в результате которого большой корабль под названием «СССР» навсегда пошел ко дну.

Тем не менее мы были счастливы. Потому что дул попутный политический ветер и боги были на нашей стороне. Мы, как в древней поэме «Илиада», закончили войну. Больше трех лет прошло, пока мы освободились от Советской армии. И как Одиссей 10 лет пытался вернуться на Итаку, так и мы 10 лет пытались попасть в Европейский союз. И, как Одиссею, боги и благоволили нам, и мешали. Афина помогала Одиссею — Европа помогала нам. Посейдон мешал изо всех сил — он и сейчас многим мешает — и затеял войну с Украиной. А мудрый Зевс тоже был доброжелателен. Кто из богов символизирует нынешние большие государства, вы сами легко представили.

*Валдис Биркавс,
доктор юридических наук, премьер-министр Латвии (1993–1994), министр иностранных дел Латвии (1994–1999), министр юстиции Латвии (1999–2000)*

* Выступление на форуме «В поисках утраченного универсализма» в Берлине 6 декабря 2023 г.

Так вот, нам приветливо махали с этого другого корабля, и мы начали работать для того, чтобы выполнить так называемую копенгагенскую мантру. Мы знали ее наизусть: демократия, рыночная экономика и административно-правовая институциональная способность сотрудничать с Евросоюзом.

Тут есть представители стран, которые думают о Евросоюзе. Я вам скажу, что даже если вы не хотите и даже если вас не будут принимать и вам будут отказывать — вы должны начинать уже сейчас. Вы должны посмотреть, как действовали мы, Балтийские страны. Надо решить десятки тысяч вопросов. При нашей первой попытке нам за один раз

Только сейчас мы начинаем понимать, что возникает драматическое противоречие между внедрением демократической системы и недемократической политической культурой

задавали две тысячи вопросов. Каждый наш шаг на пути к консолидированной демократии был проверен. Это тяжелейшая работа, которую мы проделали с удовольствием, единой командой, всей страной — конечно, не абсолютно, но это был душевный порыв, никто не мог нас остановить.

Прошло 10 лет. Пенелопа ждала нас, Итака ждала нас — правда, там были еще и другие женихи. Но давайте посмотрим, что же случилось потом. Евросоюз признал 10, а

потом и 12 стран консолидированной демократией. Все внедрено, все критерии выполнены тяжелейшим трудом, сотнями законов, новыми институциями. Мы приняли сотни новых правил, поменяли политическую систему, перевернули страну вверх дном, так сказать. Это была новая страна. Мы видели перед собой снежные вершины демократии. И когда мы достигли их, то оказалось, что до снежных вершин еще далеко, а мы еще только вылезли из глубокой ямы!

Это очень большой труд, и его надо начинать сейчас, по капле, в любой, даже тиранической стране. Потому что, изменив всю страну, мы не изменили того самого *советского человека*, о котором говорила Лена: он как был, так и живет в Евросоюзе со всеми своими старыми стереотипами. И самое страшное в том, что даже те, кто родился в независимой Латвии, Эстонии или другой стране Евросоюза, имеют черты советского человека. Может быть, это имманентные черты человека вообще?..

Я хочу сказать, что только сейчас мы начинаем по-настоящему понимать, что возникает драматическое противоречие между внедрением политической системы — демократической системы, демократической конституции — и недемократической политической культурой. Она так позорно напоминает большевистскую практику, может быть, несколько смягченную.

Пойдем по порядку.

Что мы видим в настоящее время? Прошло 33 года после объявления независимости. Вспоминается, что Моисей водил свой народ 40

лет по пустыне, чтобы освободиться от рабской природы. У нас прошло 33 года — значит, на освобождение от рабской природы у нас осталось всего 7 лет. Один коллега сказал мне: «Ничего не получится! 40 лет не хватит: человек сейчас живет гораздо дольше, чем раньше. Надо больше времени». И я тоже так думаю.

Так вот, этот человек, который сегодня в правительстве, в институтах, он, во-первых, не умеет находить компромисс. Любой конфликт (который является движущей силой демократии!) создает образ врага, если одни на одной стороне, а другие на другой стороне. Нет человека, который готов сделать хоть малейшую уступку. И если ничего нельзя решить, то вопрос остается нерешенным или решается деспотией большинства.

История — нормативная история, навязанная государством, — становится инструментом расщепления общества на куски.

Я интересовался у своих друзей-швейцарцев: в их истории есть некоторые не очень красивые случаи, которые можно раздуть в большие конфликты, а они их почему-то обходят, не упоминают о них!

История нужна для того, чтобы каждый мог изучать прошлое и приходить к собственным выводам о том, что было. А если мы изначально начинаем нормативно навязывать историю — что происходит во всех странах, — то мы получаем общество, разделенное историческим прошлым.

Ведь памятники сносят как раз *так*, как и в 1917 году. Памятники — это же тоже история прошлого. Конечно, есть памятники, которые не нужны и которые надо сносить, но меня пугает это совершенно твердокаменное отношение, в котором нет места главной демократической традиции: решению конфликта интересов путем нахождения компромисса.

В 1990-х годах, в свой звездный час, демократия как бы озарила весь мир, и тогда известный американский политолог и социальный философ Сэмюэл Хантингтон признал, что третья волна демократизации достигла своего апогея и начинается спад демократии. Мне кажется, что сейчас идет поиск каких-то комбинированных форм диктатуры, совмещенной с демократией. Профессор Стэнфордского университета Филипп Шмиттер (Philippe C. Schmitter) писал о таких формах, как *диктократия* и *демократура*. Диктократия — это диктатура с элементами демократии, а демократура — демократия с элементами диктатуры. То есть идет поиск какой-то формы, которая «сильной рукой» компенсировала бы якобы существующие недостатки демократии.

Самый обнадеживающий факт состоит в том, что с 1975 года, с началом третьей волны демократизации, с демократизацией Португалии, Испании и ряда других стран, почти ни одна страна не вернулась к перевороту с целью восстановления тирании или автократии. Почти ни одна. То есть в мире доминирует тенденция к сохранению *демократической*

структуры. Тем не менее та демократическая структура, которая не является консолидированной демократией, не дает ни дополнительного богатства, ни дополнительной привилегии — она фактически обрекает страну на слабые правительства, частые смены власти. Я постоянно задаю себе вопрос: и где тут выход? На мой взгляд, цена демократии — постоянное беспокойство. Невозможно установить демократию и сказать:

*Только образованное,
просвещенное гражданское
общество может спасти
демократию*

теперь будем жить демократично, красиво, богато, спокойно — ура!

Нет, демократия требует активного гражданского общества. И если говорить честно, то в первых рядах на этом фронте борьбы за сохранение демократии находятся такие

организации, как ваша — *как наша*. Потому что только образованное, просвещенное гражданское общество может спасти демократию, улучшить ее, довести до консолидации — такой ситуации, когда демократия дает свои положительные плоды.

Демократия как бы шла от Фрэнсиса Фукуямы: он объявил ее звездный час. Это вдохновило многих, вдохновило многие страны — значит, будущее за демократией!

Поэтому я бы хотел, чтобы просвещение, подобное тому, каким занимается Школа, распространилось в гораздо более широком масштабе. Эта Школа нужна не только странам, которые станут демократиями в будущем, но и старым демократиям, тем более таким, которые сейчас испытывают кризис в силу того, что это не консолидированная демократия, а постсоветская.

К вопросу о российском обществе и коммуникации с ним извне страны*

Екатерина Шульман,
политолог,
приглашенный научный
сотрудник Берлинского
центра Карнеги
по изучению России
и Евразии

Мы с вами говорим в конце 2023 года. Скоро уже два года, как идет война, и есть возможность, оглянувшись назад, подвести некоторые итоги того, что успело сформироваться или что сумело сохраниться в условиях диаспоры, изгнания и рассеяния.

Российское общество, российская антивоенная диаспора, оказавшаяся вне России, формирует и поддерживает два вида структур:

- структуры медиа, средства массовой информации,
- структуры правозащитные, помогающие.

Это не новость: российское общество вообще имеет склонность и внутри страны и в более благополучные времена именно к этим двум видам саморформирования, самоорганизации. Мы не очень хорошо создаем политические структуры: долгая привычка приучила нас к тому, что это не вполне осмысленно, что это мало что дает. Поэтому у нас практически нет полноценных политических партий. Но у нас есть и старые, и новые, и заслуженные, и молодые, и довольно эффективные правозащитные организации, которые помогают людям. Судя по тому, с каким упорством Российское государство борется с ними, оно тоже осознает, насколько это эффективные структуры.

На днях исполнилось 13 лет ОВД-Инфо, одной из таких гражданских сетевых структур, которые возникли уже на наших глазах, во время протестов 2011 года, и которая, к счастью, функционирует до сих пор.

«Мемориал» насчитывает много десятков лет своей деятельности, и деятельность эта была увенчана Нобелевской премией. Но «Мемориал» совсем не

* Выступление на форуме «В поисках утраченного универсализма» в Берлине 7 декабря 2023 г.

музейная, не архивная организация — это чрезвычайно живая структура, которая продолжает работать и в Европе, и даже в России.

Образовались новые структуры для помощи уехавшим, для помощи украинским беженцам, для помощи российским (давайте уже скажем это слово) *беженцам*. Люди, которые бегут от полицейского преследования, от войны, от опасности потерять жизнь, свободу и имущество, —

Устойчивость, адаптивность, выживаемость и при этом качество работы российских СМИ поражают воображение

это беженцы, а не релоканты, даже если нам приятнее так себя называть. Эти не так давно появившиеся структуры, помогающие людям, были сформированы буквально «на коленке», на ходу и функционируют

довольно эффективно. Некоторые из них — это *сети*, включающие в себя много стран, причем не только европейских. Ведь первым выбором людей, уезжающих из России, являются скорее безвизовые страны, поэтому больше людей уехало в Грузию, Армению, Турцию, чем в Европейский союз. Часто эти люди затем перемещаются или стараются переместиться уже в Европу.

Некоторые такие сети носят транснациональный характер. Некоторые организации локальны, они концентрируются в одной стране или даже в одном городе. Это может быть и коллективный чат в «Телеграме», тем не менее это организации, возникшие из потребности помогать людям и получать помощь.

Второй тип — медиаструктуры.

Многие пережили погром, который с ними случился в России, перевезли свои коллективы и свои коммуникационные каналы и продолжают работать. Но появилось и много новых.

Устойчивость, адаптивность, выживаемость и при этом качество работы российских СМИ, конечно, поражают воображение. Хотя и не от хорошей жизни мы такие навыки приобрели, но мало кто может сравниться с нами по этим параметрам.

И, переходя к частичному ответу на вопрос о России, мы видим на протяжении прошедших почти двух лет, что наша аудитория по-прежнему в России и она растет.

Два факта, которые показывает статистика Google и YouTube каждый день:

- аудитория растет,
- аудитория преимущественно находится в России.

У разных каналов и разных медиа эта пропорция разнится. Я не медиа, но я могу говорить о своем YouTube-канале: 65–68% всех просмотров приходит из России. Эта пропорция не изменилась в 2022 году по сравнению с 2021 довоенным годом. Изменилась статистика стран, откуда меня продолжают смотреть, но при этом большинство просмотров по-прежнему из России, и по сравнению с 2021–2022 годами их

стало больше. Это не производная от моих персональных талантов — это явление повсеместное. Людям все больше нужна информация, коммуникация, какой-то человеческий голос, возможность разобраться в происходящем.

И кроме того, мы все, говорящие по-русски и о российских делах, получаем обратную связь.

То, в каких количествах и что именно пишут люди из России, какой информацией они делятся, — это удивительно. И это показывает огромную потребность почувствовать себя неодинокими, неизолированными, почувствовать часть какого-то, в исторических терминах говоря, *резистанса* — какой-то сети, которая, может быть, не видна, но которая существует и которая объединена общими ценностями, общими желаниями и, соответственно, общей целью, общим ожиданием и попыткой подготовить или ускорить тот же самый исторический поворот. Его ждут в России, его ждем и мы.

Мы в разных терминах можем его формулировать. Но даже если, говоря об общественном мнении, пользоваться самыми лоялистскими формулировками и говорить на официальном языке государственной России, тут мы можем, например, посмотреть на только что вышедший опрос «Левада-центра». Респондентов спросили, какой вопрос они задали бы президенту на прямой линии. Как вы понимаете, на такие вопросы в принципе скорее отвечают лоялисты. Люди, настроенные строго отрицательно к действующей власти, либо не будут отвечать на этот вопрос, либо скажут, что ничего у президента спрашивать не будут. Поэтому мы имеем дело скорее с лоялистской выборкой. И на первом месте мы видим с хорошим отрывом от всех остальных вариантов — 32% респондентов спросили бы: «Когда закончится война?»

На фоне распространившегося в Европе за последний год представления о том, что российское общество адаптировалось к войне и как-то даже получает от нее удовольствие, извлекает из нее какую-то выгоду, мы не наблюдаем ничего подобного ни по каким опросам: ни по данным «Левада-центра», ни по результатам независимых социологических структур, таких как «Хроники» или Russian Field, ни по данным ВЦИОМ.

Напротив, руководитель ВЦИОМ недавно шокировал общественность, сказав в своем выступлении, что войну поддерживают 10–15%, что столько составляет провоенная страта, активные милитаристы, которые хотят продолжения и эскалации. И то, что он говорит, очень хорошо сочетается со всеми другими результатами, которыми мы располагаем.

Из этого совершенно не следует, что российский народ каким-то образом остановит войну. Народ живет в условиях жесткой автократии, которая по определению не считается с народным мнением. Всем понятно, например, что российские граждане не могут выбрать мэра в своем

городе или не могут иметь своего депутата. Это понятно. Поэтому никто не задает вопроса: «А партия “Единая Россия” отвечает народным чаяниям?» — этот вопрос кажется смешным. Но при этом почему-то предполагается, что те же самые люди, настолько лишенные политических и гражданских прав, каким-то образом могли начать войну, продолжают ее и она будет продолжаться, пока она им не разонравится. Знаете, давайте уже как-то попробуем последовательно мыслить: если у вас нет прав в малом, то и в большом у вас их тоже нет.

Теперь, что касается нашего таймлайна, наших перспектив и того, что англичане называют *urgency*, срочностью. С одной стороны, по итогам почти двух лет мы понимаем, что имеем дело с долгой историей, с долгим процессом. К добру или к худу, в той ситуации, в которой мы оказались, какое-то время мы еще будем находиться. Я не буду давать временных прогнозов, это бессмысленно. Но за последние два года российская политическая система явно продемонстрировала и свою *устойчивость*, и свою *хрупкость*. Парадоксальная природа автократий именно в этом. Они очень адаптивны, потому что они могут не считаться с потерями и не считаться со снижением уровня жизни своих граждан. И одновременно они хрупки, потому что у них нет ни механизма передачи власти, ни устойчивых институтов. Поэтому несколько раз мы видели, как эта, казалось бы, непобедимая политическая машина едва не рухнула.

Мы видели это летом во время пригожинского мятежа и его последствий. Мы видели это (кстати, о чем уже все позабыли) в самом начале вторжения, когда вдруг выяснилось, что оно было основано на совершенно ложных предпосылках, что ни армия, ни ФСБ, ни военная разведка не таковы, как от них ожидало руководство страны. И тогда все это устойчивое вдруг стало казаться, наоборот, очень-очень неустойчивым.

Система выжила и первый раз, и второй, и третий.

В качестве еще одного такого примера поменьше можно привести бунт в Махачкале, когда несколько сотен невооруженных, но просто решительно настроенных людей берут под контроль международный аэропорт, охраняемый ФСБ (а пограничная служба — это подразделение ФСБ), выходят на летное поле, ищут евреев, делают то, что им вздумается. И самое главное, как и в случае с Пригожиным, за этим не следует никакой широкой репрессивной кампании, никакой чистки, никакой реакции со стороны государства.

В случае с Пригожиным реакцией был театральный взрыв в небе, что, конечно, очень впечатляюще, но это не то, как действует государство против мятежника — так действует один бандит побольше против бандита поменьше.

Вот в этом заключается тот авторитарный парадокс, который я пытаюсь описать. Поэтому ситуация наша одновременно и затяжная, и неустойчивая. И нам с этим надо иметь дело. Поэтому российская

Робби Барбер (Robbie Barber). Дом нуль. 2008

антивоенная диаспора, находящаяся в Европе (если мы говорим о Европе), нуждается в институционализации. Этих людей здесь сотни тысяч. И они должны быть каким-то образом, скажем так, *организованы*.

Ожидания, что антивоенные россияне выберут себе какого-то вождя и организуют какую-то «службу одного окна», и в это окошко можно будет подойти и постучаться, и там за ним будут все антивоенные русские, — эти ожидания были сильны в 2022 году. Потом, к моему удовольствию, они несколько поутихли, потому что это, в общем-то, довольно бессмысленно. Объединение возможно ради *действия*. Антивоенные россияне вне России заняты деятельностью, но это продленная деятельность. Поэтому объединение ради какой-то разовой акции, ради какого-то ограниченного во времени действия возможно, но речь идет о длительных процессах. Поэтому, я надеюсь, всем понятно, что вот те

несколько СМИ, о которых я говорила, это эффективнее с точки зрения медиаработы, чем какая-нибудь «объединенная редакция Главлит».

Требование к политическому объединению на самом деле такое же абсурдное, как было бы требование (которое мы, по счастью, не слышим) о том, чтобы все российские медиа вне России объединились в

*Российская антивоенная
диаспора, находящаяся
в Европе, нуждается
в институционализации*

один штаб. Вот скажите: зачем бы это могло быть нужно?

Или если бы все правозащитные организации объединились в одну: например, все вступили бы в «Мемориал», а остальное бы ликвидировали. Какой цели бы это служило?

Поэтому я со своей стороны искренне приветствую усилия и Европейского парламента, и ПАСЕ по переговорам об организации постоянной платформы по взаимодействию с антивоенной Россией, внутри России и вне России, и по организации офиса какого-то представителя, омбудсмена, представителя по правам, посла по взаимодействиям с этой демократической Россией. Потому что наша ответственность — нас, говорящих по-русски, — перед нашей аудиторией, а наша аудитория преимущественно находится в России, и меньше она не становится.

*Искренне приветствую усилия
и Европейского парламента,
и ПАСЕ по переговорам
об организации постоянной
платформы по взаимодействию
с антивоенной Россией*

В ближайшие месяцы мы будем иметь дело с президентской выборной кампанией. Сегодня она началась. После того как она завершится — если она пройдет гладко и так, как организаторы хотят, чтобы она прошла, — та частичная эйфория, в которой нынче пребывает российское руководство, может смениться

эйфорией полной. И тогда мы можем ожидать и эскалации. Для нас с вами это значит, что возможна следующая волна эмиграции. К этому надо быть готовым.

Если будет новая мобилизация — а это *не* невозможно, выразусь аккуратно, это не обязательно случится, но это вполне вероятно, — то, зная наши режимные особенности, скорее всего, она не будет сопровождаться полным закрытием границ, но будет сопровождаться такими мерами, которые напугают большое количество людей и побудят тех, кто не уехал или уехал и вернулся, к тому, чтобы из России *уехать*. Такой сценарий надо иметь в виду. Будет довольно глупо, если мы к этому окажемся не готовы.

Современная международная архитектура невозможна без участия гражданского общества*

Андреас Буммель,
соучредитель
и директор организации
«Демократия без границ»
и международной
кампании We the Peoples
за Парламентскую
ассамблею ООН

Кампания We the Peoples, как следует из ее названия, отсылает к самому началу Устава ООН, которое гласит: «Мы, народы Объединенных Наций...» То есть от имени нас, народов Объединенных Наций.

Однако если вы посмотрите на учредительный документ ООН, то напрасно будете искать в нем какие-либо положения или названия органов, которые бы действительно предоставляли право голоса народу, нам, гражданам мира. И в этом отношении нынешнюю ситуацию нужно безотлагательно пересмотреть.

Президент Украины Зеленский сказал, что если ООН не изменится, то можно ее просто упразднить. И, я полагаю, на это стоит обратить внимание. Мы должны думать не только об изменениях в России в связи с российской агрессией против Украины, но и о конфигурации международной системы. Мы должны изучить упущенные возможности. Вчера на форуме говорили об окне возможностей, которое существовало в 1990-е годы после холодной войны. И я согласен, что конец истории в смысле преобладания демократии на уровне национальных государств оказался неправдой. Собственно, поэтому вопрос, на который мы стараемся ответить в рамках кампании We the Peoples, таков: как выйти за пределы системы национальных государств, в основе которой лежит идея суверенитета и на которой построена сегодняшняя Организация Объединенных Наций.

Поэтому кампания выдвигает три конкретных предложения, которые вполне прагматичны и могут быть реализованы, как только для этого появится политическая воля.

* Выступление на форуме «В поисках утраченного универсализма» в Берлине 7 декабря 2023 г.

Во-первых, Парламентская ассамблея ООН может предоставить право голоса избираемым представителям гражданского общества.

Во-вторых, предлагается создать по образцу Европейской гражданской инициативы официальный инструмент Всемирной гражданской

Кампания выдвигает три конкретные предложения, которые могут быть реализованы

инициативы ООН, который позволит отдельным гражданам выдвигать предложения на основе определенного уровня поддержки. То есть, общественно репрезентативные, они будут представляться главам государств и правительств на открытии каждой ежегодной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в сентябре.

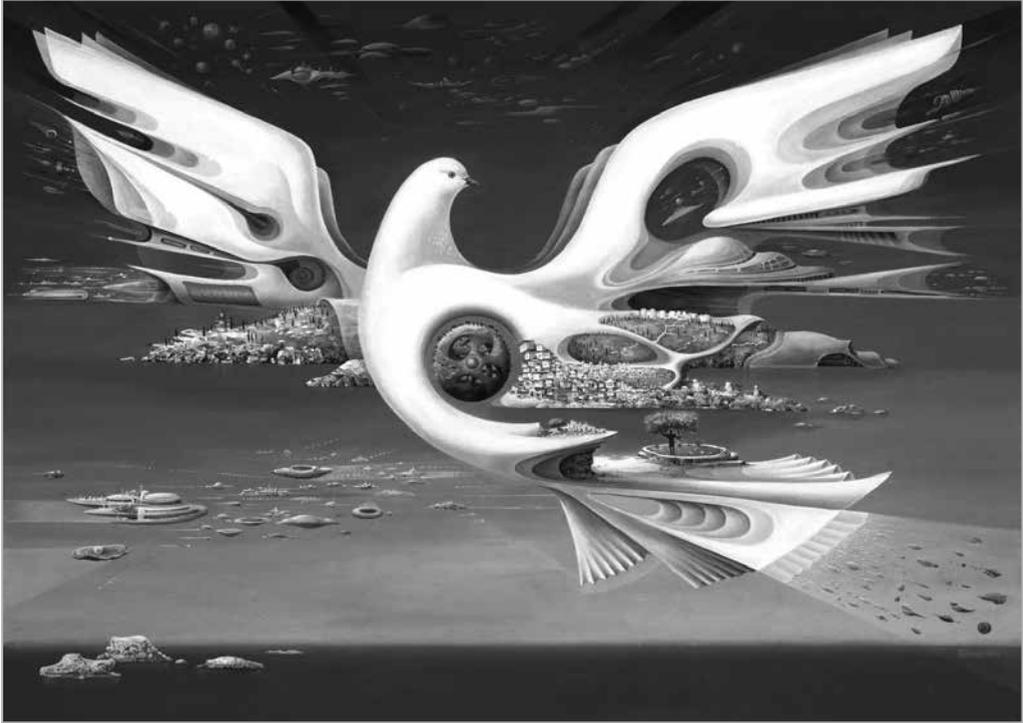
И третье предложение, которое мы выдвигаем в рамках кампании и которое поддерживают сегодня более 200 общественных сетей, альянсов и групп гражданского общества — от сельских инициатив в Африке до крупнейших экологических организаций на планете: учредить в Организации Объединенных Наций должность высокопоставленного представителя гражданского общества в качестве дополнительного координатора для организаций гражданского общества, чтобы взаимодействовать с Организацией Объединенных Наций и влиять на повестку дня и ее обсуждение в ООН.

В сентябре 2024 года ООН проведет так называемый Саммит будущего

Эти три предложения нацелены на серьезные изменения. Мы видели, как ООН — не в последнюю очередь из-за ее формального устройства с правом вето — застыла во времени более чем на 75 лет. Поэтому мы считаем, что если создадим эти механизмы через Генеральную Ассамблею без изменения

Устава ООН, то они станут платформой для достижения больших перемен. Наступающий год этому благоприятствует, так как в сентябре 2024 года ООН проведет так называемый Саммит будущего. Сейчас об этом ведутся переговоры между странами — членами ООН. И параллельно существует трек гражданского общества для обсуждения изменений, необходимых в ООН. Правительство Германии является одним из участников и координаторов этого процесса. Поэтому я хотел бы воспользоваться своим выступлением и призвать правительство Германии, в частности Министерство иностранных дел, возглавляемое «зелеными», рассмотреть эти предложения и уделить им должное внимание в качестве сокоординатора.

Если мы посмотрим на тему нашего форума — «В поисках утраченного универсализма» — и на программу вчерашнего дня, когда обсуждалась проблема деколонизации, то увидим на более глубоком уровне сходство с тем, как в свое время создавалась по инициативе великих держав Организация Объединенных Наций. Стоит отметить, что во время Второй мировой войны и после нее, когда первые страны начали деколонизацию, еще отсутствовало «стандартное мышление», согласно

Васко Ташковски (Vasko Taskovski). Друг мира. 2000

которому самоопределение народа автоматически означает создание суверенного национального государства. Идея, которую выдвигали тогда французский и сенегальский политик Леопольд Сенгор, индийские политические и общественные деятели Джавахарлал Неру и Махатма Ганди, заключалась в том, что должно существовать глобальное гражданство и даже Всемирная федерация — в отличие от закрепленной Организацией Объединенных Наций формы «серийного производства» суверенных национальных государств, поддерживающей существование неокOLONIALИСТСКОГО менталитета.

Между тем современная международная архитектура невозможна без участия в ней гражданского общества, у которого появляется совершенно иная роль.

*Николас Рид Ланген,
научный сотрудник
Re:constitution 2021*

*Судный день демократии**

С ростом популистских, антидемократических политических движений и партий многие демократические страны все чаще для поддержания своего конституционного порядка полагаются на суды. В этих случаях очевидное отсутствие демократической подотчетности неизбежных судей является большим преимуществом.

День за днем, неделя за неделей суды становятся передней линией защиты демократии от популистов и авторитаристов.

В декабре 2023 года Верховный суд штата Колорадо запретил Дональду Трампу баллотироваться на пост президента в этом штате из-за его роли в захвате Капитолия 6 января 2021 года.

В феврале 2024 года федеральный апелляционный суд округа Колумбия постановил, что Трамп не имеет иммунитета от судебного преследования за любые действия, совершенные во время пребывания в должности¹.

Более того, в том же месяце суд штата Нью-Йорк наложил на Трампа штраф в размере 355 миллионов долларов за финансовое мошенничество — это помимо 83 миллионов долларов, присужденных присяжными по делу о клевете Трампа на женщину, выигравшую у него тяжбу о сексуальном насилии.

* *Nicholas Reed Langen. Judgment Days for Democracy // Project Syndicate. 28 Feb. 2024.*

¹ Лишение экс-президента неприкосновенности означало, что он может быть судим по уголовному делу о штурме Капитолия и попытках незаконно повлиять на результаты президентских выборов 2020 года. Адвокаты Трампа обжаловали это решение в Верховном суде США. Слушания Верховного суда США по вопросу о возвращении Дональду Трампу иммунитета от судебного преследования начнутся 22 апреля 2024 года. (Здесь и далее прим. ред.)

Эти два судебных решения не только запретят ему вести бизнес в Нью-Йорке ближайшие три года, но и, скорее всего, лишат его почти всех имеющихся у него денежных средств.

Тем временем по эту сторону Атлантики консервативное правительство Соединенного Королевства пытается принять законопроект о переселении мигрантов, призванный обойти постановление, которым Верховный суд Великобритании в ноябре 2023 года отменил правительственный план по борьбе с нелегальной миграцией. В Израиле в самом начале 2024 года высший суд страны отменил поправку к Основному закону о судебной системе, ограничивавшую его собственные полномочия по пересмотру решений правительства. А в Германии Конституционный суд в конце января постановил, что крайне правой и антидемократической партии Die Heimat может быть отказано в государственном финансировании, и это заставляет думать, что не исключается аналогичное решение относительно все более популярной партии «Альтернатива для Германии» (AfD).

Дело Трампа в Верховном суде США может оказаться одним из самых важных в истории Соединенных Штатов. После того как Верховный суд Колорадо постановил, что роль Трампа в восстании 6 января лишает его права занимать высокий пост, стало понятно, что свое мнение придется высказать суду последней инстанции².

Приняв дело, судьи должны решить, будут ли они блокировать возвращение Трампа на пост президента, зная, что он пообещал устроить «бедлам», если вынесут вердикт против него. Но даже если последователи Трампа учинят беспорядки, американская система демократии, созданная для сдерживания демагогов, устоит. Если же судьи отменят решение Колорадо, что кажется вполне вероятным, будущее американской демократии вполне может оказаться в руках лишь горстки избирателей в ключевых колеблющихся штатах.

Суды и закон были переплетены с американской политической жизнью почти с момента ее основания. В 1835 году Алексис де Токвиль заметил, что «в Соединенных Штатах почти не бывает политических вопросов, которые не решались бы рано или поздно в судебном порядке». Это не было преувеличением. В 1803 году в деле «Марбери против Мэдисона» Верховный суд принял на себя право пересматривать и при необходимости отменять законодательные акты и тем самым утвердил себя в качестве окончательного арбитра в вопросе о содержании и требованиях Конституции США.

*В США суверенитет суда
воспринимается почти
как должное,
и лишь изредка раздается
ропот несогласия*

² Данная статья была написана до того, как Верховный суд США провел слушания по иску Дональда Трампа против штата Колорадо и 4 марта принял решение оставить за Трампом право баллотироваться на президентский пост.

Хотя Соединенные Штаты уже давно являются ведущей демократией в мире, лишь немногие страны переняли их судебную модель. В США суверенитет суда воспринимается почти как должное, и лишь изредка раздаётся ропот несогласия. Но многих наблюдателей в других странах беспокоит мысль, что несколько мужчин и женщин в черных мантиях могут принять решение, скажем, о создании национального банка или о законности рабства. Хотя почти в каждой демократической стране есть Конституционный суд, лишь немногие из них настолько же политизированы, как американский Верховный суд.

Тем не менее популистская политика вносит все больше напряжения в конституционный порядок многих стран, и во все большем числе случаев суды проявляют себя по-новому.

*Суды должны
принять на себя роль
арбитров правосудия*

Хорошим примером является попытка правой израильской администрации запретить Верховному суду страны рассматривать «разумность решения правительства, премьер-министра или любого другого министра»³. В первый день января 2024 года Верховный суд Израиля отменил этот закон. Следуя по стопам своих американских коллег, судьи определили, что Суд — а не Кнессет, не правительство и не президент — является высшим авторитетом в вопросах смысла и требований Основных законов Израиля.

В Великобритании, где суды уже давно называют «львами под треном», прошлогоднее решение, отменившее правительственный законопроект о переселении мигрантов, говорит о том, что, когда это необходимо, судьи выходят из тени.

Суд постановил, что попытка правительства отправить просителей убежища в Руанду представляет собой нарушение как международного, так и внутреннего законодательства, поскольку — вопреки утверждениям Министерства иностранных дел — Руанда не считается безопасной для переселения страной.

Неясно, что произойдет, если правительству премьер-министра Риши Сунака удастся принять закон, объявляющий Руанду «безопасной», — просто потому что ни одно британское правительство никогда не принимало законы, единственной целью которых является отрицание реальности. (На самом деле число руандийцев, ищущих политического убежища в Великобритании, уже превышает число тех, кого Великобритания пытается отправить в Руанду.)

Если традиционная концепция парламентского суверенитета Великобритании устоит, Верховный суд будет вынужден согласиться с таким

³ В июле 2023 года парламент Израиля проголосовал за принятие поправки, отменяющей «принцип разумности», к которому Верховный суд мог прибегать, чтобы корректировать решения правительства и парламента по назначениям и другим вопросам.

Робби Барбер (Robbie Barber). Акулы рифа. Акулы сделаны из сумок для гольфа. 2012

исходом «Алисы в Стране Чудес». Тем не менее, даже если в этом конкретном случае судьи окажутся не готовы опрокинуть конституционную тележку с яблоками, очевидны изменения в судебной власти в целом — как в Великобритании, так и на международном уровне.

Чтобы пережить этот период популистских нападок на демократический порядок, суды должны принять на себя роль арбитров правосудия. Они знают, что их решения не могут зависеть от прихотей Трампа или Бориса Джонсона. Они должны следовать разуму, прецеденту и закону.

В период растущего популистского давления очевидная демократическая неподотчетность судебной власти, скорее всего, окажется не слабостью, а одним из ее основных достоинств. Возможно, сейчас суды являются последними гарантами демократического конституционного порядка.

Как меняется отношение американцев к полномасштабному вторжению России в Украину? Какие вопросы волнуют американцев в преддверии президентских выборов? Как бы повели себя в современной ситуации Генри Киссинджер и Збигнев Бжезинский? Почему выдвижение Дональда Трампа — это провал американской системы? На YouTube-канале Sapere Aude вышло интервью с **Тоби Гати** — сопредседательницей Совета директоров Школы гражданского просвещения и бывшей советницей президента США Билла Клинтона по вопросам России и СНГ. Публикуем его текстовую расшифровку.

Марина Скорикова

Бороться за институты, а не полагаться на них*

Тоби Гати

Марина Скорикова: Умер крупнейший стратег, сторонник реальной политики Генри Киссинджер. С одной стороны, его имя связано с рядом жестких внешнеполитических кампаний, с другой — он получил Нобелевскую премию мира за свою роль в достижении Парижского мирного соглашения, которое на время прекратило войну во Вьетнаме и, как предполагалось, должно было ее завершить. Какое наследство оставил в американской политике Киссинджер? И насколько вообще американские элиты склонны к саморефлексии?

Тоби Гати: Мнения о Генри Киссинджере кардинально разнятся. С одной стороны, он положил начало отношениям с Китаем и поддерживал ровные отношения с Союзом, способствовал заключению мирных соглашений на Ближнем Востоке. Человек широко мыслящий, он пользовался глубокими знаниями истории XIX века, в частности, системы отношений европейских государств, был советником всех президентов периода холодной войны. Его влияние было огромным.

Я отношусь к нему двояко, потому что в первую очередь мы помним разрядку с Китаем и Россией, но на самом деле его политика заключалась в том, чтобы

* <https://sapere.online/borotsya-za-instituty-a-ne-polagatsya-na-nih/>

улучшить отношения с Китаем, чтобы приструнить Россию. Хорошие отношения между тремя державами не были целью. Он всегда говорил о балансе за счет напряженности между Китаем и Россией. Однако говорил он об этом так, что очаровал и китайцев, и русских, заставив их думать, что хочет хороших отношений со всеми. Но как только он увидел конфликт, а на самом деле войну между Россией и Китаем на реке Уссури, он отметил: «Это шанс». Он часто использовал такие возможности, когда они возникали.

В своих трудах он предсказывал распад СССР. Он не был этим доволен, потому что считал, что самое важное — это стратегическая стабильность, подразумевая ядерное оружие, и мы должны были быть уверены, что не ввяжемся в войну. И в этом он был прав, это было очень важно, но не все, что было важно в мире.

Много обсуждаются и другие его взгляды и высказывания. Многие люди в разных странах воспринимали американскую политику не как благо, а как часть большой игры, мировой игры для поддержки баланса сил. Вспомним Вьетнам, это была долгая война, с большим количеством жертв, в том числе среди американцев. Можно ли было ее избежать или по крайней мере значительно сократить ее продолжительность? Конечно, можно было. А сколько погибло вьетнамцев и камбоджийцев, сколько людей пострадало из-за войны! Но в тот момент внимание Киссинджера не было сосредоточено на этой войне.

Другой пример страны, которая, как он считал, движется в неправильном направлении, — это Чили. Он был настроен решительно против чилийского режима.

Он определенно обладал уникальным мировоззрением, это был активный и блестящий ум, но некоторые результаты его деятельности не соответствовали духу американского идеализма и тому, как мы себя видим. Словом, это был сложный человек. Приведу последний пример, почему некоторые считают, что Киссинджер слишком далеко зашел с идеей баланса сил. Он добивался заключения договора о стратегическом вооружении. Одновременно обсуждалась поправка Джексона — Вэника, которая могла позволить — и в итоге позволила — советским евреям эмигрировать. Он считал, что давление в этом вопросе может помешать заключению соглашения о стратегическом вооружении. Это его высказывание трудно воспринимать спокойно. Он сказал, что даже если бы Советский Союз строил концлагеря для евреев, он бы все равно вел переговоры о стратегическом вооружении. Нельзя не поразиться, как человек, сам будучи евреем и беженцем из Германии, мог сказать такое.

Америка была могущественной державой и по-прежнему остается таковой. Но методы и цели использования этой мощи не всегда соответствуют интересам всех, это невозможно

Америка была могущественной державой в то время и по-прежнему остается таковой. Но методы и цели использования этой мощи не всегда соответствуют интересам всех, это невозможно. Киссинджеру приходилось делать выбор, и, наверное, я бы не повторила некоторых из его решений. С другой стороны, какие-то его решения во благо я также не смогла бы повторить. Так что у меня и впрямь противоречивое отношение к его личности.

М. С.: *Еще одно важное имя в истории американской политики — Збигнев Бжезинский. На одном из американских семинаров Школы незадолго до смерти он сказал: «Эпоха больших войн закончилась». Стратег ошибся или шахматная доска просто изменилась до неузнаваемости?*

Т. Г.: Збигнева Бжезинского я знала гораздо лучше, я знала его лично. Я была его научным ассистентом. Я училась в Колумбийском университете, моя специализация в то время была русская литература, но по большей мере я работала с ним. Он тоже был интеллектуалом, но другого рода. Никогда не хотел быть Киссинджером и никогда им не был. У него был гораздо более широкий взгляд на мир. Я знаю, что у него репутация антисоветчика, но, по-моему, это неверный взгляд. Он написал книгу о России, о Центральной Европе. Кстати, и Киссинджер, и Бжезинский пришли из Центральной Европы — Киссинджер из Германии, а Бжезинский из Польши. На самом деле он был убежден, что была альтернатива холодной войне, и даже написал книгу под названием «Альтернатива разделу» в 1964–1965 годах, в 60-х. И его мнение было таково: «Да, открывайте связи, устанавливайте контакты со странами Центральной Европы, мы должны это делать».

К сожалению, Советский Союз воспринял это как угрозу, а не как возможность, и утвердилась его репутация сторонника холодной войны. Но он был гораздо более широким мыслителем, он думал не только о Китае и России, но и о других вопросах. Он написал книгу о технологиях и о том, что происходит в этой сфере, он написал книгу о Японии. Он написал много статей и книг, в которых искал новую модель американской политики. Он назвал Третий мир источником глобального политического пробуждения и отметил, что эти страны не примут роль безмолвных статистов, их не получится игнорировать. Мы не могли обращаться с ними так же, как с Китаем и Советским Союзом. И в этом он оказался прав. С возрастом он стал больше писать об Америке. Киссинджер никогда на самом деле не писал об Америке, он писал об Америке как о субъекте мировой политики. А Збигнев Бжезинский писал о внутренних проблемах Америки, которые очень его беспокоили. Потому что он считал американское лидерство положительным фактором, и это было справедливо только в том случае, если Америка останется сильной, единой страной, верной своим демократическим нормам. Его это очень волновало.

Если взглянуть на политическую ситуацию сегодня, я бы сказала так: Киссинджер глазом не моргнув работал бы с любым президентом, с абсолютно любым. Если бы Трамп победил, что, очевидно, было бы ужасным исходом с моей точки зрения, он, вероятно, мог бы работать и с ним. Бжезинский никогда бы на это не пошел, он бы сказал: «Это уж слишком», шаг за грань приличия. Он бы не смог этого сделать.

К сожалению, в России его воспринимали как антисоветского, антироссийского деятеля. Возможно, это из-за того, что он был польским католиком, возможно, потому что он говорил на другом языке, чем Киссинджер, без акцента на равновесии. Кроме того, он был известен своими рекомендациями в политике относительно Украины. По Украине он предложил две идеи. Первая была финляндизация — Украина должна принять свой статус, как Финляндия. Ну, во-первых, это разозлило финнов, которые не считают себя проигравшими в войне с русскими перед началом Второй мировой войны. На самом деле они выиграли ту войну против Советов. Однако он считал, что это поможет избежать войны и даст украинцам большую часть того, чего они хотели. Позднее прозвучало другое заявление, которое стало самым верным высказыванием об Украине за последние пару лет. Вот как оно звучит: «С Украиной Россия — империя, без Украины Россия империей быть не может». Мне кажется, что если американцы могли этого не понять, то русские точно не пропустили. Это именно то, что сейчас разыгрывается в Украине.

При необходимости Путин готов уничтожить Украину, чтобы воплотить этот фантом в реальность. Это ужасный исход для украинцев, которые заслуживают гораздо лучшего, заслуживают своей независимости. Но и для всего остального мира это ужасный исход, потому что невозможно выстраивать нормальные отношения с Россией во время такой войны, как мы все понимаем, и я не уверена, что это будет легче после окончания войны. Это исход, который никто не мог предсказать, кроме как Збигнев Бжезинский, сказавший, что Россия не может быть империей без Украины. К сожалению, менталитет России все еще сохраняет это стремление быть империей.

М. С.: *Несмотря на старания популистов, среди американцев по-прежнему большинство тех, кто поддерживает военную помощь Украине? Что вообще американское общество думает об этой войне? Меняются ли настроения в общественном мнении?*

Т. Г.: Американский народ решительно поддерживает Украину по нескольким причинам. Во-первых, неожиданность войны и ее жестокость. Мы все знаем, что война — это смерть и разрушение, но большинство людей не ожидали таких военных преступлений и не ожидали такого рода войны, которую мы видим сейчас. Это жестокая война, умышленно жестокая, в которой гибнет гражданское население. На фронт призывают заключенных, в бой бросают людей, которых никогда бы не

допустили в нормальную армию в любой другой стране. Нормой в ней стали установки, до которых никогда не опускались американские военные. Американские войска, когда они воюют, никогда не оставляют своих позади, никогда, даже своих павших товарищей. А то, что мы видим на Украине, — это совершенно другой вид войны. Это война против всех и вся, и, на мой взгляд, американцев это шокирует.

Тем не менее нужно понимать, что эта война для Америки неожиданность. У Америки были войны, которые она планировала, одна из них — Вьетнам. Я не думаю, что американцы отправили бы свои войска на Украину, но ведь Украина и не просит об этом. Украина просит нашей поддержки, и я уверена, что Украина будет продолжать получать эту поддержку, хоть это и становится сложнее, потому что необходимая сумма денег огромна. Другие страны тоже вносят свой вклад. Похоже, что это будет долгая война. Американцы часто забывают свою собственную историю. Они скажут: «Мы пришли и спасли Европу во время Второй мировой войны». Это правда. Но мы ведь не по своей воле вступили во Вторую мировую войну, а после нападения в Перл-Харбор. Вот после этого нападения мы пошли на войну. Если посмотреть на историю 1930-х годов, было много людей, которые не хотели вмешиваться в европейские проблемы. Они рассматривали Европу как континент, который никогда не сможет быть в мире сам с собой, и не видели причин вмешиваться. Это часть американской истории.

По моему мнению, мы, американцы, не всегда понимаем свою собственную историю. Иногда мы упускаем из виду долгую перспективу, например, не понимая, что российская победа на Украине не будет концом конфликта, а лишь началом нового конфликта и разрушением баланса в Европе, что будет во вред США и НАТО, а также ценностям, которые мы считаем важными, не говоря уже о народе Украины, который заслуживает лучшей судьбы.

М. С.: *Что вы думаете о возвращении в политику безопасности понятия «враг»?*

Т. Г.: Понятие «враг» со временем меняется. Врагов может быть много. Есть выражение — «держи друзей близко, а врагов еще ближе». Даже страны, которые являются вашими врагами, могут стать вам союзниками. Вспомним Вторую мировую войну, когда Сталин вдруг стал дядей Джо, а наши страны стали союзниками. Но «враг» у Киссинджера или Бжезинского был концепцией ограниченной — это национальное государство, воюющее с другими государствами или сдерживающее их. Сегодня у нас много разных врагов, и наступают они со всех сторон, есть страны, которые распадаются, есть страны, недовольные своими границами, добавим экологический кризис и тяжелую ситуацию с беженцами.

Вопрос в том, всегда ли ваш сегодняшний враг будет другой страной. И ответ — нет, иногда что-то происходящее в мире может уничтожить

Шепард Фейри (Shepard Fairey). Мир, правосудие, женщина. 2013

вашу страну так же быстро, как война. Для нас необычно думать в таком ключе, когда четкое понимание врага отсутствует. Месяц назад кто бы мог подумать, что главным врагом будет ХАМАС на Ближнем Востоке! Откуда это взялось? Хотя мы знаем, что ХАМАС всегда был врагом, но он был одним из многих. И вдруг он стал самой большой угрозой для выживания Израиля. Так что концепция врага меняется. Многие люди скажут, что Россия сделала выбор в пользу политики, которая заставляет нас рассматривать Россию как врага. Не думаю, что можно быть

*«Враг» – это понятие иногда
нужное, хотя бы в силу
легкости понимания, но
не очень полезное для политика*

довольным этой ситуацией, на мой взгляд, это положение не может удерживаться долго. Реакция на Россию будет реакцией на политику, которую Россия проводит. Важно не только то, кого Америка считает своим врагом,

но и кто считает своим врагом Америку. Иногда вам приходится реагировать на чью-то агрессию, что и происходит сегодня в Украине. Иногда чья-то реакция является ответом на то, что сделала ваша страна.

Словом, концепция врага — это изменчивая концепция. Трудно знать, откуда придет новый вызов. Я думаю, что на самом деле это не слишком полезно — рассматривать другие страны как врагов или друзей так, как мы привыкли это делать. Страна, которую вы называли другом, может иметь интересы, несовместимые с вашими, и может предпринять действия, которые вам навредят. Например, Китай — это наш враг или друг? Если вы сделаете Китай врагом, вы нарушите работу глобальной торговой системы. Сегодня Китай активен на каждом континенте. Так что «враг» — это понятие иногда нужное хотя бы в силу легкости понимания, но не очень полезное для политика.

М. С.: Каково сейчас отношение к России в американском общественном мнении? И каковы перспективы, какой настрой на будущие отношения с Россией у американских элит? Постепенно демократизировать и интегрировать в западный мир, как раньше? Или плюнуть, отгородиться стеной и сдерживать — пусть, мол, там что угодно внутри происходит, лишь бы к соседям не лезли? Как бы вы сами видели возможное развитие этих отношений?

Т. Г.: Восприятие России постоянно меняется. Был период, когда Россия была нашим другом, был период, когда Россия была настоящим врагом. А был период, когда мы не были абсолютно уверены, на чьей стороне стоит Россия. И многое из этого отражает изменения собственного представления России о себе — хочет ли Россия быть другом? Хотя «друг» не слишком подходящее слово. У многих ли из нас есть настоящие друзья? Много бывает скорее знакомых, но в политике нет термина для знакомого. У вас либо друг, либо враг — полагаю, потому что в таких терминах принято описывать ситуацию для общественного мнения.

У России есть свои интересы. Все чаще она реализует их в сотрудничестве со странами, недружественными США. Если мы посмотрим на сегодняшние коалиции, то у нас есть Россия, которая была частью соглашения с Ираном по контролю за ядерным оружием, а ныне стала другом Ирана, получая оттуда оружие и используя его в Украине. Еще один пример — Северная Корея. Россия была частью санкций ООН, а теперь больше не участвует в санкционной программе, что означает ее неэффективность, вдобавок стремится приобрести оружие у Северной Кореи для использования против Украины.

Никто не назовет политику России дружественной по отношению к США. Полагаю, что самыми проблематичными, подвергающимися наибольшим сомнениям являются отношения с Китаем: Россия и Китай заявляют, что они друзья, а фактически должны были бы сказать,

Думая о будущем, мы задаемся вопросом о том, какие отношения Россия стремится установить с другими странами

что они «старший» и «младший» братья, только роли поменялись местами с более раннего периода, когда Россия была «старшим братом», а Китай — «младшим». Как и многих специалистов, изучающих Россию, меня всегда удивляло, что Россия готова принять роль, подчиненную по отношению к Китаю, стране, которая не скрывает своих собственных целей в мире и в свое время была не только врагом России, но и воевала с Советским Союзом.

Думая о будущем, мы задаемся вопросом о том, какие отношения Россия стремится установить с другими странами. Увы, как мне видится, Россия сделала выбор, отвернувшись от западных стран и ища союзников, которые, на мой взгляд, не являются надежными союзниками. Ведь была война с Ираном после Второй мировой, в результате одна треть территории Ирана была захвачена Советским Союзом. Мне почему-то кажется, что иранцы не забыли об этом, и я не думаю, что это настоящие друзья. Как мне видится, нам нужно беспокоиться о будущем пути России. В Америке есть некоторые сомнения по поводу отношения к России. Следует ли нам приветствовать россиян в Америке? Нужно ли считать, что все россияне поддерживают политику своего правительства?

Я думаю, большинство американцев понимают, что никто не спрашивал обычного россиянина, хочет ли он войны в Украине. Никто не спрашивал их, хотят ли они отвернуться от Запада. Никто не спрашивал их мнения об отправке 300-тысячного войска в Украину. Необходимо понимать разницу между российским правительством и российским народом. Мы видим позитивное отношение ко многим россиянам, приезжающим на Запад. Некоторые спрашивают: «Почему вы не протестуете в России?» Это люди, которые не понимают, какие последствия у малейшего проявления протеста: второй протест провести уже не удастся. На мой взгляд, сохранилось много доброй воли к россиянам,

благожелательного отношения, накопленного в период, когда у нас были контакты.

Многие люди, которых я знаю, хотели бы их восстановить. Но сейчас у нас нет не только контактов, у нас даже нет рамок для контактов. Во время холодной войны у нас были соглашения, были люди, приезжающие из разных областей для встреч с американцами. Я сама участвовала в этих встречах, организовывала их, поддерживала их. Но сейчас очень сложно объяснить людям, почему Россия делает то, что делает. Это большая ноша — просить россиян приезжать в Америку и критиковать свое правительство. Никому не нравится ехать за границу и де-

Это одно из худших последствий войны в Украине – то, что она сделала с людьми в России, которые верили, что их страна могла бы вести нормальную жизнь, быть связанной с миром

лать это. Но я думаю, что политика России затруднила жизнь обычного россиянина, который считает себя частью мирового сообщества, частью западного мира, на самом деле жить такой жизнью. Это одно из худших последствий войны в Украине. Это то, что она сделала с людьми в России, которые верили,

что их страна могла бы вести нормальную жизнь, быть связанной с миром, быть частью мира и все же оставаться Россией, что очень важно.

Никто, включая меня, не хочет, чтобы русские перестали быть русскими. Я бы не посвятила всю свою жизнь изучению России, если бы не считала ее великой цивилизацией и великой страной. Есть много людей, которые думают так же. Теперь мы задаемся вопросом: что случилось с тем Путиным, который говорил, что его цель для России — достичь уровня жизни Португалии? Что случилось с Путиным, который хотел контактов с Западом? Как все это перевернулось и почему модель, о которой мы вынуждены думать, — это не открывающаяся Россия, а почти захлопывающаяся. И закрывается она таким образом, что это наводит на воспоминания о переживаниях 1930-х, 1940-х и 1950-х годов. Как и большинство американцев, я полагала, что эти времена прошли (как, наверное, и большинство россиян). Я уверена, что и это пройдет, вопрос в том, когда и как.

М. С.: *Какие самые основные вопросы сейчас задаются американскими избирателями? Что их больше всего беспокоит? К чему может привести переизбрание Трампа?*

Т. Г.: Очевидно, что существует огромная разница в том, как Америка выбирает своего президента и как Россия выбирает президента. Мы шутили, что способ выбора президента в России напоминает то, как Бог сказал Адаму в Эдемском саду: «Выбери себе жену». Вот такой и будет выбор. Нет сомнений в том, каков будет исход. В Соединенных Штатах выборы не решаются на основе внешней политики, если только не идет война. Вьетнам был таким случаем, но, кажется, единственным,

когда внешняя политика была настолько важна. Они решаются на основе внутренних вопросов, обычно экономики: живете ли вы сегодня лучше, чем четыре года назад? Думаете ли вы, что президент заботится о вас? Американцы выстраивают личные отношения со своими лидерами. Их заботит мысль о том, что лидер думает об их жизни. Их волнует инфляция, экономика и два вопроса, возникшие относительно недавно. Один из них — аборт. Он стал очень важным вопросом из-за решения Верховного суда. Это стало символом права индивида выбирать, как ему прожить свою жизнь, что, впрочем, важно в каждом обществе. Никто в Америке не предвидел, что возникнет ситуация, в которой наше правительство будет решать, как нам жить. И вот вдруг решение, которое затрагивает очень многих женщин, независимо — республиканских ли взглядов, демократических или независимых. Этот вопрос стал очень большой темой в рамках кампании.

В Соединенных Штатах выборы не решаются на основе внешней политики. Они решаются на основе внутренних вопросов, обычно экономики

И второй вопрос — это роль федерального правительства в нашей жизни. В Америке никогда не было социалистического государства, никогда не было полного медицинского страхования для всех. Всегда были люди, которые говорили: «Я могу позаботиться о себе сам, или мой штат может, или моя община. И в целом это правда, люди так и живут. Но мы живем в куда более сложном мире, чем раньше, и правительство делает гораздо больше. Правительство решает вопросы торговой политики, тарифов, президент Байден добился принятия Конгрессом законов, предусматривающих инфраструктурные проекты — мосты, дороги, многие из которых будут перестроены, и все это исходит от федерального правительства, кстати, как и наша система шоссе дорог. Это было сделано в рамках Закона об обороне. Когда-то президент Эйзенхауэр заявил: «У нас должна быть система дорог». Не потому, что нам были нужны хорошие дороги, а на тот случай, если нам понадобится передвигать танки.

И даже в контексте таких проектов надо объяснять, зачем федеральное правительство в рамках национальных вопросов делает что-то в отдельных штатах. Предвыборные опросы не будут касаться внешней политики, за исключением вопроса: «Почему мы тратим деньги на других, а не на себя?» И это трудно объяснить людям. Легче объяснить по факту, когда вы не помогли стране, начинается война, и вы говорите: «Мы могли это предотвратить, но нас это не интересовало». Но трудно сказать кому-то: «Я знаю, что вы не можете заплатить аренду, не можете отправить ребенка в детский сад, но мы должны помочь Украине». То же можно сказать о любой другой проблеме, любой другой стране.

Соединенные Штаты — очень щедрая страна. Она выделяет огромные средства на гуманитарную помощь. Я не помню точных цифр, но я бы сказала, что сумма, которую выделяет Россия или Советский Союз

выделял до этого, составляет, вероятно, около 5% от того, что дает Америка. Поэтому я не хочу слушать лекции о том, как Америка отворачивается от мира. Рассмотрим то, что происходит на Ближнем Востоке в лагерях беженцев, — это в основном американские деньги. Это не российские деньги, не китайские. Если они хотят критиковать Америку, то

Мы тесно связаны с миром, и это нужно объяснить людям

пусть тратят свои собственные деньги. Я очень нетерпелива к людям, говорящим, что Америка не щедра. Это не так.

Кроме всего, мы страна, окруженная океанами, и нет причин ожидать нападения на Америку.

Беда в том, что новые технологии таковы, что для вторжения не нужны корабли и армии. Можно вторгнуться посредством сбоев в компьютерах, вредоносного программного обеспечения, через всякого рода дезинформацию. Нет способа этот вред предотвратить. Мы тесно связаны с миром, и это нужно объяснять людям.

Я считаю, что Байден отлично справляется с президентством. Меня абсолютно не беспокоит его возраст, Трамп ненамного моложе. Трамп провел 500 дней своего президентства на поле для гольфа. Если людям нужен профессиональный гольфист в качестве президента — вот он. Я думаю, что Байден пытается сделать много полезных вещей. Выдвижение Трампа кандидатом, полагаю, покажет полный провал американской судебной системы, потому что в большом количестве случаев, по крайней мере для меня, он очевидно нарушил американское законодательство и не соблюдал присягу президента. Я уверена, что второй срок был бы пагубным не только для американцев, он ведь неоднократно проговаривался о том, какого типа систему он хотел бы установить, — она скорее напоминает российскую систему, чем американскую демократию.

Так вот, помимо вреда для Америки он также был бы ненадежным и непредсказуемым союзником, особенно для Европы. Его окружали бы люди, которые злятся из-за того, что первый срок не принес ожидаемых результатов. Таким образом, это была бы трагедия не только для Америки, но и для всего мира. К счастью, сейчас многие люди понимают, что нельзя вечно уповать на налаженную работу институтов. Нужно за них бороться и одновременно быть бдительным. Нужно понимать, что наша форма правления не дана нам просто так и мы не должны просто жить своей жизнью. Нужно работать на местном и национальном уровне. Только так можно гарантировать, что американская демократия останется сильной.

Иван Крaстев, председатель Центра либеральных стратегий (г. София), эксперт в области международных отношений, имеет репутацию одного из самых оригинальных политических мыслителей Европы и в то же время, будучи болгаринoм и прожив существенную часть жизни при социализме, гораздо лучше других экспертов понимает восточноевропейский контекст и причуды российской политики и российского сознания.

Журналист и политолог Андрей Колесников поговорил с исследователем о том, что происходит с европейской идентичностью в период мировой катастрофы.

Иван Крaстев: «Мы себя ведем так, как будто мы последние люди на земле»*

Иван Крaстев

Андрей Колесников: Войны изменили форму или размораживаются: мы наблюдаем ожесточенный конфликт в Европе, самое мощное за десятилетия противостояние в рамках палестино-израильского конфликта, катастрофу в Карабахе; возникают опасения по поводу Тайваня и даже разморозки — спустя 70 лет — конфликта двух Корей. Не означает ли это, что идет диффузная третья мировая? Войны создают новые (или, наоборот, возрождают старые) идентичности — какие они? Есть ли у Запада, у Европы ответ на эти вызовы? Евросоюз, например, это антивоенный проект, который столкнулся с невозможным, немыслимым в XXI веке вызовом — военными действиями в Европе.

Иван Крaстев: Действительно, границы между войной и миром уже не существует. Это состояние исследователь Марк Леонард справедливо назвал *unpeace* — «не мир»**. Новые войны очень странные. С одной стороны, они похожи на гражданские, с другой — на цивилизационные. Самое важное, что изменилось на их фоне, — наше отношение к будущему.

Андрей Колесников,
журналист и политолог,
автор книг

* journal@gorby.media 2024, выпуск 5.

** Марк Леонард — директор Европейского совета по международным отношениям (ECFR), автор книги *The Age of Unpeace: How Connectivity Causes Conflict*.

Отныне мы боимся будущего. Всегда, в любые времена, в том числе советские, все хотели обустроить в будущем жизнь своих детей. Будущее можно было пытаться планировать. А теперь создается впечатление, что это невозможно.

*В Украине мы видим
мобилизационную
силу национализма*

Из заголовка книги Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории и последний человек» осталась только вторая часть — последний человек. В каком-то смысле мы себя ведем так, как будто мы последние люди на земле. Разные группы — по разным причинам. Возьмем, например, молодых людей, которые озабочены климатическими изменениями: они говорят, что будущего нет, не надо рожать детей, потому что планета Земля скоро просто умрет. А какие-то крайне правые группы говорят: не Земля, а наша нация умрет. Апокалиптическое поведение и восприятие мира проявляется по-разному в разных группах общества, но их объединяет то, что они ведут себя как последние люди.

Согласно данным «Левада-центра», значительный страх мировой войны существовал уже с 2018 года, а затем пришел ковид... Всегда есть проблемы, которые мы не можем решить сейчас, но неизменно присутствовало ощущение, что мы сумеем решить их в будущем, через 10–15 лет, — а теперь это немыслимо.

В Европе долгое время не верили в то, что большая война на европейском континенте в принципе возможна. И вот начинается противостояние в Украине...

Доминировало мнение, согласно которому взаимовыгодное экономическое сотрудничество делает войну невозможной. Мы будем покупать столько русского газа, что Путин никогда не захочет применить вооруженную силу. Это представление рухнуло за одну ночь. И вот из-за всего этого возникает ощущение уязвимости, которого до сей поры не было.

Упорное сопротивление украинцев тоже проблема для Евросоюза, потому что Евросоюз — это постгероическое общество. В Украине мы видим мобилизационную силу национализма. А в Европе в целом доминирует постнационалистическая идеология. Это совершенно другой мир по сравнению с тем, в котором мы привыкли жить.

Европейский совет по международным отношениям недавно завершил межстрановое социологическое исследование. 35–40% респондентов из неевропейских стран считают, что через 10–15 лет Европейский союз прекратит свое существование. Нации казались бессмертными, но вдруг обнаружилась их конечность.

А. К.: Российско-украинское противостояние было отложено. Как выяснилось, распад Советского Союза продолжался — и достиг своего пика спустя 30 лет после официального роспуска СССР. Большинство империй развалились после Первой мировой войны, Британская — после

Второй. А Российская империя все еще разваливается. Есть ощущение, что все эти конфликты, в том числе российско-украинский, нельзя разрешить окончательно (по крайней мере, в горизонте 10–20 лет), а можно только заморозить. Так ли это?

И. К.: Во второй половине XX века все думали исключительно в категориях холодной войны. Но оказалось, что самый главный процесс — это деколонизация. В каком-то смысле можно сказать, что 24 февраля 2022 года Россия напала на Советский Союз. Речь Путина на церемонии признания независимости «ЛНР» и «ДНР» была абсолютно антисоветской.

Каждая империя создает свою особую идентичность. Советская идентичность задержалась на 30 лет после распада СССР. Самая трагическая фигура этого процесса — та женщина в Украине, «баба Аня», которая встречала с советским флагом российские войска. Она не поняла, что пришла совсем другая страна, совсем другая армия.

*СССР уничтожил
Российскую империю,
и теперь, с точки
зрения Путина,
ее надо воссоздать*

Советская империя была особой, в ней русские меняли властную идентичность. Это самая нестабильная идентичность: в ней каждый мог стать русским, чтобы не имели возможности доминировать другие. В результате в метрополии, в самой России, не было столь же сильной идентичности, как в республиках на окраинах империи. Поэтому, когда начался распад империи, самой проблемной оказалась русская идентичность. У тех, кто был провинцией империи, формирование идентичности прошло проще — это негативная идентичность по отношению к центру, к России. Получается, что СССР уничтожил Российскую империю, и теперь, с точки зрения Путина, ее надо воссоздать.

Парадоксальным образом в России сейчас доминирует характерный для Европы страх — демографический. Огромная территория — и очень мало людей.

А. К.: *Значит, базовый мотив происходящего — это все-таки не приобретение территории?*

И. К.: Это такой вариант национализма, который выглядит территориально-экспансионистским, а на самом деле он демографически-апокалиптический.

А. К.: *Поговорим о доминирующих идеологиях, оправдывающих или описывающих новые идентичности. В случае России это возвращение имперского сознания, причем это идеология прикладная, применяемая на практике в виде противостояния с Украиной, Западом, с собственным населением, либеральной его частью. Вместо cory-paste ideologies, заимствованных идеологий, всплывают свои, нутряные, архаичные, глубинные идеологии. Что происходит в этом смысле в Восточной Европе?*

И. К.: Эти идеологии и идентичности не монолитны. В начале 1990-х появилась идея Сэмюэла Хантингтона о столкновении цивилизаций***. Он исходил из стабильности этих цивилизаций. А они нестабильны именно потому, что будущее неопределенно. Это довольно травматичная ситуация, усугубленная российско-украинским столкновением.

Есть еще один важный момент — имперское прошлое. Для Польши и стран Балтии это не украинский конфликт — это их война, они боятся оккупации: в прошлом они были частью этой империи. Грекам, сербам, болгарам, конечно, не нравится то, что сделала Россия, но это не их вооруженное противостояние, потому что это не их империя. Бывшая Габсбургская империя: чехи, словаки, венгры — там все по-разному.

После Второй мировой войны было четыре государства, которые считали себя исключительными. Это СССР и США — идеологические государства, а также Германия и Израиль — «палач и жертва». Сейчас, особенно после обострения на Ближнем Востоке, мало кто хочет признать жертвенный статус евреев — наоборот, жертвами считают палестинцев. Германия перестала быть образцом эффективного развития, никто не говорит: «Хотим быть как Германия».

Идентичность наций идет из собственного статуса жертвы. Все стали жертвами! Русский дискурс — абсолютно жертвенный. Исчез общий язык, на котором могут разговаривать между собой нации.

В годы холодной войны такой язык был. Кроме того, США и СССР могли вспоминать опыт союзнических отношений во Второй мировой войне. Этот универсальный язык сейчас невозможно использовать. Мир, возникший после Второй мировой, ставший привычным для нас, разрушился.

А. К.: *С одной стороны, украинский конфликт объединил Европу, с другой стороны, возможно, вскрыл некоторые внутриевропейские противоречия. Что и как сейчас меняет Европу — волна украинских беженцев, русских эмигрантов? Безусловно, есть сложности и проблемы, но кажется, что «заката» Европы не происходит: работает страховочная сетка демократических институтов, достаточно посмотреть на пример Польши. Каковы в этом контексте перспективы выживания проектов «Запад» и «Европа»?*

И. К.: Конечно, в объединении Европы главную роль сыграла военная опасность, но, как я уже говорил, европейцы не верят, что они находятся в состоянии войны с Россией, а неевропейцы утверждают, что это война Запада с Россией.

Миграционная волна из-за украинского конфликта огромная. В восьми процентах польских домохозяйств были украинские беженцы.

*** *Huntington S. P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. Summer 1993.*
<https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations>

Идентификация с пострадавшей стороной очень сильная, негативной реакции в отношении украинцев нет. Украинцев проще интегрировать в западное общество по сравнению с мигрантами из Сирии и с Ближнего Востока. Проблема не в том, как украинских беженцев принимает Европа, а в том, что многие из них не вернутся в Украину. Страна потеряет огромное количество людей.

Проблема российской эмиграции состоит в том, что даже тех, кто уехал из-за несогласия с путинским режимом, в Европе встретили не как диссидентов, а как русских. На Западе в целом не понимают трагичности их ситуации, после решения о спецоперации россияне — совершенно непонятный для европейцев мир. В результате многие из россиян вынуждены были вернуться домой, особенно когда поняли, что второй волны мобилизации пока не будет.

А. К.: Происходят события, которые ставят под сомнение ценностные основы Европы. Вот, например, вытолзает отовсюду антисемитизм (настолько тонким оказался слой цивилизованности!), эпизодически растет популярность крайне левых и крайне правых проектов. Что будет происходить с европейской идентичностью, которая сформировалась во многом после 1945 года, а затем после падения коммунизма?

И. К.: Самая большая иллюзия — считать, что мир меняется, а вот Запад остается таким, каким он был. Будет происходить не просто enlargement Европейского союза, расширение, а *remaking*, его переделка. Что касается антисемитизма, то есть такие группы, в которых он существовал латентно и сейчас проявился, а есть новые мигранты — носители антисемитизма.

Думаю, Евросоюз сохранит свой демократический характер, и это будет самое либеральное место в мире

Было ощущение, что украинский конфликт настолько страшный, что это изменит сознание многих. Но, например, в Турции, Китае, Индонезии и многих других странах рассматривают ситуацию как окно возможностей для этих государств стать лидерами. Та же Турция сейчас старается быть посредником почти во всех международных процессах. Это с одной стороны.

А с другой стороны, маленькие европейские страны в нынешнюю эпоху понимают важность существования ЕС: вне участия в структуре Евросоюза для них в этом мире места нет. Это осознают даже националистические политики в этих странах.

Думаю, Евросоюз сохранит свой демократический характер, и, несмотря на все серьезные изменения, это будет самое либеральное место в мире.

А. К.: Не дает ли польский пример оснований для оптимизма: работающие демократические институты, возможность ротации власти могут спасти европейскую, демократическую идентичность?

Гошка Мацуга (Goshka Macuga). Фрагмент инсталляции проекта «Политический популизм». 2013

И. К.: Да, это важный пример. В течение восьми лет консервативное правительство вело себя как школьный учитель, который хотел переучить страну, указывал, как жить и думать. А в результате именно в эти годы произошла глубинная либерализация польского общества. Даже в 1989 году польское общество было очень консервативным, в том числе благодаря особой роли церкви. Существовал консервативный культурный консенсус, который был взят на вооружение Качиньским и должен был позволить ему править 10–15 лет. Но этот механизм не сработал. Консенсуса больше не существует.

Популистские волны в западном мире тоже часть модернизационного процесса. И все-таки Европа — проект с открытым финалом.

На мой взгляд, для представлений людей о мире важно, в какой момент происходила их социализация: в период открытия общества или его закрытия. Люди, которые входили во взрослую жизнь в период оптимизма, в эпоху появления новых возможностей, чувства «я-могу-что-то-сделать», способны многое изменить. В последнее время ощущалась закрытость, поляризация мнений. Но Польша дает пример новой открытости. Как это закончится — бог знает. Однако кажется, что появились возможности, которых до этого не было.

Россия тоже была очень разной в разные исторические периоды. Как и Европа, и Америка, она не была одна и та же. Российская государственность была жесткой, но это не значит, что в стране ничего никогда не изменится.

*Поддержка российских политических эмигрантов как инструмент повышения европейской безопасности**

Россия сейчас переживает самую большую в современной истории волну политически мотивированной эмиграции. Среди сотен тысяч эмигрантов относительно небольшая, но активная группа гражданских активистов, политиков, журналистов и исследователей участвует в восстановлении гражданского общества, независимых СМИ, экспертизы и политического активизма в изгнании.

Обязательство демократических государств-единомышленников — принять и поддержать эти сообщества. Оно должно быть основано на долгосрочном, скоординированном подходе и тесно связано с достижением общих целей европейской безопасности. Полномасштабное вторжение России в Украину потребовало предварительного подавления фундаментальных прав и свобод в России, предотвращающего серьезное антивоенное сопротивление. Безопасность в Европе без возвращения в Россию конкурентной политики, свободы выражения мнений и плюрализма также находится под угрозой. Возвращение в правовое поле — долгий и трудный процесс, который способны осуществить только сами россияне. Однако он не может быть успешным без поддержки Запада.

Связь между внутренними репрессиями и иностранной агрессией

Россия не откажется от войны как инструмента своей внешней политики до тех пор, пока у высокоидеологизированного авторитарного режима сохраняется контроль за политико-деловым истеблишментом и общественностью.

* Из отчета Стокгольмского центра восточноевропейских исследований (SCEEUS). № 16/ 2023.

<https://sceeus.se/en/publications/russia-in-exile-support-for-russian-political-migrants-as-an-instrument-to-increase-european-security/>

*Стефан Ингварссон,
аналитик
Стокгольмского центра
восточноевропейских
исследований (SCEEUS)*

*Мария Доманьска,
доктор философии,
старший научный
сотрудник
Центра восточных
исследований (OSW,
Варшава)*

С началом полномасштабного вторжения остатки политических дебатов, равно как и независимая журналистика, академические исследования, художественная практика и гражданская активность, были подавлены. Те, кто работал в этих областях, либо начали сотрудничать с политическим режимом, либо прибегли к самоцензуре в соответствии с ожиданиями и «красными линиями» Кремля, либо решили действовать в подполье, либо переехали в другие страны.

Из России уехало как минимум 500–600 тысяч человек. В рамках этого исхода относительно небольшое количество людей образует группу политических эмигрантов, активно выступающих за восстановление гражданского общества, академических исследований и анализа, независимых средств массовой информации и других каналов распространения информации. Деятельность их сосредоточена на двух тесно переплетенных направлениях, отражающих взаимосвязь внутренней и внешней политики: во-первых, антивоенное сопротивление в сочетании с помощью Украине и украинским беженцам и, во-вторых, помощь своим согражданам, которые остаются в России и подвергаются политическим преследованиям. Работа в изгнании играет потенциально важную роль в формировании перемещенной российской публичной сферы — пространства свободных дискуссий и демократического общения, основанного на общих интересах, обмене идеями и выработке решений социально-политических проблем. Их деятельность могла бы стать как бы мини-лабораторией демократических моделей будущей РФ. Тем более что значительное число активистов хотят, когда это станет безопасно, вернуться в Россию.

Сообщества изгнанников как движущие силы перемен

Долгосрочная цель Запада должна заключаться в том, чтобы привести процессы принятия решений в Кремле в соответствие с международным правом и подвергнуть контролю со стороны внутренних акторов (групп интересов в правящей элите и общественности). Даже если Россия, исходя из своих интересов и целей, никогда не присоединится к Западу, следует эффективно удерживать ее от использования агрессии и от военных преступлений.

Часть общественно активных изгнанников уже получают поддержку от партнеров и доноров в новых принимающих странах, но этой поддержке не хватает четко определенного и скоординированного долгосрочного подхода. Поддержка и временное убежище, предлагаемые ограниченному числу участников, которые образуют перемещенную публичную сферу, связанную с Российской Федерацией, должны рассматриваться как инструмент европейской безопасности.

Режим Путина становится все более репрессивным, а у европейских правительств и стран-единомышленников мало инструментов для влияния на политические события внутри России. Основными из них

являются, во-первых, сильная и многогранная военная, политическая и экономическая поддержка Украины, а во-вторых, привлечение России к ответственности за нарушения международного права, в том числе реализация и обеспечение соблюдения ограничительных мер, таких как индивидуальные и экономические санкции. Однако превращение будущего российского государства в предсказуемого и надежного участника международного порядка безопасности потребует скоординированных долгосрочных действий гораздо более широкого спектра.

Размещение и поддержка развивающейся публичной сферы, связанной с Российской Федерацией, являются одним из немногих доступных дополнительных инструментов. Его следует рассматривать не только как гуманитарный проект, но прежде всего как политическое предприятие, направленное на будущую стабильность и безопасность Европы.

Роль активистов гражданского общества, исследователей, журналистов и политиков, переселившихся в ту или иную страну, недооценена. Большинство из них вряд ли

станут решающими агентами перемен в постпутинской государственной политике. Однако они могут сыграть жизненно важную роль в формулировании решений, стандартов и политического видения будущей трансформации своей страны в соответствии с идеями либерализации и плюрализма. Они могли бы стать «конвейером» по распространению этих идей среди российской общественности средствами, которые, несмотря на растущую цензуру, еще доступны. По сравнению с другими группами уехавших из страны они обладают способностью и компетенцией делать это организованно, преследуя стратегические цели влияния на общественные настроения внутри России. В этом их уникальная ценность.

В частности, независимые СМИ в изгнании продолжают играть решающую роль в качестве канала информации, не связанного с официальной пропагандой. Число самых активных пользователей таких СМИ (например, тех, кто взаимодействует с другими пользователями и активно распространяет информацию) оценивается как минимум в несколько миллионов человек. По самым оптимистичным (хотя и трудно проверяемым) оценкам, до 25–30 процентов взрослого населения России регулярно получают доступ к независимым источникам информации. «Случайных» пользователей, вероятно, еще больше.

При адекватной поддержке и финансировании эти группы действующих лиц будут для европейских экспертов и лиц, принимающих решения, играть дополнительную роль источника знаний о социальных и политических событиях внутри России, поскольку большинство политических изгнанников поддерживают контакты с жителями РФ. Это

*Независимые СМИ
в изгнании продолжают
играть решающую роль
в качестве канала
информации, не связанного
с официальной пропагандой*

было бы чрезвычайно полезно и для поддержки самих оставшихся в стране россиян, постоянно выступающих против продолжающейся войны России в Украине и подвергающихся репрессиям.

Необходимость скоординированного подхода

Реакция отдельных европейских государств на исход российских граждан будет по-прежнему зависеть от внутреннего регулирования и соображений безопасности. Но, чтобы добиться синергии и избежать ненужного дублирования действий или излишнего распыления ресурсов, государствам-единомышленникам необходимо взять на себя обязательства по развитию и поддержке независимой публичной сферы, перемещенной из Российской Федерации. Эта поддержка должна основываться на скоординированных тактических мерах, а также на наборе целей, направленных на превращение в будущем Российской Федерации в предсказуемого и надежного соседа, и включать действия, предпринимаемые в краткосрочной (один-два года), среднесрочной (около пяти лет) и долгосрочной перспективе.

В среднесрочной перспективе актуальность такой поддержки может оцениваться по трем основным критериям: во-первых, степень участия действующих лиц в формулировании новых стандартов и видении будущего Российской Федерации; во-вторых, их способность генерировать знания, содействующие общественным дебатам о социальных событиях внутри страны; в-третьих, их деятельность, направленная на поддержку антирежимных и антивоенных взглядов внутри России.

Рекомендации

Краткосрочные цели

В течение следующего года или двух европейские государства должны предложить отдельным лицам и членам их семей разрешения на работу и проживание, что позволит ключевым игрокам планировать и осуществлять свою деятельность по крайней мере в среднесрочной перспективе. Особое внимание следует уделить тем, кто представляет национальные меньшинства, региональные сообщества, женщинам и другим уязвимым группам. Это не только помогло бы обеспечить равные условия для тех, кто подвергается дискриминации в России, но и способствовало бы столь необходимому плюрализму голосов и точек зрения в дебатах о будущем России.

Такое обязательство по поддержке перемещенной публичной сферы должно быть совместно принято группой государств-единомышленников, что создаст адаптируемую систему, способную относительно быстро реагировать на меняющиеся обстоятельства и удовлетворять конкретные потребности различных категорий переселенцев. Общее число ключевых лиц, нуждающихся во временном переселении, довольно

ограниченно, и многие из них уже получили временное разрешение на проживание и работу в европейской стране.

Вопреки распространенному мнению, зачастую именно государства с особыми проблемами безопасности берут на себя эту ответственность и предлагают варианты и значительную помощь стратегически важным группам игроков. Важно поощрять дальнейший обмен опытом различных государств. Конструктивный диалог между ветвями власти, формирующими внешнюю политику и долгосрочную стратегию безопасности, и ветвями власти, занимающимися внутренней миграционной и трудовой политикой, оказался бы ключом к решению вопросов, связанных с правовой базой и институциональной практикой.

Предлагаемые краткосрочные действия:

— сделать обязанностью по возможности большего числа государств-единомышленников содействие перемещенной публичной сфере, связанной с Российской Федерацией. В каждой стране нужно найти рамки и сделать все необходимое для выдачи разрешений на проживание и работу, которые могли бы удовлетворить потребности переселяющихся людей соответственно правовой практике государств и соображениям безопасности;

— создать неформальный координационный механизм для государств-единомышленников и доноров, чтобы поощрять совместный тактический подход, основанный на общих целях, принципах и критериях. Делиться полученными уроками и успешной практикой;

— оформить специальные механизмы поддержки, обеспечивающие плюрализм голосов в перемещенной публичной сфере, связанной с Российской Федерацией. Целевая поддержка должна быть направлена на придание большей видимости и на усиление пропагандистского потенциала инициатив, представляющих национальные меньшинства, женщин и другие уязвимые группы. Желательно, чтобы женщины составляли около половины участников поддерживаемых мероприятий и программ, а доля лиц нерусского этнического происхождения достигала не менее 15–20 процентов (в соответствии с официальными данными об этнонациональном составе населения);

— привлекать европейских экспертов к долгосрочной разработке механизмов и программных целей поддержки. Нужно отработать механизм содействия независимым исследованиям и анализу социальных, политических и экономических событий в России. Это позволит осуществлять стратегическое развитие деятельности в перемещенной публичной сфере на основе фактов и тенденций, равно как и реалистичных ожиданий, а также поможет определить реальную и потенциальную аудиторию независимых СМИ, гражданских или политических инициатив и организаций. Такое исследование станет необходимым и для оценки поддержки, предлагаемой европейскими государствами.

Оценка должна основываться как на ее актуальности, так и на степени возможного влияния действующих лиц на будущие события внутри России. Важно, чтобы соответствующие исследования велись без политической предвзятости или кумовства.

Долгосрочные цели

Поддержка независимой публичной сферы, перенесенной из Российской Федерации, может основываться не только на тактических целях, изложенных выше.

Цели и действия должны также опираться на глубокое понимание того, как нынешний российский политический режим использовал связь между внутренними репрессиями и внешней агрессией. Основа скоординированного подхода государств-единомышленников к россиянам в изгнании, цель, не вызывающая разногласий, — превратить в будущем Российскую Федерацию в предсказуемого и надежного соседа. Для достижения долгосрочной задачи в России необходимо восстановить конкурентную политику, свободу выражения мнений и плюрализм. Это способствовало бы демонтажу трех столпов автократии — сверхцентрализации государственной власти, приятия тоталитарного прошлого и политического бесправия граждан.

Чрезмерная централизация государственной власти

Существует исторически укоренившийся миф о том, что огромная территория России может оставаться единой и эффективно управляться только при сверхцентрализованном правлении, необходимым для сохранения российской государственности, в то время как демократия и децентрализация неизбежно приведут к ее краху. Правление Владимира Путина успешно эксплуатировало этот миф и «продало» его как российскому обществу, так и общественному мнению на Западе.

Фактически чрезмерная централизация Российской Федерации и высокая диверсификация общества сделали государство нефункциональным и поставили интересы государства выше интересов его граждан. Регионы почти полностью зависят от финансовых трансфертов из федерального бюджета и на деле не имеют права голоса в формировании политики ни на региональном, ни на федеральном уровне. Институт местного самоуправления опустошен и этой централизацией, и масштабными манипуляциями на выборах, лишаящими граждан политического представительства. Выражение региональной идентичности часто называют экстремистским, что во многом соответствует тоталитарной идее гомогенизации и атомизации общества. Сдержки и противовесы в системе оказались полностью устранены во имя национального единства. Легальные каналы агрегирования, интеграции и согласования общественных запросов к федеральной или региональной власти перестали существовать.

Отсутствие конфронтации с тоталитарным прошлым

Без конфронтации с преступлениями, совершенными Советским государством, прославление имперского прошлого в конечном счете увековечило роль федеративного государства как связующей силы нации.

Нынешнее российское правительство воспринимает исторические нарративы как важнейший инструмент легитимации режима и, следовательно, как инструмент национальной безопасности. Это привело к сильной идеологизации и мифологизации истории в историографии, политической риторике, к публичным восхвалениям исторических событий и деятелей. Прославление империи и территориальных приобретений сопровождается рассказами, возводящими на пьедестал сильных, даже безжалостных правителей. Результат — обеление предыдущих периодов политических репрессий и навязывание их в качестве жизненно важной предпосылки для поддержания порядка и стабильности в стране. Одновременно такой подход прославляет и оправдывает военные действия против соседних государств и народов.

Режим Владимира Путина может претендовать на такого рода легитимирующую историческую связь с Советским Союзом, поскольку ни один суд, ни национальный, ни международный, никогда не осуждал и не наказывал за проступки, совершенные представителями этого государства. Это обеспечило преемственность безнаказанности от СССР к нынешней Российской Федерации. Эта же связь узаконивает усиление государственных репрессий против своих граждан, а также нарушение договоров и военную агрессию против суверенных государств.

Политическое бесправие граждан

Упомянутые выше явления лишили граждан Российской Федерации политической свободы. Демократию теперь описывают как потенциально опасный хаос, представляющий экзистенциальную угрозу российской государственности, российской идентичности. Патернализм, основанный на предположении, что интересы государства совпадают с интересами его народа, представлен в качестве единственного пути к стабильности, безопасности и порядку. Исполнительная власть заявила о своем праве без какого-либо участия общества определять национальные интересы и выбирать инструменты их реализации. Таким образом, общество в России лишено всякого политического представительства, а политика стала полностью непубличным полем.

Эта модель предполагает, что государство якобы ради блага гражданина имеет право ограничивать права и свободы в обмен на стабильность и безопасность, а также освобождает общество от ответственности за свои действия. Правительство делает все возможное, чтобы

*Общество в России
лишено всякого
политического
представительства,
а политика
стала полностью
непубличным полем*

заставить граждан поверить в бесполезность сопротивления. Это уже привело к всепоглощающему ощущению бессилия у граждан России и к их неверию в собственную способность влиять на общественную жизнь. Патернализм же порождает недоверие к согражданам и усугубляет уже существующую социальную атомизацию, унаследованную от советских времен. Политика во многом воспринимается как своего рода виртуальная игра, неизбежно основанная на манипуляциях и мошенничестве. Из такого отношения вытекает непонимание индивидуальной или коллективной ответственности за деятельность (в том числе и за правонарушения) государства.

Неравные отношения между правительством и обществом, ощущение личного бесправия и отсутствие видения будущего часто компенсируются чувством личного или коллективного расширения прав и возможностей посредством мощи государства. В худшей форме эта потребность в компенсаторных полномочиях проявляется в участии в организованном государством насилии, включая военные действия.

Долгосрочные стратегические цели:

— восстановить ценность политики как пространства ненасильственной борьбы за власть и влияние, где граждане свободно выражают свои интересы и потребности, свободно организуются, разрешают конфликты, выбирают представителей, которые в дальнейшем несут ответственность за свои действия;

— вернуть ценность человеческой жизни в России. Широко распространенный опыт насилия как основного регулятора отношений внутри российского государства стал важнейшим элементом авторитарной политической культуры и останется долгосрочной социальной проблемой, усугубленной войной;

— преодолеть ложное представление о Российской Федерации, которая будто бы может быть либо автократической, либо слабой и дестабилизированной. В государстве, обеспечивающем плюрализм и соблюдение конституционных свобод, нет ничего нестабильного или слабого по своей сути;

— восстановить права и возможности местного и регионального населения, включая этнические меньшинства. Децентрализация политики и политические дебаты о будущем Российской Федерации могут подорвать один из столпов нынешнего режима — приоритет интересов государства над интересами его граждан. Гендерно сбалансированные открытые дискуссии (с участием представителей региональных сообществ различного этнонационального происхождения) должны поощрять идеи пересмотра политико-экономических отношений между центром и регионами. При этом нужно учитывать, что один из основополагающих принципов такой дискуссии — признание, что не может быть одного решения для всех граждан в столь разнообразной и огромной стране;

— усилить голоса и возможности для защиты интересов бесправных групп, таких как женщины, национальные меньшинства и другие группы, подвергающиеся дискриминации или юридическому преследованию, в том числе по признаку сексуальной ориентации или гендерной идентичности;

— поощрять процессы коллективной конфронтации с тоталитарным прошлым страны, разрывая тем самым порочный круг безнаказанности, глубоко укоренившийся в российской политической культуре. Это должно быть тесно связано с расследованием российских военных преступлений в Украине и впоследствии с судебным преследованием ответственных за них, а также с концепцией правосудия переходного периода в будущей политической трансформации РФ.

Заключительные комментарии

Оценка стратегической важности и поддержка большого числа инициатив, реализуемых российскими гражданами за рубежом, и управляемых ими организаций — это для европейских государств сложная задача.

Те, кто принимает решения и предлагает соответствующие гранты, часто предпочитают работать с узкой группой давно зарекомендовавших себя и пользующихся доверием участников. Это понятно, если учитывать риски и трудности в реализации множества инициатив. Мы за включение представителей недостаточно представленных групп и мнений во все виды деятельности, поддерживаемые европейскими государствами. Важна сама возможность способствовать разнообразию, но при этом не распылять ограниченные ресурсы слишком сильно.

*Лицам, принимающим
решения в Европе
и в других государствах-
единомышленниках,
нужна широкая
платформа контактов*

Создание неформального механизма координации позволит государствам и донорам работать вместе и дополнять друг друга. Именно поэтому лицам, принимающим решения в Европе и в других государствах-единомышленниках, нужна широкая платформа контактов с как можно большим количеством участников и отслеживание внутренних событий в этой области.

Поддерживая возникновение политической дискуссии о будущем Российской Федерации, крайне важно критически анализировать, кому предоставлено право голоса в ней и какую роль играет та или иная группа, те или иные люди. Особое внимание нужно уделить свободе экспертных исследований, независимости журналистики, автономной защите организаций гражданского общества, а также инклюзивности и широкому представительству. Европейское финансирование должно гарантировать целостность и независимость надзорных функций в перемещенной публичной сфере. Безусловным приоритетом должны

Анастасия Жихарцева. ОМОН. 2022

пользоваться профессиональные знания. Любой вид контента, ориентированный на граждан внутри России, будет пользоваться бóльшим доверием, будучи сформулирован с учетом местной или региональной точки зрения. Региональные различия, дискриминационные практики не должны отражаться на перемещенной публичной сфере.

С конца XIX века претензии на Вильнюс предъявляли и поляки, и литовцы. Казалось, конфликтующие стороны могут на века увязнуть в поисках решения: исторически Вильнюс был столицей Великого княжества Литовского, но фактически к началу национального возрождения Литвы население Вильнюса было преимущественно польским. Какие уроки мы можем извлечь из опыта примирения поляков и литовцев сегодня? На семинаре Школы гражданского просвещения эти вопросы обсуждали Адам Михник и Томас Венцлова.

«Вильнюс наш»: Адам Михник и Томас Венцлова об опыте примирения Польши и Литвы*

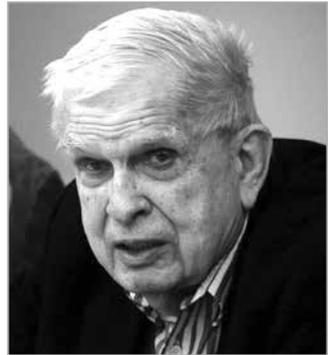

Адам Михник

Томас Венцлова, литовский поэт, переводчик, литературовед, эссеист, правозащитник: Проблема литовцев и поляков восходит к концу XIX века. До этого они вместе действовали против царского режима, но после подавления восстания 1863 года началось размежевание. У литовцев появились новые амбиции, они заявили, что они отдельный народ, а поляки им враждебны.

Английский государственный деятель Ллойд Джордж в 1920-е годы сказал: Вильно — это такой город, который населен евреями и белорусами, а воюют из-за него поляки и литовцы. Решить этот вопрос, по его словам, можно было только одним способом: выселить всех, накрыть город стеклянным куполом и сделать музей архитектуры. Иное решение тогда действительно казалось невозможным.

Когда Литва начала образовываться как независимое национальное литовскоговорящее государство, по старой памяти Великого княжества Литовского она считала, что Вильнюс — ее совершенно необходимая, неизбежная, единственная возможная столица. Как у евреев и арабов возник тяжелейший

Томас Венцлова

* Выступления на семинаре Школы в Вильнюсе 22 октября 2023 г. <https://sapere.online/vilnyus-nash-adam-mihnik-i-tomas-ventslova-ob-opyte-primireniya-polshi-i-litvy/>

спор из-за Иерусалима и окрестностей, который продолжается по сей день, — точно так же это случилось у литовцев или поляков. Встретились два момента: новая идея национального этнического государства, которое определяется языком, и идея историческая. Какое Великое княжество без Вильнюса? Получилось противоречие, поскольку Вильнюс в тот момент литовским никак не был: литовскоговорящих в нем было 2%, а большинство составляли поляки и евреи, причем непонятно, кого больше. Поляков здесь было около 40% и они считали Вильнюс своим городом.

Евреи не совсем понимали, с кем им лучше идти — с поляками или литовцами. В Польше было больше антисемитизма, в Литве он тоже был, но меньше, поэтому евреи часто блокировались с литовцами. Белорусы считали, что на самом-то деле это их город. И сейчас есть белорусы, которые так считают. Даже Сталин поначалу полагал, что как Львов — столица Западной Украины, так и Вильнюс — столица Западной Беларуси, но потом передумал.

После Первой мировой войны Польша под руководством Пилсудского никак не могла согласиться с тем, чтобы Вильнюс оказался в литовских руках. В 1920 году был устроен так называемый бунт генерала Желиговского, который якобы не подчинялся польскому правительству; в результате мятежа поляки заняли Вильнюс. Вильнюс был фактически присоединен к Польше, хотя литовцы, конечно, никогда не скажут «присоединен», они скажут: «был оккупирован» Польшей. Литовцы необычайно возмутились; двадцать лет шла пропаганда: «Вильнюс наш». Причем пропаганда была настолько преувеличенна, настолько наивна, что, когда читаешь литовские газеты и журналы того времени, становится немножко неловко. Они писали, что в Вильнюсе поляков вообще нет, есть только литовцы, которые жаждут воссоединиться с ковенской Литвой и жаждут быть частью литовского государства, а поляки своим жестоким террором запрещают им вернуться к родному языку. На самом деле время от времени закрывали какую-то литовскую школу, время от времени закрывали какую-то литовскую газету, но и школы, и газеты были. Террором это назвать нельзя. Ничего хорошего в том, что сделали поляки по отношению к литовцам, а также к белорусам и евреям, не было, но называть это «террором» — сильное преувеличение.

Конечно, как и всякая оккупация, это было несправедливо. Но, когда говорят, что народ имеет право под оккупацией вести себя так, как он считает нужным, по-моему, это неверно. Детей убивать нельзя ни при какой оккупации, даже если это сталинская или нацистская оккупация, даже если народу угрожает смертельная опасность. Кроме национальной свободы есть и более высокие ценности: для христианина — бог, для агностика, каковым я являюсь, — совесть. Когда я это сказал публично, на меня, конечно, напали, но я по-прежнему придерживаюсь этой идеи.

Вильнюс пробыл в руках Польши 19 лет. Потом Польша была уничтожена Гитлером. А Сталин после некоторых размышлений передал Вильнюс не Беларуси, а Литве. Поляки тут снова скажут: Литва приняла Вильнюс из рук Сталина, что само по себе делает его принадлежность Литве незаконной, и таким образом нанесла Польше удар в спину в самый трудный для нее момент, литовцы — оккупанты. Литовцы скажут: стопроцентно правы, конечно, мы (и до сих пор этого полно в газетах и в интернете), а стопроцентно не правы поляки, которые, коварно нарушив международное соглашение, отняли у нас нашу извечную чисто литовскую столицу.

Чтобы примириться, надо понять одну вещь, которую, к сожалению, практически невозможно внушить людям. В моей книге об истории Литвы я написал: надо понять, что в этой ситуации нет стопроцентно правых и нет стопроцентно неправых. У каждого есть какой-то процент правоты и какой-то процент неправоты. Мы должны признать, что Вильнюс после многих перипетий стал литовским городом и что пересматривать это никто не может. Это вовремя поняли польские эмигранты: Ежи Гедройц, Юлиуш Мирошевский, Чеслав Милош, Юзеф Мацкевич. Через польский эмигрантский журнал *Kultura* они проводили линию [на примирение], причем это было очень смело с их стороны: им угрожало политическое и финансовое банкротство. Постепенно эти идеи просочились в Польшу. И впоследствии Польша приняла это и, слава богу, подписала все необходимые документы о том, что Вильнюс является столицей Литвы. Вильнюс, как бы мы ни относились к советской власти, за эти годы литуанизировался. И действительно сейчас это город литовский, литовцев здесь больше, чем кого бы то ни было, господствует литовский язык.

Все, казалось бы, хорошо, и пора уже окончательно примириться. Но существуют силы, которые не хотят примиряться. Такие есть как среди поляков, так и среди литовцев. Вильнюсская польская газета *Tygodnik Wileński* недавно напечатала статью о походе Желиговского, в которой говорилось, что это было «освобождение города» и большинство населения Желиговского приветствовало. На эту статью клюнули литовские националисты: «Польша по-прежнему вынашивает коварные замыслы в отношении Вильнюса, и вот сейчас они проговорились». Я думаю, что вся эта история — большая провокация, скорее всего путинская, в которой замешаны и некоторые поляки, и некоторые литовцы, и что это ни в коем случае не выражает отношение польского государства и правительства к современному положению Вильнюса.

Когда-то на меня произвел очень большое впечатление роман Роберта Пенна Уоррена «Вся королевская рать». Я не буду углубляться в сюжет романа, но из него мне запомнилось одно: там без конца происходит месть. Кто-то кого-то обидел, потом ему мстят, потом тому, кто отомстил, опять мстят. Без конца происходят какие-то крайне неприятные

события. И наконец герой романа, далеко не самый хороший человек, вдруг что-то понимает и говорит: сейчас я должен мстить, но я этого больше делать не буду; на мне это должно прекратиться, иначе это не прекратится никогда. Вот именно это сделало польское правительство. И, я надеюсь, навсегда.

Адам Михник, польский общественный деятель, диссидент, журналист: Для моего поколения и для людей постарше проблема заключается в конфликте памяти. Например, для литовцев Ягайло был предателем, а поляки считают, что это был большой польский король, который сделал все самое лучшее, что он мог сделать.

Литовцы боялись Польши, боялись быть полонизированными. Серьезное недоверие присутствовало весь межвоенный период. В Польше же практически ничего не знали о Литве, полякам не хватало информации. И переговоры в 1990 году между правительствами Польши и Литвы были очень большим недоразумением. Тогда я еще работал журналистом, имел доступ в польский Сейм и хорошо помню, как лидер литовского «Саюдиса» Витаутас Ландсбергис требовал, чтобы в договоре между Литвой и Польшей было указано, что Желиговский был неправ. В Польше все голоса в поддержку независимости Литвы тогда звучали от тех, кто унаследовал эти идеи от Ежи Гедройца.

Националисты же посылали сигналы, что литовцы и «Саюдис» поляков в Литве дискриминируют. Но будем говорить прямо: очень большая часть польскоговорящих политиков в Вильнюсе просто были пророссийской пятой колонной и возможно, получали за это деньги. Еще когда вильнюсская телебашня была оккупирована советскими солдатами, я приехал и выступил в литовском парламенте, и в это же время польское меньшинство в Шальчининкае вывесило польский флаг. Литва, которая спустя столько лет вообще не ожидала, что у нее появится возможность восстановить литовское государство, восприняла это как плохой, подлый и глупый акт со стороны польского меньшинства. И, конечно, тогда это остановило, заморозило развитие отношений между Польшей и Литвой. С литовской стороны снова возникло недоверие, которое я очень много раз наблюдал, когда приезжал в Литву и общался с литовскими политиками и журналистами.

Я не знал историю со статьей в польской газете в Литве, которую рассказал Томас. Все время кто-то бросает дрова в топку. И это очень соответствует имперской советской политике, чья стратегия — сделать так, чтобы государства друг друга все время ненавидели и убивали. Я думаю, что сегодня в Кремле очень грустят, потому что националисты в Польше, продвигавшие путинский нарратив, проиграли выборы.

Когда-то Ландсбергис мне сказал: вот вы, поляки, только и ждете, когда будет возможность что-то схватить, и сразу схватите и Вильнюс, и Львов. Я говорю: Витаутас, такие поляки всегда были, но их

меньшинство, а большинство — не ревизионисты. Никогда не было даже мысли пересматривать границы, потому что если бы в Польше начали их пересматривать, то бы немцы тоже попросили, чтобы мы вернули западную Польшу.

Шанс для Литвы и Польши заключается не в том, чтобы в очередной раз пересмотреть границы. Наш шанс — упразднить эти границы, снять эти границы, открыть эти границы. Сегодня они уже открыты. Наше самое большое достижение — что сейчас можно ехать из Польши в Литву и обратно и никто не проверяет, никто не останавливает, никто не мешает.

Нам также следует пересмотреть то, как мы учим историю, как мы ее преподаем. Томас говорил много раз — и я сам высказываюсь за это, — чтобы литовскую историю все-таки издать в Польше на польском языке. Нет другого выхода. И даже если мы найдем в этой истории какие-то новые факты, плохие ли, хорошие ли, — все это нас обогатит.

В фундаментальных вопросах литовское и польское государство придерживаются единых взглядов. Когда началось российское вторжение в Украину, Польша и Литва открыли границу, приняли беженцев. В любом случае будущее — за демократической Литвой и демократической Польшей. Будущее принадлежит людям, которые хотят между собой общаться, разговаривать между собой. Если мы отдадим будущее националистам, которые хотят организовать преследования и всех перессорить, то мы выкопаем могильную яму самим себе и нашим демократиям.

Еще один тип мышления, который убивает нашу демократию, — русофобия. Сейчас я вижу новую волну русофобии. Нарратив, что мы должны ненавидеть россиян только из-за того, что они россияне, что мы не должны издавать каких-то книг, — это просто болезнь. И литовцы, и поляки, и все остальные — давайте не заболеем этой ненавистью, потому что это рабство, в которое мы сами себя загоняем.

*Шанс для Литвы
и Польши заключается
не в том, чтобы
в очередной раз
пересмотреть границы*

Василий Жарков, независимый политический аналитик, приглашенный лектор Европейского гуманитарного университета в Вильнюсе

*Империя Москвы: новейшие технологии и архаическая идеология**

Почему Россия в первой четверти XXI столетия пытается стереть с лица земли Украину, уподобляясь империи Габсбургов, в 1620 году пытавшейся привести протестантскую Чехию к католичеству?

«Лучше управлять пустыней, чем страной еретиков», — эти слова императора Священной Римской империи вполне мог бы произнести и Путин, отдавая приказы бомбить Мариуполь, Бахмут и Авдеевку. Однако пока не случилось новой битвы у Белой горы (в 1620 году под Прагой протестанты-чехи были разбиты войсками Католической лиги Фердинанда II), у Украины есть шанс отстоять свою независимость и право на существование в современном мире.

Мне кажется очень важным разобраться в причинах происходящего. Можно ли объяснить агрессию России против Украины только эссенциалистскими апелляциями к «особому русскому пути», «колее русской истории» и прочим характерным для примордиализма конструкциям, нерелевантным повестке современных общественных наук? Эссенциализм приписывает явлению (в данном случае России) неизменный набор качеств, предполагая за ним «глубинную сущность», «неизменную природу». Социологов и антропологов, приписывающих такие качества социальным группам, нациям, называют примордиалистами. Россия атакует Украину, потому что такова природа России?

Я сильно сомневаюсь, что такая трактовка верна. Любое явление необходимо рассматривать как часть современности, и искать его причины следует в текущих социальных, экономических и культурных реалиях. История хороша тем, что она слишком многое объясняет. Но она едва ли помогает понять

* Статья подготовлена автором на основе выступления на форуме «В поисках утраченного универсализма» в Берлине 6 декабря 2023 г.

актуальные процессы и явления в современном мире. Для формирования сегодняшней политической структуры «империи Москвы» актуально не столько далекое прошлое, сколько последние 30 лет.

Наблюдатели часто отмечают лживость советских и российских властей, идентифицирующих себя как борцов с колониализмом. СССР был «нелегальной империей», формально скрывавшейся под вывеской «союза свободных республик». Однако уже в 1939 году стало понятно, что это именно империя. Заключив секретное соглашение с Гитлером и поучаствовав в империалистическом разделе Восточной Европы, Сталин де-факто признал имперский статус СССР, что в корне противоречило официально декларируемым задачам и миссии страны.

Любое явление необходимо рассматривать как часть современности, и искать его причины следует в текущих социальных, экономических и культурных реалиях

Ровно поэтому руководство СССР на протяжении десятилетий после Второй мировой войны упорно отрицало наличие секретных приложений к пакту Молотова — Риббентропа. Официальное признание их существования на Съезде народных депутатов в декабре 1989 года быстро привело к распаду советской империи. Это во многом объясняется тем, что фактически верховная власть в Москве собственным законодательным актом признала имперский статус СССР, который в корне противоречил его декларируемым целям и задачам. Коммунистические идеологи до последнего отрицали тот факт, что СССР был империей, и для страны он стал очевиден уже после ее распада.

Россия унаследовала от СССР неоимпериалистическую традицию. Она строится на трех основаниях, которые мы рассмотрим далее.

Первое

В плане идеологии после крушения коммунистического проекта была сделана ставка на консервативный поворот, «возвращение к истокам». Он поддерживался правыми и антикоммунистическими кругами на Западе и нашел весьма благодатную почву внутри России. Идеологию марксизма-ленинизма сменило православие, в которое массово ударились бывшая советская интеллигенция. За этим следовало неформальное возрождение старой триады «православие — самодержавие — народность».

Если в Польше, странах Балтии и других воссозданных республиках Центральной и Восточной Европы была сделана ставка на восстановление национальной государственности межвоенного периода, утраченной в годы советской оккупации, то Россия в качестве образца прошлого имела только империю Романовых. Идеи прогресса и просвещения, к которым апеллировала советская идеология, утратили популярность, поэтому образ будущего как таковой отсутствовал.

В конце 1980-х — начале 1990-х была популярна идея устроить жизнь «как в Европе» (один из вариантов — по модели «шведского социализма»). Однако параллельно с этим возникла и укрепилась идея консервативной утопии, которая в итоге вытеснила все остальное и пришла на смену левому дискурсу. К началу 1990-х консервативная утопия была сформулирована в трудах Солженицына, а за десятилетия до этого дол-

*Вместо Европы 1968 года
мы оказались скорее
в Европе 1930-х годов*

гое время культивировалась в черносотенных кругах старой русской эмиграции. Возвращение в Европу при этом приобрело специфическую траекторию: вместо Европы 1968 года мы оказались скорее в Европе 1930-х годов.

Европейская повестка социал-демократии и «зеленого» движения была полностью проигнорирована русской антисоветской оппозицией как подозрительно промарксистская. В то время как Карл Маркс называл империю Романовых «тюрьмой народов», прекрасно помнившие это определение новые русские либералы и консерваторы в 1990-х и позднее обоюдно умилялись бытом рабовладельческих поместий в до-революционной России.

Консенсус по поводу «России, которую мы потеряли» сложился и среди остатков белой эмиграции на Западе, и среди разного рода наследников национал-большевизма внутри страны. Правление Путина началось с возвращения музыки советского гимна. Но мало кто помнит, что еще в 1993 году президент Ельцин в качестве герба России утвердил самый помпезный вариант двуглавого орла, существовавший в Российской империи при ультраконсервативном царе Александре III.

Так ценностный вакуум после крушения коммунизма в России был заполнен консервативной утопией, державшейся на причудливом сочетании православной веры, ретроутопической идеи возвращения ко временам царской империи и на тоске по колбасному благополучию СССР времен Брежнева. До поры до времени это смотрелось как дешевый музей артефактов прошлого. Но сохранение изолированности российских интеллектуалов (включая либералов) от современного мирового мейнстрима за последние 30 лет породило монстра Франкенштейна, который воюет сейчас в степях Херсонщины и Запорожья.

Второе

К идеологическим причинам стоит добавить структурные. Экономические реформы в России начала 1990-х предполагали жесткий централизованный подход к управлению страной. То, как будет устроена экономика, кому достанутся основные доли в ходе приватизации нефтяной отрасли и других важнейших активов, решалось в столице. Москва превратилась в центр концентрации и распределения финансовых ресурсов. Такова была логика не плановой советской, а современной неолиберальной экономики. Москва стала городом-метрополией,

Дмитрий Марков. Фотография на процессе Алексея Навального. 2021

который эксплуатировал остальную страну как подвластную ему территорию, подчиненную федеральному центру экономически, политически и культурно.

По отношению к остальной стране Москва в России играет роль внутренней заграницы. Это анклав Первого мира, живущий за счет ограбления территории страны, пребывающей в Третьем мире. Переезд жителя российской провинции в столицу сродни эмиграции в развитые страны Запада. В Москве ему предстоит борьба за вид на жительство в виде временной регистрации, отсутствие права голоса на выборах (без постоянной прописки), а иногда и даже речевая адаптация (избавление от немосковского выговора, с которым его не примут в «приличном обществе»).

Москва последних 30 лет структурно выделяется как метрополия по отношению к остальной России

Москва последних 30 лет структурно выделяется как метрополия по отношению к остальной России гораздо больше, чем в советское время. Российские регионы служат колониями для золотых «десяти миллионов» москвичей, представленных верхушкой бюрократии, силовиками и служащими крупных государственных корпораций, а также их идеологической службой в лице лидеров мнений в массмедиа. Это и есть колониальная администрация, которая контролирует и эксплуатирует ресурсы сегодняшней России.

Третье

Верхушку этой колониальной администрации представляет военный и бюрократический аппарат. За 30 лет постсоветского транзита в России он существенно вырос и усилился. В результате событий 1991 года в России не было люстрации в отношении старых кадров аппарата КПСС, комсомола и КГБ. Молодое поколение партийной, комсомоль-

Торжество консерватизма в идеологии, централизация финансовых потоков в условиях неолиберальной экономики, усиление власти бюрократии и силовиков создали «империю Москвы»

ской и силовой номенклатуры стало основным участником и двигателем реформ 1990-х и «стабилизации» 2000-х.

Государственный аппарат укрепил свои позиции после крушения диктатуры КПСС, сменив ее надпартийной плебисцитарной диктатурой президента России и его администрации. Основы этого плебисцитарного режима были заложены

в Конституции 1993 года и доведены до совершенства при Путине не позднее 2004 года. К этому моменту основные структурные элементы системы управления были встроены в вертикаль власти под контролем органов тайной полиции.

Крупный бизнес и институты гражданского общества развивались исключительно с разрешения и при базовой поддержке военно-бюрократического аппарата, достигшего большего могущества по сравнению с советским периодом. Важным ноу-хау новой власти стало информационное воздействие на население при помощи технологий, заимствованных на Западе. В тестовом режиме эта система была испытана уже на выборах Ельцина в 1996 году. Уже в первые годы правления Путина она достигла своего совершенства.

Торжество разных оттенков консерватизма в идеологии, централизация финансовых потоков в условиях неолиберальной экономики, усиление власти бюрократии и силовиков в отсутствие контроля со стороны слабого, идеологически дезориентированного и разоренного грабительскими реформами общества создали удивительное образование — «империю Москвы». Для нее характерно сочетание новейших технологий в управлении экономикой и общественным мнением с архаичными идеологическими установками времен «старого порядка» в Европе XVIII века. Это создало принципиально новую реинкарнацию периферийной империи, претендующей на гегемонию в воображаемой «сфере влияния» СССР и Российской империи.

Перемена в умах

Исторически эта империя обречена на крах. Но именно это обстоятельство играет с нами злую шутку. Вера в неизбежность победы сил демократии и прогресса над авторитаризмом и архаикой ослабляет нашу

хватку и решимость в борьбе с монстром, который не собирается сдаваться без боя. Нужно перестать видеть в Московской империи просто призрак прошлого. Ее сегодняшний наследник глубоко интегрирован в современную экономику капитализма и имеет вполне современный характер.

Лучший ответ на вызов империи Путина — изменение структуры мировой экономики с понижением в ней роли рынка нефти, газа и других энергоносителей. Декарбонизация европейской экономики — лучший ответ на российскую угрозу, лишаящий ее исторической перспективы. Пока российские правые либералы из поколения Путина смеются над Гретой Тунберг, новому поколению политиков в Европе, России и во всем мире нужно сформулировать и предложить концепцию современного, более справедливого и гармоничного мира, свободного от власти нефтяных, металлургических и военно-промышленных гигантов. Эта концепция предполагает более равноправные отношения между старыми богатыми странами и новыми развивающимися нациями из числа их бывших колоний.

*Мы должны лучше
понять, что такое
постколониальные
исследования*

Долги за рабовладение, холокост и голодомор должны выплачиваться всеми виноватыми в преступлениях настоящего и прошлого, включая и Российскую империю. Однако если современные американские и британские либералы осознают свою ответственность за преступления эпохи работорговли и плантационного рабства, то их российские коллеги используют аргумент крепостного права лишь в качестве обвинения русских людей в наличии у них «вечной рабской натуры», делая тем самым важный вклад в легитимизацию авторитаризма в сегодняшней России.

Это лишь один яркий пример того дна, на котором оказался российский интеллектуальный класс по итогам трансформации последних 30 лет. Выбраться из этой ямы предстоит новым поколениям российской интеллигенции исключительно при условии их полной интеграции в современный мировой мейнстрим общественных наук. Мы должны лучше понять, что такое постколониальные исследования, и научиться применять их оптику и инструментарий к описанию российских реалий и проектированию будущего своей страны.

Трансформация Российской империи в современное демократическое государство невозможна без фундаментальных перемен в умах интеллектуалов и правящих элит. Именно они в первую очередь несут ответственность за происходящий позор и преступления. Именно им предстоит в будущем исправлять ситуацию, начиная с наведения порядка в собственной голове.

Бай Илю (Bai Yiluo). Цивилизация. 2007

Как война влияет на демократию*

Алексей Юсуфов,
политолог, руководитель
русской программы
Фонда Эберта (Берлин)

Сегодня я буду говорить как человек, который живет и работает в немецком политикуме.

В какой-то момент мы, россияне, живущие в ФРГ, поняли, что Берлин и Германия в большей степени восточноевропейское пространство, чем сами думаем. Что их много — людей, которые здесь работают, переживают, сочувствуют, затронуты войнами, миграцией и тем, что происходит на востоке континента.

Раньше Берлин был приграничный город, а теперь это полноценный восточноевропейский город, причем доступный всем слоям. Если вы пойдете на Центральный вокзал, Hauptbahnhof, и проведете там полдня (а если у вас нервы покрепче, то и на Bahnhof Zoo или на Ostbahnhof), вы поймете, что все бездомные, которых вы там увидите, — с востока Европы. Большинство из них из Румынии, кто-то из Польши, многие из Украины. Это с одной стороны.

А с другой стороны, по статистике, среди самых богатых берлинцев есть и россияне, и украинцы, и представители других восточноевропейских стран и они занимают топовые 15–20 процентов. Причем очень разные люди: и лояльно настроенные к Российской Федерации (у Алишера Усмана в Германии несколько домов, до которых полиция никак не может добраться), и люди, которые бежали от войны и здесь пытаются построить что-то новое.

Но Берлин и Германия переходят в какое-то новое «агрегатное состояние», когда уже невозможно жить, отключившись от войны в Украине.

И сегодня я хочу поговорить о том, как война влияет на демократию, на конкретную немецкую демократию. А также о некоторых универсальных тенденциях, которые, возможно, вам будут интересны, и предложить вам свои наблюдения.

* Выступление на семинаре в Берлине 4 декабря 2023 г.

Три наблюдения

Первые два касаются характера потрясения, вызванного нападением Российской Федерации на Украину.

Даже если вы не говорите по-немецки, вам часто будет встречаться термин *Zeitenwende*. Его можно перевести по-разному, но в основном он переводится как «смена эпох». Это мощный термин, и если политик к нему прибегает, значит, происходит нечто судьбоносное.

Этот термин употребил в своей речи канцлер Олаф Шольц 27 февраля 2022 года, спустя три дня после нападения России на Украину. До

Но есть социологические опросы, и мы видим, что люди понимают под сменой эпох

сих пор спорят о том, что же, собственно, сказал Шольц в своем выступлении. Он провозгласил смену эпох или он пронаблюдал ее? В этой разнице и кроется весь спор о том, должна ли Германия что-то делать. Должна она делать больше или меньше? И что на самом деле происходит?

Те, кто считает, что канцлер провозгласил смену эпох, полагают, что Германия должна меняться, потому что на нее ложится ответственность.

Те, кто считает, что Шольц ее просто продиагностировал, утверждают, что канцлер дал название тому, что происходит вокруг, и попытался объяснить гражданам своей страны, что их жизнь, скорее всего, изменится так, как не менялась ни после воссоединения Германии, ни после 11 сентября, ни после других событий типа миграционных потоков 2015–2016 годов, когда миллион человек пришли в Германию. Все те события на фоне происходящего теперь уже не кажутся такими тектоническими сдвигами.

Термин смена эпох абсолютно «контейнерный», в него можно вкладывать все что угодно, и политики вкладывают-таки в него все что угодно.

Но есть социологические опросы, и мы видим, что же люди понимают под этой сменой эпох. А понимают они следующее.

Первое. Прошла эпоха мирного дивиденда, когда Германия могла позволить себе не тратить существенных денег на оборону и на военно-промышленный комплекс. Немецкий XX век закончился хеппи-эндом воссоединения, а затем воссоединение перешло в европейское расширение и интеграцию, и можно не тратить на свою оборону пресловутые два процента, которые предписывает НАТО. Можно пользоваться деньгами для совершенствования социального государства, для инфраструктуры, для быстрых поездов, для цифровизации.

Однако уже при Обаме американцы напомнили Германии о ее обязательствах. Притом что два процента — величина относительная, два процента от такого ВВП, как немецкий, очень большие деньги. И если до начала российско-украинской войны оборонный бюджет Германии составлял около 45–50 млрд, то если довести его до этих двух процентов, получится порядка 75–80 млрд евро в год.

Эта сумма больше той, что тратит Соединенное Королевство. Но у Великобритании есть атомное оружие, которого нет у Германии. У Великобритании есть авианосцы, которых нет у Германии. У Великобритании есть глобально действующий спецназ, которого нет у Германии. Так на что же Германии тратить эти миллиарды и что будет с обществом и экономикой, если изменятся приоритеты?

Тем не менее люди считают, что приоритеты должны меняться. И это первое, что влияет на основы демократии Германии. Германская демократия с момента своего рождения в 1949 году была не очень милитаризованной. Да, в 1955-м в качестве немецкой армии был создан бундесвер, но то была оборонительная концепция, о которой потихонечку забыли. А воссоединение Германии и вовсе было воспринято как симптом того, что война с континента ушла навсегда.

Война вызвала шок в обществе. Какое-то время казалось, что невозможно дальше жить обычной, рутинной, нормальной жизнью, когда по соседству идут бои. А оказалось — можно. Прошло два года, а у нас продолжается обычная жизнь, притом что рядом идет война. Общество к этому привыкает.

Те же опросы свидетельствуют, что сместились «приоритеты озабоченности». Людей беспокоят не только последствия войны, но и вопрос, не придет ли к ним сама война. Людей беспокоит возможность атомного конфликта. Беспокоит, хватит ли денег на другие нужды, на борьбу с изменением климата, на социальное государство. Ведь общество стареет, есть проблемы с уходом за стариками, проблемы с медициной, с образованием и так далее. Это серьезные изменения в приоритетах.

Второе. Естественно, ситуация что-то меняет в отношениях общества и армии. Германия отменила воинский призыв уже в 2011 году. Да и когда призыв еще существовал, он уже выглядел «лотерейным». Потому что Германия такая большая страна и у нее такая экономика, что ей, по сути дела, не нужна огромная армия, состоящая из обязательного призыва. Чем, собственно, ей, этой армии, заниматься? Основными задачами бундесвера были зарубежные миссии, в чем-то гуманитарные, в чем-то стабилизационные, как, скажем, в Мали, Афганистане или Косово.

Во времена воинского призыва все больше и больше людей заявляли, что «из пацифистских соображений» они не могут брать в руки оружие. Заявления тогда было достаточно: этих людей просто вычеркивали из списков. А отказ от ношения оружия пожизненный, в базе данных вы на всю жизнь будете отмечены как отказник.

Но после 24 февраля 2022 года люди, даже те, кому сейчас уже по 40–50 лет, стали отзываться свои отказы. Это существенное изменение.

С другой стороны, наблюдается обратное явление — люди стали уходить из бундесвера.

То есть происходят параллельные процессы. Одни люди, те, кто прежде считал, что служить в бундесвере бессмысленно, переосмыслиют

собственный юношеский пацифизм. Даже не пацифизм, а, скорее, удобное отношение к жизни — дескать, зачем тратить время на службу? А те, кто прослужил в бундесвере длительное время, считают, что изменились правила игры: они приходили в армию, которая никогда не должна была участвовать в настоящей войне, а теперь, оказывается, это не исключено.

Однако 27 февраля 2022 года после речи Шольца в Конституцию введена отдельная статья о создании специального фонда в 100 млрд евро для бундесвера. Учитывая, что в Германии бюджетный кризис, решение выглядит более чем впечатляющим. И оно в корне меняет разговор о роли вооруженных сил.

А третий феномен, который мы сейчас наблюдаем, — это наложение кризисов друг на друга. В политологии нынче модно слово поликризис. Начиная с первой ковидной зимы и до текущего момента политическая система борется за сохранение остатков своего имиджа дееспособной системы. Тем не менее отношения между гражданами и властью изменились: ковид подорвал репутацию немецких властей и системы в целом. Было непонятно, почему все делалось непоследовательно. Немецкий федерализм, который многие считали достижением историческим, обернулся абсурдом.

Например, вы захотели в поезде съесть батончик «Сникерс». В одной федеральной земле это было возможно, но через 5 минут в ваш поезд, идущий по территории уже другой федеральной земли, могли сесть полицейские и заявить, что вы не имеете права принимать пищу в общественном месте. В одних частях Германии можно встречаться вшестером, в других — только втроем, а где-то вообще нельзя встречаться. В Мекленбурге — Передней Померании полностью запретили выезжать на дачи. В Берлине стали открываться подпольные бары, как во время сухого закона в США. Молодежь два года бегала от полиции, поскольку не хотела следовать всем этим правилам. Были тяжелые дебаты, и произошел раскол в обществе.

Как в США готовят особую, необычную рекламу к Супербоулу, так в Германии есть традиция выпускать специальные рекламные ролики под Рождество и даже конкуренция между разными супермаркетами, которые снимают дорогую качественную рекламу на социальные темы. И в первую военную, и в первую послековидную зиму компания Penny — один из самых дешевых супермаркетов страны — выпустила длинный ролик о расколе в обществе. В нем уставшая женщина средних лет едет, видимо, домой с работы с покупками. Всё в серых тонах. Она въезжает на подземную парковку, на нее чуть не налетает мальчик на велосипеде, они кричат друг на друга. Конфликт! И с каждым очередным социальным конфликтом, отснятым в ролике, по зданию идут трещины. Такая вот простая метафора. Вот женщина входит в лифт, и ей: «Почему вы без маски, а я в маске? Ковид не закончился!» Она поднимается выше.

Вот сосед слушает по радио В. Путина, который заявляет: «То, что мы делаем, — это наше историческое право». Сосед бьет кулаком себя в грудь и говорит: «Я всегда знал, что он прав!», а его жена, плача, готовит ему на кухне ужин.

Все это как бы немецкая многоэтажка, и с каждым криком и конфликтом стены ее покрываются новыми трещинами... То есть ковид, война, отношения пожилых и молодых сейчас во внутримедийном дискурсе рассматриваются как трещины. И их становится все больше.

Нынешний поликризис имеет конкретное продолжение — это, конечно, Газа и Израиль. Потому что кризис накладывается на ситуацию, в которой поляризация уже достигла достаточно высокой точки. И, как бы печально это ни было для многих из нас, данный конфликт, несмотря на географию, ближе немецкому обществу, чем российско-украинская война. Он сам по себе вызывает дополнительные расхождения. По возросшему числу конфликтов мы можем сделать вывод: политизируются и расходятся по разным углам даже те, кого прежде не слишком интересовало, что происходит в России и в Украине. Причем обозначилось четкое размежевание между пожилыми и молодыми. Корреляция по поколенческой структуре в отношении симпатий к Израилю или к Газе однозначна: чем моложе, чем образованнее человек, тем чаще он за Палестину, чем старше и чем ближе он к истеблишменту, тем чаще за Израиль.

И еще один аргумент в пользу именно поликризиса. Чем человек моложе, тем меньше он готов участвовать в разговорах о милитаризации, военном бюджете, о том, что должен или не должен делать бундесвер. Он считает, что такие разговоры отвлекают от действительно важного — от поиска путей спасения планеты.

Вот так выглядит панорама демократии и отношения к войнам к концу 2023 года. Давайте обсудим это.

Нынешний поликризис имеет конкретное продолжение — это, конечно, Газа и Израиль

The time is out of joint?

И. Берёзкина: В Школе мы постоянно говорим о том, что происходит в регионе, в мире. Кажется, наш эксперт Бобо Ло первым ввел термин «мировой беспорядок», world disorder. Он заговорил о нем года за два до пандемии. Помню, я тогда спросила у него: это все же world disorder — или мы движемся в сторону хаоса? Ведь поликризис, мировой беспорядок, хаос выглядят похоже, но природу имеют разную. Слово «хаос» не принято в политологии, это, в общем-то, не научный термин. Но, по твоему ощущению, происходящее ближе к смещению тектонических плит или «век расшатался», the time is out of joint, как писал еще Шекспир?

А. Юсупов: С точки зрения политических формаций, это все еще переход к каким-то новым правилам игры. Проблема, скорее, в том, что постепенно все, кто участвует в этих политических турбуленциях, отдают себе отчет: есть некая точка потери контроля, и она реальна. Вы можете строить планы: как переформатировать энергетические отношения, что делать с миграцией, что делать с подъемом правых партий, но в какой-то момент события по своей сложности и каскадности выйдут за ту

*Все, кто участвует
в этих политических
турбуленциях,
отдают себе отчет:
есть некая точка
потери контроля*

точку, для которой вы смогли придумать связный ответ. Остается только откинуться назад и просто наблюдать, что происходит. Это, наверное, можно описывать словом «хаос», но пока хаоса я не вижу.

Другое дело, что мы же здесь говорим о гуманитарном и о человеческом измерении. Кто-то уже сейчас чувствует на себе цену изменения того миропорядка, который на поверку оказался слиш-

ком самоуверенным, как и рассуждения о европейском «вечном мире», «конце истории» и т. п. Мир может быть не вечен, рациональность коммерческих отношений ничего не гарантирует, рассуждения о том, что нам в будущем предстоит разве что технические сдвиги и корректировка каких-то деталей, [оказались несостоятельны]. Для людей, которые жили, налаживали бизнес, растили детей в том месте, которое перестало существовать из-за военных конфликтов, хаос настал уже сейчас.

Но, думаю, на уровне государства, на уровне политики это еще не хаос, а, скорее, реориентировка. И серьезные, настоящие риски.

Т. Митрофанов: Вы говорили о вооруженных силах Германии, о том, что будет увеличено финансирование. В то же время я вспомнил слова министра обороны Германии Бориса Писториуса о том, что у нас нет вооруженных сил, способных защитить от агрессора. И второе. Я вспомнил, что читал полгода назад: лишь каждый десятый немец готов либо добровольно, либо по призыву идти защищать Германию. Около четверти опрошенных сказали, что покинут страну. Около 30 процентов планируют продолжить жить так, как и жили. То есть немецкое общество не готово к новой милитаризации.

И еще. Мне интересно услышать ваше мнение насчет партнеров Германии по НАТО. Мы все смеялись над российской армией, над ржавыми танками и так далее. Но в то же время эта война, как мне кажется, свидетельствует о кризисе в НАТО. Нидерланды заявили, что у них снарядов столько, сколько Украина тратит за один день. А другие страны уже объявили, что не могут поставлять оружие — оно у них закончилось. Получается, что немецкий политический истеблишмент готов выделять деньги, готов милитаризоваться, а общество не готово. И партнеры Германии по НАТО либо не готовы, либо не вполне серьезно относятся к нынешнему положению дел. Как быть в такой ситуации Германии, не связаны ли у нее руки?

А. Юсупов: Спасибо, хороший вопрос. Разрыв между политическим ответом — корректировкой бюджетных приоритетов — и общественной инерцией пока не конфликтен. Дело в том, что мы об этом широко и вкратце не говорим, но, судя по опросам, большинство людей понимают, что ответом на реальную агрессию против территорий НАТО, в том числе Германии, является ядерное сдерживание. Поэтому людям неочевидна необходимость идти служить в бундесвер, ведь все равно как бы есть инструменты, в первую очередь американские, а также британские и французские, которые сдерживают агрессора. Сложность в том, что бундесвер не может в действительности делать то, что должен: у него не хватает работающей техники, специалистов. Израиль за три дня мобилизует 300 тысяч человек, а Германия не в состоянии этого сделать ни за три дня, ни за три недели, ни, наверное, даже за три месяца.

Это вопрос административной, снабженческой, процессуальной, скажем так, реактивации. То есть пока речь не о том, что армия как таковая будет расти. Она просто должна уметь делать то, чего она не умеет и что «по бумагам» должна уметь.

Борис Писториус использует слово «Kriegstüchtigkeit», его сложно перевести, но оно означает «способность вести войну». Писториус видит свою роль именно в том, чтобы быть таким главным пугателем. Он опасается, что пройдет какое-то время и привыкание достигнет некоей критической точки — люди забудут о приоритизации бюджета: дескать, квартир не хватает, поезда не ходят — надо ли тратить столько денег на армию?

Такие люди, как Писториус, — это застрельщики, призывающие электорат не уходить от существенных приоритетов. Кстати, по рейтингам он самый популярный политик, что совершенно необычно. Видимо, ему удастся ответить на какое-то беспокойство, присутствующее в обществе. А с другой стороны, его призывам не забывать о том, что стало важным, пока верят.

Ведь в Германии за год рождается в среднем 500 тысяч детей. Половина из них — девочки, которые, по Конституции, служить не могут — или надо менять Конституцию, чтобы они стали резервом бундесвера. Остается, таким образом, 250 тысяч. Из них примерно половина не немцы. Остается 125 тысяч, из которых примерно у трети плохое здоровье, инвалидность, они отказываются от призыва и так далее. И остается около 70–80 тысяч молодых людей в год, которых можно использовать в армии. Зачем? Так вот, на этот вопрос нет стратегического ответа. Потому что чистить картошку — этим занимаются коммерческие фирмы. Охранять? Бундесвер даже собственные объекты сам не охраняет, их охраняют соответствующие частные компании.

Между тем конкретный сценарий, к которому Германия должна готовиться, уже описан: российское вторжение в Балтийском регионе. Пока что трансатлантические партнеры подтягиваются неспешно — потому

что они либо не хотят подтягиваться, либо у них другой президент, либо хотят, чтобы европейцы сами занимались этой проблемой: они, дескать, должны сами на несколько дней остановить или хотя бы отпугнуть российское вторжение. Вот это тактическая задача. К ней и немецкая, и другие армии должны готовиться в ближайшие годы. Для этого не нужно полностью милитаризовать свое общество.

В отношении НАТО тот же ответ. НАТО в данном случае — ядерный зонтик. И пока он есть, многие будут говорить: «Зачем? Все равно никто к нам не сунется»...

Е. Немировская: С уходом Меркель все думали: что же будет дальше? Мы теперь понимаем, что в ее времена политика в отношении России на всех уровнях была такая: через бизнес, через деловые связи восстановим практику деловых отношений. Так работали все немецкие фирмы и прекрасно зарабатывали в России. Так же работали фонды, с тем же намерением. Сегодня всему этому пришел конец. Идет кровавая, беспощадная и, кажется, бесконечная война. Может быть, так, как когда-то, России в войне не победить, но она может выиграть ее за счет бесконечности. И это будет ужасно.

Между тем все наше послевоенное поколение выросло и воспиталось как пацифистское. И поменять отношение к НАТО, к войне трудно: пацифизм формировался через образование, через культуру. Возникает вопрос: не объявится ли в просвещении, в образовании другой вектор, который разрушит то, что сложилось после Второй мировой войны? Ведь мы прекрасно понимаем, что сегодняшняя российская власть как раз настроена агрессивно.

Однако не хочется, чтобы из Европы уходили гуманистические ценности. Агрессия не лучшее состояние мира, а если это будет поддерживаться... Примеров агрессии много, не только от России, но и во всем мире. И что будет хотя бы в ближайшие 15–20 лет? На протяжении десятилетий мы знали, чем и во имя чего занимаемся. Как прежнее вложить в нечто совсем другое?

И еще вопрос. В Берлине должен состояться наш форум, и немецкие интеллектуалы настаивают, чтобы мы его провели в поддержку деколонизации. Тема, конечно, важная, но, когда речь заходит о той части мира, о которой мы говорим как об агрессоре, это ведь не вся проблема?

А. Юсупов: Почему деколонизация?.. Вообще термин «деколонизация» надо дефинировать всякий раз, когда им пользуются. Потому что все говорят о разном. Это такой «шифр» — раньше говорили об устойчивости, теперь говорят о деколонизации. Но в самой актуализации темы есть доля правды. Взгляд Германии на то, что происходило в Украине, в Грузии, в Центральной Азии, был замылен и до сих пор оставался без существенного пересмотра. Дескать, на востоке Европы есть две основные организующие державы — Германия и Россия. У обеих в

чем-то трагическая, в чем-то триумфальная история. А прислушиваться к тому, что непременно хотят рассказать нам наши литовские, финские, украинские коллеги, не обязательно. Из вежливости надо это делать, но мы и так сами все знаем. Таким был мейнстрим немецкого мышления о востоке Европы, и он потерпел провал.

На самом деле деколонизация — как раз таки процесс, который есть. Уже потому, что впервые на ментальной карте Европы появилось место для такой страны, как Украина. До этого в немецкой политике Украина воспринималась просто как одна из прочих советских республик, а все основные вопросы за нее должны были решать «взрослые».

Деколонизация — процесс, который идет везде. По сути, это понимание того, что если вы хотите жить вот в этом прекрасном бесконечном мире с универсальными ценностями, то надо каким-то образом приводить вашу ежедневную политику по отношению к малым странам в соответствие с той политикой, которую вы ведете по отношению к странам побольше.

Вот вы упомянули об Ангеле Меркель. Поразительно, что ее забыли практически моментально. Никто по ней не скучает, хотя она была не только «мамочкой» — она по версии, в частности, Forbes была и самой влиятельной женщиной мира. И казалось, что она — столп, что она та черепаха, на которой стоит весь мир. Но ушла — и, по сути, забыта. Почему? Потому что она во многом плоть от плоти того поколения, для которого падение Берлинской стены стало главным историческим событием. Причем как бы без особых собственных усилий. История, fortuna словно бы подтвердили, что играть вдолгую и ждать — правильная стратегия.

Да, надо было улучшать отношения с ГДР, в этом тоже был бизнес-компонент. Нужно договариваться с Варшавой, Вилли Брандт ездит в Прагу, в Москву. Создавался некий промежуточный, переходный статус-кво, и можно просто ждать, когда звезды встанут иначе. А падение Берлинской стены — это, особенно для поколения Ангелы Меркель, доказательство того, что наличествует правильная основная стратегия немецкой внешней политики. Ну да, Россию изменить невозможно — значит, остается только ждать, пока она сама поменяется. А если меняется не в ту сторону, в которую хочется, то такого рода информация сознательно и бессознательно фильтруется. По многим причинам. И есть уже аналитики, написавшие, в чем, собственно, заключалась прежняя слепота.

Слепота в самоуверенности: мол, немецкая сторона прекрасно понимает, что происходит в России.

Слепота в том, что бизнес и гражданские треки якобы параллельны и на самом деле абсолютно друг с другом не связаны.

Россию изменить невозможно — остается ждать, пока она сама поменяется. А если меняется не в ту сторону, информация фильтруется

Слепота поколенческая, то есть вот эта самая вера в то, что все договорились о новых правилах игры и что институциональная, коммерческая, транзакционная выгода при такой немецкой внешней политике очевидна. «Не может же российская сторона быть настолько иной, россияне же не инопланетяне!»

А парадоксальность этой войны, «войны постмодерна» в том, что в Германии теперь, как и в России, и в Украине, заботы вроде бы по-прежнему связаны с карьерой, с предстоящим отпуском, детьми, с занятиями спортом. Идет война? Нет табу, о войне тоже можно поговорить. Можно иметь разные политические мнения, но война не затмевает всего остального.

Хотя кто мог представить себе прежде, что можно жить, как раньше, и под боком иметь войну? Однако для меня это, скорее, тренд нормализации, который уже давно присутствует в мире. Когда общаешься с американскими, с британскими коллегами, они не понимают, что это за особые немецкие сантименты. Они говорят: «Мы все время были в войне. У нас всегда была где-то война. Это абсолютно немецкий кейс, что сейчас у вас начинается ваша война. Ирак, Афганистан, другие миссии — всегда была война, которую можно научиться игнорировать».

Приведу один из последних разговоров с нашими немецкими коллегами. Вот, говорим мы, вы можете сидеть в замечательном кафе в Мюнхене, есть мороженое, пить пиво, наслаждаться летом — и в то же время в Средиземном море тонут люди. Вы не можете этого не знать, информация прошла везде. И вы знаете, что они тонут в том числе из-за европейской политики, которую реализуют избранные вами люди, живущие на ваши налоги. Но можно ведь провести прямую причинно-следственную связь между европейским потребителем и вот этим конечным итогом, что в Средиземном море тонет человек. Тем не менее мы уже не первое десятилетие существуем в ситуации, когда для большинства трагическое происходящее выводится за скобки. И то же самое теперь будет происходить с войной.

Поэтому для меня основная проблема не милитаризация, а компартиментализация, при которой упорно не осознаются, не оцениваются очевидные вещи. Все, оказывается, может происходить параллельно. Две войны могут идти параллельно. Точка поляризации у нас новая по интенсивности, но мы все, к сожалению, и к этому привыкнем. Как и в Украине...

Я вижу тут некий парадокс. С одной стороны, будь иначе, общества перестали бы работать. Но, с другой, опасно, что люди быстро привыкают к тому, что нет консолидированного момента конца нормальности и конца мира.

Все происходит параллельно. Вот вы выходите на Фридрихштрассе — войны здесь нет. Идете с километр дальше, в лагерь приема беженцев, — там война есть. Они существуют в одном физическом пространстве.

Саймон Фудзивара (Simon Fujiwara), Ребекка. 2012

С. Штурхецкий (Украина): Спасибо, что вы заговорили о Меркель. Я понял, что и Украина тоже получила независимость «просто так». Но теперь работает совсем другое поколение, и еще неизвестно, чем эта борьба закончится. Идет смена не только политического консенсуса, но вообще всего.

Спасибо за ваши комментарии по поводу деколонизации. Для деколонизации самое главное — услышать голос «туземцев», потому что имперское мышление как раз не предусматривает понятия слышать. И, наверное, германская политика была тоже такая: не слышать, что там говорят какие-то поляки, балтийцы, что вообще они обо всем этом думают.

В связи с этим вопрос: новая роль Германии, или новое мышление Германии, предполагает, очевидно, какие-то новые внешнеполитические движения? Та же Россия очень много денег вложила в восточно-европейское партнерство, а оно показало свою несостоятельность. Это поняли в Германии или нет?

И второй вопрос. Дональда Туска считают в Польше сильным проремецким политиком, драйвером именно немецкой политики. Так ли это? Польша попадает в орбиту германской политики, германского видения будущего Европы? И что получит от этого Украина? Будет ли поддержка? Ведь то, о чем вы говорили, означает, что Германия готовится к войне, ей надо держать фронт и, соответственно, Польшу и Украину.

А. Юсупов: Я не специалист по Польше, но результаты польских выборов вызвали в Германии большое ликование. Правда, автоматически они не делают польскую политику иной: там будут свои сложности в сосуществовании президента и премьера. Но в общем и целом европейский интеграционный мотор, который раньше был исключительно немецко-французским, сам по себе уже не работает.

Варшава экономически очень сильный игрок. Это единственная экономика, которая прошла через ковид без серьезных потерь. Если посмотреть на торговлю, то в каждом немецком заработанном экспортном евро 60 центов заработала Польша. За счет производства, за счет того, что, к примеру, в отеле, где вы живете, все белье на стирку вывозится в Польшу ночью и возвращается обратно.

Польская экономика — принципиальная причина успеха немецкой экономики. Они так связаны, что политический конфликт между польским и немецким правительствами, который был во время правления Качиньских, Моравецкого, всех уже утомил и истощил. После выборов появилась надежда, что, может быть, получится вернуться к общим интересам. Например, Польша, Германия, Франция давно заинтересованы в том, чтобы придавить налоговые оазисы, через которые не только арабские, но и российские олигархи проводят свои деньги. Но, пока Европейский союз — полностью договорная структура, это возможно только с участием и давлением максимального числа инициаторов такого рода предложений.

Польша задает некий новый тон настоящей милитаризации, в частности отказом от немецкого ВПК: польские новые заказы оформлены через Южную Корею и Соединенные Штаты, и это урок для Германии.

Думаю, что в политикуме и с немецкой, и с французской, и с польской стороны, и слева, и справа есть понимание: хорошие соседи прикрывают друг друга с флангов. Довести свою армию до необходимого уровня, до возможности отпугивать или сдерживать Россию, а также укрепить ЕС, снизить зависимость от американцев — все это удастся только вместе, только в тройной связке.

Сам формат «Веймарский треугольник» существует довольно давно, но он был несколько беззубым. И его общим проектом, конечно, станет Украина. Есть даже концепция расширения треугольника в «четыреугольник». Франция, Германия, Польша вместе оговорят множество вопросов, которые встанут перед ними, когда речь пойдет о реальной подготовке Украины к какой-либо форме членства. Будут со всех сторон и конфликтные зоны. У поляков, в частности, столько вопросов по аграрному сектору, что даже в мирное время сложно будет по-настоящему разговаривать.

Я думаю, что Берлин уже научился видеть свою роль в том, чтобы согласовывать собственные действия с Парижем и с Варшавой. Предполагаю, что такого своеволия, какое было в германско-российских отношениях до 2022 года, уже не будет.

Л. Кудряков: Как вы сказали, особые отношения между Германией и Россией разрушены, нет больше никаких экономических и официальных связей. А что происходит с гражданским треком, с диаспоральными инициативами, с НКО, которые имеют российские корни? Официальная Германия к ним прислушивается, или считается, что они все коллективно провалились и прислушиваться к ним не нужно?

Второй мой вопрос по поводу реакции немецкого общества как раз на эти тектонические сдвиги, которые сейчас происходят. Мы видим, как набирает голоса AfD*, что происходит в Баварии, в Гессене, на востоке страны. Можем ли мы представить себе, допустим, в 2025 году правящую коалицию, где будут CDU** и AfD?

А. Юсупов: В своей внешней политике ФРГ была связана особыми узлами, причем даже институционально, с пятью странами: Израилем, США, Францией, Польшей и Россией.

Впервые отношения такого формата, как с Россией, оказались закреплены на уровне бюджетов. Было огромное количество гражданских

* Правая политическая партия Alternative für Deutschland, «Альтернатива для Германии» (Ред.).

** Christlich Demokratische Union Deutschlands, Христианско-демократический союз Германии (ХДС), умеренно консервативная политическая партия (Ред.).

инициатив, «Петербургский диалог» и прочие проекты. Сейчас все рухнуло окончательно — не только материальный фундамент, энергетические отношения, которые начались в 1970-х годах, когда ФРГ стала покупать газ у Советского Союза. И даже если завтра закончится война и послезавтра президентом России станет кто-то очень симпатичный ФРГ, это ничего не изменит, пути обратно уже просто нет.

С гражданским треком все, я бы сказал, неоднозначно. Нет какой-то одной общей позиции у федерального правительства. Официально гражданские инициативы приостановлены. «Петербургский диалог» расформирован. Даже города-побратимы каждый по-своему решал, что будет делать. А инициатив, особенно низового уровня, было очень-очень много: уход за солдатскими могилами, студенческие обмены, самые разные культурные события. Кто-то разорвал связи с российскими партнерами. Кто-то их заморозил. Кто-то начал уравнивать

Идет широкая дискуссия о роли диаспоры. Основной вопрос: имеет ли смысл возлагать политические ожидания на диаспору?

их связями с Украиной, при этом не прекращая российских, считая, что Россия никуда с карты не денется. И есть особая ценность хотя бы вот такого живого общения, как наша встреча, тем большая, если мы вернемся в реалии холодной войны.

Идет широкая дискуссия о роли диаспоры. Мне кажется, основной вопрос: имеет ли смысл возлагать политические ожидания на диаспору, или было бы правильнее вообще их не иметь?

С одной стороны, людям предлагается какая-то цель. Но на самом деле мы все понимаем, что изменения в России будут происходить изнутри. Безусловно, диаспора в этот момент сможет играть решающую роль. Однако она не вызовет каких-то сотрясений и изменений в России, и проекты работы с диаспорой, основанные на этой идее, либо наивны, либо лицемерны.

И все же есть дискуссия, есть разные точки зрения. Главная задача диаспоры — понять, куда она попала. Нужно осознать свою новую роль, на это уйдет несколько лет. Потом начнется психологический процесс выключения, деполитизации, реориентации. Часть людей вернется. Часть выгорит — уже сейчас есть трагические сообщения о суицидах, о болезнях. Это вообще потрясение такого масштаба, какого в жизни этих людей, возможно, больше не будет, и дай-то бог, чтобы не было. Все очень сложно.

Поэтому я доволен моими коллегами в немецком правительстве. Они понимают, что когда-нибудь русские эмигранты, возможно, сыграют решающую роль, но это не значит, что нужно заставлять их что-то делать сейчас. Сейчас главное, чтобы они сумели более или менее найти себя в новом мире.

Что касается AfD, то я не вижу сценария, по которому в 2025 году «Альтернатива для Германии» оказалась бы в правительстве. Но это не значит, что еще через четыре года партия не приблизится к своей цели еще на шаг. У нее есть важное отличие от всех прочих правых радикалов. В других похожих партиях чем успешнее радикалы в своих попытках подобраться к центру, тем умереннее они звучат, чтобы быть привлекательными. А у AfD этого нет: чем успешнее, тем радикальнее. Уже два их региональных отделения официально, юридически объявлены правыми экстремистами. Идет какая-то такая «гонка в туннеле», и не очень понятно, чем она закончится.

В. Можейко (Беларусь): Если обобщить тенденции, о которых мы сегодня говорили, получается, что новое поколение, приходящее в политику, пусть пока и в лице избирателей, все больше игнорирует гуманистические проблемы, будь то война, где люди убивают людей, или беженцы, которые где-то тонут или которых куда-то не пускают. Новые политики все больше внимания обращают на проблемы, которые с людьми не связаны. Или на такие, где главная проблема — в самом человеке: мол, это же человек разрушает природу, ее надо спасать от человека. Исходя из немецкого опыта и перспективы, как вы считаете, какие тенденции в культуре приводят к тому, что прежнее гуманистическое сознание как очевидный ориентир сменяется, мягко говоря, негуманистическим? Я пока даже не знаю, как это назвать. Может быть, «природоцентричным», антигуманистическим в том смысле, что «люди мешают, им надо уйти с этой планеты». Что в культуре толкает к этому?

А. Юсупов: Какой сложный вопрос! У меня есть три примера, точнее, три ответа. Мне кажется, у нас фаза не отката, а фрагментации происходящего. У нас одновременно разные тренды в разных частях общества. Когда вы говорите про гуманистический идеал с определенными ценностями, то ведь есть как минимум три разных «подпузыря», которые друг с другом связаны опосредованно.

Первый — христианский. Он для немецкого пацифизма принципиален. Если вы пойдете на демонстрацию, которая у многих вызывает недоумение, потому что речь идет о немедленной остановке поставок в Украину, то увидите много людей, которые пришли туда по религиозным убеждениям. Они считают, что как бы там ни было, а подливать масло в огонь — грех. Это, с их точки зрения, абсолютно гуманистическая отправная точка, вступающая в конфликт с текущим дискурсом.

Второй — прогрессивистский «левый» блок ценностей, которые давно в кризисе. Я не специалист по внутриукраинскому дискурсу, и, возможно, коллеги меня поправят, но вот когда речь заходит о деколонизации, об украинских голосах... Немецко-украинский социолог Владимир Ищенко написал статью о том, что такое украинский голос и является ли дероссификация деколонизацией. Когда придут в страну западные

Гошка Мацуга (*Goshka Macuga*). Фрагмент инсталляции проекта «Политический популизм». 2013

корпорации, не станет ли Украина одновременно с дероссификацией колонией капиталистического Запада?

В «левой» сфере — мощнейший разлом. Там есть люди, для которых самое главное — борьба с системой, а это становится все менее и менее гуманистическим подходом. Но есть и люди, которых я знаю, интеллектуалы и активисты, считающие, что «левый» гуманизм обязан задуматься о тех людях, которые платят своей жизнью за продолжение войны. Тут очень тонкая грань: это не значит, что нужно «сливать» Украину, но надо меньше врать и меньше распространять иллюзии. Цена каждого громогласного заявления, что «победа за углом», — человеческие жизни. Сами по себе громогласные заявления, учитывая реальные действия (в том числе поставки оружия), не столь уж очевидно приближают блестящую победу. Вот этот гуманистический блок, он достаточно живой и активный.

Третий блок — либеральный, который существует в Германии, и им я больше всего обеспокоен. Потому что он превращается в блок европейских некононов, неконсерваторов. Эти люди считают, что сверкающая, безупречная европейская демократия защищается от варварской волны, накатывающейся то ли из Газы, то ли с Востока, и обо всех волнах они пишут в одном тоне.

Меня оторопь берет, когда в opinion piece утверждают, что ХАМАС, Тегеран, Москва — одна лига автократии, что они скоординировали это

нападение. И что вообще Европа и Израиль — крепости, защищающиеся от антидемократического варваризма.

Война — это очень сложно, а у неоконсерватизма есть простой ответ. Простой ответ неоконсерватизма, как оригинального американского, так и этого нового, европейского, заключается в том, что военными силами и сменой режима на той стороне можно все исправить. По-моему, такая точка зрения полностью игнорирует события последних 30 лет. Действительно, были попытки такого рода, но к чему они привели, причем во всех случаях, мы знаем.

Я очень обеспокоен. Мне казалось, что Европа не слишком склонна к крайней милитаризации либерализма, но явление имеет место, причем даже среди «зеленых». «Зеленые» должны были бы быть лучшими из прогрессивных сил. Но когда они в твиттере выкладывают тортики и мемасики типа: «Классно, наконец-то мы поставляем танки!», мне становится, мягко говоря, не по себе. Надо поставять танки, но не надо делать из этого культурный хеппенинг! Дискуссий на подобную тему нет. Я вижу в этом горькую правду нашего времени.

Тоби Гати: Я американка, но мне даже приятно, что здесь не повторяют без конца, что Америка — центр мира и что все просто дышать не могут без Америки. Так думать значило бы смотреть на Европу как на ребенка, который не знает, что ему делать. И все же, какова в вашей конструкции настоящего и будущего Европы, Германии роль США?

А. Юсупов: Да, обычно мы много говорим об Америке, потому что действительно США — это помощь Украине, ядерное оружие и прочее, о чем я уже упоминал. Понятно, что у Германии не будет ядерного оружия, а французы своим не поделятся. Все это очевидные вещи.

Но главным шоком 2021 года был уход из Кабула. Тогда берлинскому истеблишменту стало наконец ясно, что по техническим причинам (самолеты не летают, недостает компетентности, нет баз, нет штаба быстрого реагирования, нет National Security Council) у Германии нет национального ответа на кризис такого масштаба!

Затем потрясение 24 февраля 2022 года, вызванное в числе прочего зависимостью от России, от российской энергетики. Сейчас, два года спустя, оказывается, что и так жить можно, хотя ценовой удар еще не пройден.

Еще одна зависимость — от экономики Китая. Российский рынок, хоть и жалко его терять, все же не принципиален. А отказаться от китайского рынка немецкая экономика просто не может.

Когда вы спрашиваете у менеджеров BASF, крупнейшего в мире немецкого химического концерна, в чем заключаются их De-risking, они отвечают: в том, что немецкая сторона удвоила инвестиции в Китай, дабы не испортить с ним отношения. А когда вы разговариваете с топовым менеджером Volkswagen, всегда надо иметь в виду, что, хотя компания

и называется Volkswagen, на самом деле у этого человека 100 тысяч сотрудников в Китае и он уже отчасти китайский менеджер, хотя сидит в Ганновере или Вольфсбурге.

Зависимость от России энергетическая, зависимость от Китая торговая, зависимость от Америки во всех стратегических и военных вопросах... Это давняя и больная тема. Поэтому я сфокусировался на конкретном сценарии, очень ограниченном: остановить российское вторжение в Балтийском регионе своими силами хотя бы на два-три дня, дальше можно будет рассчитывать на помощь США. Если это получится, значит, Европа чему-то научилась.

Ваше сравнение Европы с ребенком мне кажется точным. А кризис взросления заключается в том, что находить компромиссы, trade-off, при всех трех зависимостях, о которых я говорил, можно только очень локально, и, если всерьез, нам это не удастся.

После нападения России на Украину у многих пропали иллюзии насчет того, что с Путиным можно договариваться, что у нас налаженные бизнес-связи и т. п. Но то же самое было при избрании Трампа, хотя немцы полагали, что хорошо знают, что представляют собой Соединенные Штаты, какие там настроения. Тот же шок был с Брекзитом.

На самом деле это инфантилизация внешней политики. Она работает на стереотипах: «Америка — она всегда такая», «Лондон всегда такой», «Россия всегда такая». Феномен один и тот же.

О шоке от избрания Трампа я упомянул. А вот Байден действительно самый трансатлантический президент. Но он же — последний трансатлантический лидер. Неважно, кого изберут после него и от какой партии: такого человека, как Байден, уже не будет — с такой биографией, с таким опытом. И в Берлине это, похоже, начали понимать.

Я не хотел слишком много говорить об американцах: должны же мы хотя бы в общении друг с другом учиться говорить о самих себе. И все же еще один, последний тезис на тему об отношениях.

Если поинтересоваться биографиями представителей американской администрации, можно обнаружить, что последние 15–20 лет свою карьеру они делали там, где Америка вела войны, обычно на Ближнем Востоке. Или они были специалистами по Азии. То есть те, кому сейчас 45–50 лет, Европу не воспринимали как точку особого внимания и экспертизы — это было свойственно старшему поколению. И мы должны привыкать к мысли, что мы уже не любимый ребенок.

Поэтому наши амбиции на ближайшие пять лет — своими силами в конкретном регионе без американской помощи продержаться в случае нападения 2–3 дня. Очень скромные амбиции. И я надеюсь, что украинцы отдадут себе в этом отчет.

Большинство опрошенных в семи западных странах, включая США и Великобританию, считают, что демократические институты находятся сейчас в худшем состоянии, нежели пять лет назад, а государственная система создает благоприятные условия скорее для богатых и влиятельных, чем для обычных граждан.

Денис Яковлев, научный журналист, психолог

Примерно каждый второй недоволен тем, как работает демократия в его стране*

В онлайн-опросе, проведенном 21–30 сентября прошлого года, участвовали от 1053 избирателей в США до 5266 — в Великобритании. Примерно каждый второй недоволен тем, как работает демократия в его стране. Этот показатель выше всего в США (56%), Франции и Италии (51%). Единственной страной, где опрошенных устраивает состояние демократии, оказалась Швеция: так считают 58% опрошенных.

«Люди говорят, что экономика служит интересам обеспеченных групп населения и не работает на благо каждого гражданина страны. Так думает более двух третей опрошенных в Италии (72%), Великобритании (71%), Франции (69%), США (67%) и Хорватии (66%)», — отмечено в исследовании.

Большинство опрошенных в пяти странах — Великобритании, Хорватии, США, Франции и Италии — уверены, что государственные чиновники ставят на первое место потребности богатых и влиятельных. Вероятно, в связи с этим от 44% опрошенных в Швеции до 69% в Хорватии заявляют о необходимости радикальных перемен.

«Результаты дают довольно мрачную картину»

Данные этого опроса согласуются с результатами исследования Pew Research Center, изучавшего в 2023 году отношение к демократическим институтам почти 30 861 человек в 24 странах мира и обнаружившего только что.

«Большинство опрошенных называют представительную демократию очень хорошим способом управления своей страной, — отмечено в исследовании. — Однако с 2017 года энтузиазм в отношении этой формы правления снизился в 11 из 22 стран» (данные в США и Австралии за 2017 год не были доступны, — *Republic*).

Например, в 2017 году 54% шведов считали представительную демократию очень хорошим способом управления; сегодня такого мнения придерживается 41%. В то же время в Бразилии, Мексике и Польше поддержка представительной демократии значительно возросла.

* <https://republic.ru/posts/111683> 7 марта 2024

«[Но] общие результаты показывают довольно мрачную картину политических настроений во многих странах, — продолжают социологи. — Из 24 национальных лидеров, включенных в опрос, только десять оцениваются положительно половиной или более опрошенных. У лидеров оппозиции дела обстоят еще хуже — только шесть из них получили положительные оценки».

Самый высокий рейтинг у президента Индонезии Джоко Видодо — 89%, самый низкий — у главы Нигерии Мохаммаду Бухари (25%).

Поддержка системы управления, в которой ключевые решения принимают эксперты, а не избираемые должностные лица, с 2017 года значительно выросла в большинстве стран: в Греции с 31% до 56%, в Германии — с 44% до 61%, в Венгрии — с 68% до 80%.

Поддержка модели, когда сильный лидер может принимать решения без вмешательства судов и парламентов, выросла с 2017 года в восьми странах

Возможно, полагают ученые, этот тренд связан с пандемией COVID-19. Так, в США 59% тех, кто уверен, что чиновники министерства здравоохранения хорошо отработали во время нее, считают технократическую форму правления предпочтительной. Среди тех, кто был неудовлетворен работой государственных органов, сторонников предоставления власти экспертам всего 35%.

Исследователи отмечают еще один тревожный тренд: поддержка модели, когда сильный лидер может принимать решения без вмешательства судов и парламентов, выросла с 2017 года в восьми странах — Аргентине, Бразилии, Мексике, Кении, Индии, Южной Корее, Германии и Польше.

Почти в два раза выросло число сторонников «сильной руки» в Польше — с 15% до 25% и Мексике — с 27% до 50%, в два с половиной раза в Германии — с 6% до 16%. С 55% до критических 67% увеличилось количество таких опрошенных в Индии.

«Даже у военного правления есть свои сторонники, в том числе около трети или более населения во всех восьми странах со средним уровнем дохода. В странах с высоким уровнем дохода его приверженцев меньше, хотя 17% опрошенных в Греции, Японии и Великобритании считают, что военное правление может быть хорошей системой, и 15% придерживаются такой точки зрения в США», — замечают эксперты.

Доля опрошенных, поддерживающего хотя бы одну из этих моделей — авторитарного лидерства или военного управления, — колеблется от 8% в Швеции до 85% в Индии.

«74% опрошенных утверждают, что судьба выборных должностных лиц их не интересует».

«Одним из факторов, определяющих неудовлетворенность людей тем, как работает демократия, является убеждение, что политики оторваны от реальной жизни людей и их проблем», — так объясняют социологи из Pew Research Center неутешительные результаты опроса.

Особенно негативное впечатление выборные должностные лица вызывают в Аргентине, Греции, Нигерии, Испании и США, где по меньшей мере восемь из десяти опрошенных считают, что «им все равно».

«В эпоху Web 1.0 Дональд Трамп никогда бы не попал в Белый дом»

Справедливо ли, анализируя эти в целом неутешительные результаты, говорить о кризисе европейской модели демократии? Таких оснований нет, полагает профессор Филип Костелка из Университета Флоренции.

«Сегодня демократические режимы не разрушаются массово, как это было в 1920–1940-е годы, когда 12 из 19 европейских демократий рухнули или стали жертвой экспансии тоталитарных режимов. Напротив, европейская демократия доказала свою устойчивость перед лицом таких серьезных угроз, как пандемия COVID-19 и вторжение России в Украину», — считает он.

Но причины для беспокойства есть, продолжает он. Во многих демократических странах есть признаки эрозии демократии: успеха на выборах в Центральной и Восточной Европе добиваются политики-популисты, которые делают виновниками всех бед меньшинства, мигрантов и Брюссель, а в Венгрии и Сербии сложились политические режимы, которые являются скорее автократическими, чем демократическими.

Причину усложнения политического климата в Европе Филип Костелка видит в технологических изменениях. Сегодня маргинальные политики имеют возможность транслировать свою подстрекательскую риторику и беспрепятственно общаться с избирателями напрямую, используя соцсети.

«В эпоху Web 1.0 Дональд Трамп, вероятно, никогда бы не попал в Белый дом», — считает он.

«Будут ли 2020-е годы похожи на 1920-е? Несмотря на последние тревожные тенденции, есть основания для умеренного оптимизма. Фашизм, насильственный захват власти и откровенный авторитаризм исторически скомпрометированы. Даже такие авторитарные политики, как Виктор Орбан, изо всех сил стараются сохранить видимость законности», — уверен Филип Костелка.

«В целом есть много причин считать, что демократический стакан наполовину полон, а не наполовину пуст», — заключает он.

«Мы ошиблись»

Однако некоторые политики и ученые придерживаются гораздо более мрачного взгляда на нынешнюю ситуацию.

«Падение Берлинской стены в 1989 году было отпраздновано на Западе как победа демократии над авторитарным коммунизмом, [что привело к убеждению]: либеральная демократия является стандартной установкой для лучшей жизни», — говорит Лора Торнтон из германского Фонда Маршалла.

Ценности либеральной демократии, которые подчеркивают индивидуальные права и свободы для всех, мы считаем самоочевидными и не требующими доказательств, продолжает она.

«Но так ли это на самом деле? Сейчас этот вопрос приобретает все большее значение, поскольку либеральная демократия, особенно в Соединенных Штатах, похоже, деградирует до ожесточенной поляризации по культурным, религиозным и расовым вопросам. Люди чувствуют, что система коррумпирована, а деньги имеют слишком большое значение», — констатирует Торнтон.

По мнению нобелевского лауреата Джозефа Стиглица, профессора экономики Колумбийского университета, экономические теории, продвигаемые западными демократиями, которые являются основой гло-

По мнению нобелевского лауреата Джозефа Стиглица, экономические теории, продвигаемые западными демократиями, которые являются основой глобализации, полностью дискредитированы

бализации, полностью дискредитированы и привели к огромному неравенству.

«Мы ошиблись», — заявил он на ежегодной международной экономической конференции, проходившей в итальянском Чернобьо.

«Одно дело — обсуждать претензии Глобального Юга, развивающихся и слаборазвитых стран, которые в основном носят экономический характер, — гово-

рит немецкий экономист Гунтрам Вольф. — Но эти дебаты используются некоторыми диктаторами, которые хотят сохранить свою власть».

Авторитарные лидеры предлагают альтернативу, утверждая: более жестко контролируемая и «коммунитарная» система обеспечивает лучшее развитие с большими выгодами для простых людей, даже если их индивидуальные права и голоса отдаются в жертву некоему «коллективному благу».

«В последнее время китайцы любят утверждать, что у них даже есть своя форма демократии, при которой партия выбирает лучших лидеров и таким образом избегает ситуаций, когда страна голосует за Брекзит или выбирает Дональда Трампа», — утверждает Филипп Ле Карре, эксперт по Китаю в Asia Society Policy Institute.

Традиционные демократии, по мнению Лоры Торнтон, не внедряют инновации; они застряли в практиках вековой давности, а политические партии становятся все более непредставительными в многообразном обществе.

«Эта тема — кризис демократии — актуальна как никогда, — считает Доминик Моизи из Института Монтеня, независимого аналитического центра в Париже. — Во Франции мы поляризованы и разделены, а в Европе есть нелиберальные демократии, такие как Венгрия, Польша и Италия. В некотором смысле это пугает. Это вызов и, возможно, возможность для европейцев начать действовать. У нас нет другого выбора».

Алексей Михайлович Салмин

(18 февраля 1951, Казань, Кировская область —
8 сентября 2005, Москва)

Нас, первых слушателей Московской школы политических исследований (МШПИ), больше всего из экспертов Школы поразил политолог и социолог, профессор Алексей Михайлович Салмин. Он стоял у истоков Школы и выступал на самом первом семинаре, участником которого я был, в подмосковных «Лесных далях» в начале 1993 года. Мы собрались туда все разные — депутаты первой Госдумы, региональные политики, молодые журналисты. Мы были необычайно активны, амбициозны, политизированы и при этом *немы*. Мы плохо понимали смысл того, что рассказывали нам выдающиеся западные эксперты. В ту пору никто из нас не владел этим языком, понятиями, смыслами. Прошли годы, пока дистанция сократилась и мы смогли думать и говорить с западными политиками и интеллектуалами на одном языке.

Салмин выступал по-русски и умел при этом объяснять сложные вещи понятным языком. Он возвышался над всеми, как гора. Его знания, его научная эрудиция и масштаб мышления были громадны. С самого начала мы сравнивали его с людьми европейского Возрождения. Он и был таким.

Россия в 90-е годы строила демократию, но что мы знали о демократии?

Салмин выступал на семинарах школы много лет — до самой кончины в сентябре 2005 года. Он был членом попечительского совета МШПИ и одним из тех, кто в решающей степени определял лицо, стиль и интеллектуальный уровень Школы. В 90-е годы ни один другой российский эксперт не имел среди школьников такого авторитета и не вызывал такого огромного интереса, как Салмин. Каждое его выступление открывало перед нами новые горизонты. Он брал самые острые темы текущей политики и вводил их в глубокий контекст мировой философии, религиозной мысли, истории и культуры. Салмин был интеллектуалом мирового класса, западные эксперты Школы собирались послушать его с таким же напряженным вниманием, как и все мы.

Россия в 90-е годы строила демократию, но что мы знали о демократии? Салмин был одним из немногих российских ученых, кто понимал демократию не только инструментально, но и философски. Одна из его главных и классических книг «Современная демократия: очерки становления» (2-е, расшир. и испр. изд. М., 1997) имеет международное значение. Все 90-е годы Салмин комментировал нам реальный

опыт становления российской демократии с позиций ученого мирового класса. При этом он был не только теоретик демократии, но и ее практик. При Ельцине Салмин был авторитетным членом Президентского совета и неоднократно консультировал президента по политическим вопросам.

Салмина беспокоило будущее России. Сегодня нам стоит вернуться к его наследию

Я хорошо помню его лекции о различии политических систем, о республиканизме, о партиях и партийных системах, о различных избирательных системах. Сейчас мы освоили эти области знаний, но тогда Салмин был единственным, кто в этом по-настоящему разбирался. Салмин познакомил нас с проблематикой и идеями своего любимого Токвиля. Он показал все тонкости различий между правом, законом, легализмом и легитимностью. Он раскрывал перед нами проблематику свободы. Салмин объяснил нам, как и почему Советское государство было нелегитимным, прервавшим преемственность русской истории. Как решался вопрос восстановления легитимности, прав собственности и системы права в постнацистской Германии и посткоммунистической Восточной Европе. Он был убежден, что прочную Россию не построить, не решив всех этих вопросов у нас.

Салмин ставил на место наши мозги. Он вводил советских молодых людей с очень своеобразным и узким гуманитарным образованием в рамки классической мировой философской и общественной мысли, включая труды самых современных мыслителей. Казалось, нет ни одной важной книги ни на одном языке, которую бы он не прочел. Одной из его любимых тем был федерализм как условие сохранения свободы, разнообразия, целостности России.

Салмина беспокоило будущее России. Он видел, какой трудный путь лежит перед русской демократией. Он говорил о борьбе старых и новых институтов, о том, что старые институты (армия, церковь, бюрократия, спецслужбы, прокуратура, нереформированные суды) могут со временем поглотить и злокачественно изменить новые институты демократии (партии, парламент, местное самоуправление, свободную прессу, федерализм, права и свободы граждан, саму молодую Конституцию). Увы — так все и произошло в 2000-е годы. Сегодня нам стоит вернуться к наследию Салмина, подумать вместе с ним, что делать со всем этим дальше.

Салмин был настоящий русский интеллигент. Тонкий, мягкий, улыбочивый, много шутивший и смеявшийся. Он говорил бархатным голосом, точно и образно, всегда парадоксально, так что следить за ходом его размышлений было истинным удовольствием. Он был оратор негромкий, но захватывающий, сократовского типа. После его лекций оставалось желание думать, читать, разбираться дальше.

У Салмина была любимая жена Маша и две замечательные дочери. Когда Маша умерла от тяжелой болезни, Салмин сильно тосковал, почти всегда находился в глубокой депрессии. Я бывал у него иногда в темном кабинете в Лучниковом переулке в Москве, и мы подолгу беседовали о политике, об обществе, о книгах. Он продолжал много писать, редактировал журнал «Полития». Но после смерти жены за несколько лет тоска съела и его.

Когда я попал в первый набор МШПИ в 1993 году, я работал заместителем губернатора Алтайского края. И был тогда самым молодым вице-губернатором страны (26 лет). В декабре 1993 года я был избран депутатом первой Государственной думы от гайдаровского блока «Выбор России». Тогда же на кухне у Лены и Юры мы придумали провести семинар Школы на Алтае, а я вызвался все организовать. Летом 1995 года мы провели первый алтайский семинар Школы. Звездами-экспертами из Москвы стали Геннадий Бурбулис и Алексей Салмин, а ведущим западным мыслителем был Эрнест Геллнер. Геллнер ходил уже с палочкой. Он обходил с ее помощью берега живописного озера Ая в горах Алтая. А с Бурбулисом мы азартно гоняли в футбол по кочковатому полю соседнего пионерлагеря.

Второй семинар прошел также на озере Ая летом 1996 года. Я вновь все организовал, но сам не приехал — шла президентская кампания, Ельцин сражался с лидером коммунистов Зюгановым, а я в тот год работал в ельцинском избирательном штабе.

Времена были либеральные, и слушателями алтайской школы стали главы городских и районных администраций, депутаты алтайского крайсовета, партийные лидеры, ученые и общественники. Сейчас такое уже невозможно.

С тех пор алтайская школа стала традицией. И мы проводили в Барнауле ежегодные летние политологические конференции, вот уже 21 год без перерыва. Летний алтайский форум получил за эти годы большую известность. Алексей Салмин прилетал на Алтай почти каждый год. Как-то раз он сломал на мокрых камнях Катуня ногу, и ему пришлось возвращаться в Москву в гипсе. Московские врачи удивились — так качественно был наложен гипс в республиканской больнице Горно-Алтайска. Ничего удивительного — республика Алтай горная, и врачи накладывают гипс на сломанные конечности каждый божий день.

Школа дала жизнь долгой традиции свободных дискуссий на Алтае. Всякий раз, когда я открывал очередной политологический форум на Алтае, я напоминал участникам об этом и произносил слова благодарности Лене и Юре.

*Владимир Рыжков
24 декабря 2016 года*

*Михаил Минаков.
Постсоветский человек
и его время. Опыт
философского осмысления
постсоветской эпохи.
Рига: Школа гражданского
просвещения, 2024. – 188 с.*

Знакомим читателя с нашими свежими изданиями, публикуя аннотации и фрагменты текста, дающие представление о книгах.

Михаил Минаков **Постсоветский человек и его время.** **Опыт философского осмысления** **постсоветской эпохи**

Книга посвящена проблеме постсоветского транзита. В первой ее части автор показывает в транснациональной перспективе, какие периоды прошли постсоветские народы от рывка к свободе в 1991 году до погружения во все более кровавые конфликты к началу 2022 года. Во второй части — как социально-политические концепции детерминировали и выражали представления о том, что происходит с постсоветскими народами в этот период. В третьей части говорится о том, к чему привело политическое творчество постсоветского человека.

Заключение

Постсоветская эпоха и будущее Восточной Европы и Северной Евразии

Думаю, в этой книге мне удалось показать, что постсоветская эпоха была по-своему беспрецедентной в истории человечества. Ее уникальность состоит в том, что *революция 1991* года не только открыла возможности испытать на опыте свободу и свои творческие силы отдельным людям и разнообразным множествам стран Восточной Европы и Северной Евразии, но и не стала взимать био- и некрополитическую цену, сравнимую со «стоимостью» Гражданской войны 1917–1924 годов.

Да, нельзя забывать, что распад СССР и цезура 1989–1991 годов принесли в жертву десятки тысяч убитых, а несколько миллионов стали вынужденными мигрантами. Но нельзя забывать и о том, что выжившие получили возможности, которых были лишены их предки в начале 1920-х: для постсоветских множеств реальными стали и личная свобода, и коллективная эмансипация, и малоинвазивное государство (по крайней мере, в 1990-е), и реальная возможность нести ответственность за свою жизнь.

Постсоветский человек прожил эту эпоху, не оправдав надежд — своих собственных, своих родителей и своих современников из других частей мира. Сложно не согласиться с Владимиром Сорокиным:

постсоветский человек разочаровал больше, чем советский. Homo soveticus ужасал попытками выполнения своего утопического проекта. Постсоветские же люди разочаровали тем, что не исполнили своей исторической миссии титанического самопреодоления. И хотя лихие — а также вольные и дерзкие — 1990-е годы открывали все возможности для прорывных поступков, постсоветские люди слишком часто поддавались простым радостям приспособленчества, ужасу перед возможностями свободы, инстинктам конфликтного индивидуализма, соблазнам потребительского капитализма и искусам постмодернового декаданса. Политическое творчество в таких условиях проходило все больше рывками, непоследовательно и безыскусно, а результатами стали хрупкая свобода и эффективное подчинение. В деструктивной креативности постсоветского человека, кажется, превалировала именно авторитарная тенденция.

Оглядываясь из цезуры 2022 года, становится пронзительно ясно: постсоветские общества так и не смогли пройти путь эмансипации, вырвавшись из исторической колеи имперскости и колониальности. Россияне предали Федерацию и как идею, и как модель, и как практику. Другие постсоветские народы не смогли вырваться за пределы колониального воображения, не предъявили миру свой коллективно-жизненный набросок, предпочтя ему выбор между статусами периферии враждующих геополитических проектов.

Магистральные процессы постсоветской тетрады по большей части угасли, поскольку нараставшее между ними напряжение так и не стало источником творческой энергии для достижения транзита, его целей. Демократизация тормозила эффективность государственных институтов, а новые государства со временем стали воспринимать политические свободы граждан как вызов собственной безопасности.

Авторитарные тенденции рождались и из неудач демократических экспериментов, и из традиционных искусов подчинения. Национализация новых государств лишь на первых порах была в союзе с демократическим развитием. Жажда унификации множеств, доставшихся постсоветским левиафанам в наследство от Советского Союза, усиливала неравенство, которое порождали новые экономики. Постсоветский узел туго завязывала свобода, которая все радикальнее разрывалась между правом и коррупцией.

В клубке этих противоречий европеизация, которая какое-то время поддерживала усиление гражданских прав и свобод внутри политических систем, правовую и экономическую интеграцию, а также мир между народами региона, вскоре стала одним из факторов региональной фрагментации. Единая Большая Европа и страны, ее составляющие, прошли трагичный транзит, начинавшийся, как казалось, по оси «Дублин — Владивосток», но где-то свернувший на колею, соединяющую Ольстер и Магадан и превращающую содружество восточноевропейских народов в совражество.

История и вправду пытается учить. Но беда в том, что у нее мало учеников. В книге я отметил лишь некоторые из уроков постсоветской истории. Исследовать эту эпоху еще предстоит, причем не только из академического интереса, но и из совершенно прагматических резонансов. Ради будущего, которое неминуемо наступит после российско-украинской войны и нынешней цезуры, необходимо понять, как посадить левиафанов региона на цепь верховенства права, обеспечить стабильность политико-правовых систем с разделенной властью, минимизировать злокачественность возникших социально-экономических систем и выстроить инфраструктуру мира между народами Восточной Европы и Северной Евразии. Мы должны быть готовы проработать свое постсоветское прошлое и быть способными провести множество деконструкций — депутатизацию (как и делукашевизацию и тому подобное), денуклеаризацию, суды над военными преступниками и отказ от империализма и национализма. Новые — *постпостсоветские* — республики в новых геополитических условиях, малосвязанные с советским опытом, смогут справиться с имперско-колониальными и клановыми структурами своих систем и Жизненных миров лишь в том случае, если будут учитывать уроки постсоветской истории.

Без усвоения уроков нашей недавней истории мы обречены на вечное хождение по кругу — от революционных травм к большевицким экспериментам, к сталинским термидорам, к хрупким оттепелям, к засасывающим застоям и к новым безуспешным революциям. Это кружение подрывает и уничтожает творческие достижения. Эта абортивная реверсивность характерна для истории модерности в Восточной Европе и Северной Евразии, но ей присуща также критическая рациональность, добрая воля и гражданственная самоотверженность. И от выбора каждой человеческой экзистенции, как и кем быть, зависит то, каким будет мир нашего присутствия и становления после нынешней цезуры.

Войны больше не будет

Один «рэмбо», которого спросили, почему он бросил воевать, ответил: «Не мог одновременно носить оружие и телевизор».

Солдатская шутка времен югославской войны (с. 217)

Когда в 2004 году эта книга вышла в свет по-английски*, мир совсем не был похож на тот, в котором мы живем сегодня. Бесконечное и кровавое сражение посреди бывшего СССР в то время еще не началось, международной дипломатией занимались более или менее уравновешенные люди, а Организация Объединенных Наций активно напоминала о себе по самым разным поводам. Неудивительно, что в этом послании из прошлого сегодня обнаруживаются определенные просчеты. Говоря конкретнее, дело обстоит так: кое в чем прозрения американского политолога относительно войны в XXI веке оказались вполне точными, а в чем-то, наоборот, бесспорно ошибочными. Но, как ни удивительно, это не портит общего впечатления от чтения: произведение, переведенное спустя двадцать лет после исходной публикации, все равно остается очень и очень актуальным.

Как такое могло получиться? Чтобы разобраться в этом, нужно посмотреть на базовые тезисы Джона Мюллера. Произведя что-то вроде тотального «отжима» контента, мы получим, по сути, два системообразующих положения; остановимся на них по очереди. Во-первых, автор настаивает на том, что к началу текущего столетия война перестала быть «продолжением политики иными средствами»; иначе говоря, классические войны между nation-states утратили свою актуальность и никогда больше ее не обретут. «Война, в отличие от потребности в кислороде, пище или сексе, не является вещью, которую каким-то образом требует человеческая природа или силы истории, — говорится в книге. — Следовательно, она может стать бесполезной или исчезнуть, что, похоже, и происходит» (с. 23). Во-вторых, в многочисленных вооруженных конфликтах, которые, вопреки сказанному, продолжают на планете, по большей части тон задают криминальные элементы: «лихие людишки» разного сорта, обобщенно именуемые Мюллером «головорезами». Именно на этих ситуативно сколачиваемых бандах, а вовсе не

Мюллер Дж. Пережитки большой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2023. — 416 с.

* *Mueller John E. The Remnants of War. Cornell University Press. Ithaca, London. 2004. — 272 p.*

на регулярных армиях держится, по мнению автора, постсовременная война, что придает ей довольно необычный колорит; как раз из-за этого многие нынешние «войны низкой интенсивности едва ли получатся отличить от высокоинтенсивной преступности» (с. 61).

*Далеко не все
государственные деятели
мудры, талантливы
и человечны, чтобы уметь
эффективно договариваться
с конкурентами*

Оценивая эти базовые тезисы с дистанции в двадцать лет, приходится констатировать, что с первым из них американский ученый, похоже, все-таки поторопился. Точнее, потребность в войне, если рассуждать о мире в целом, с конца прошлого столетия действительно отходит на второй план: сегодня у государства, которое явля-

ется по-настоящему мощным и влиятельным, просто не бывает таких задач, для решения которых нельзя было бы отложить в сторону ракеты и бомбы и поискать мирный инструментарий того или иного свойства. Кстати, уже в годы холодной войны ее участники «никогда по-настоящему не рассматривали возможность прямого военного столкновения» (с. 183) — и это был несомненный прогресс в сопоставлении с первыми десятилетиями XX века, не говоря уже о предыдущих столетиях. Тем не менее сейчас, когда Берлинской стены давно уже нет, мы вдруг стали свидетелями шокирующего отката назад: в очередной раз выяснилось, что далеко не все государственные деятели, причем даже из числа возглавляющих большие государства, в достаточной мере мудры, талантливы и человечны, чтобы уметь эффективно договариваться с конкурентами. Вполне настоящее межгосударственное — и в этом смысле, вероятно, «классическое» — вооруженное противоборство, третий год сотрясающее самое сердце Европы, служит бесспорным тому подтверждением. Поэтому, нравится это кому-то или нет, говорить войне «прощай» рано: несмотря на то, что времена, в которых ее больше не будет, гипотетически вполне представимы уже сейчас, это явно не наша эпоха.

Но зато во втором из своих тезисов Мюллер не просто прав, а прав вдвойне и втройне. Действительно, главными участниками войн последнего периода во всех регионах планеты, причем независимо от того, велись ли эти войны государственными или негосударственными армиями, оказывались деклассированные и антисоциальные, если не сказать сильнее, элементы. Рассматривая различные категории подобных конфликтов: «криминальные военные действия в исполнении наемников» (Югославия, Руанда, Восточный Тимор), «криминальные военные действия в исполнении банд» (Либерия, Сьерра-Леоне, Колумбия), «гражданские войны с участием организованных сил» (Афганистан, Чечня, Шри-Ланка), Мюллер делает важный обобщающий вывод. По его мнению, «в большинстве конфликтов, которые сегодня называют войнами», участвуют преимущественно «полуорганизованные и беспринципные криминальные хищники, привлеченные или завербованные творить

насилие ради насилия и того личного и материального удовлетворения, которое насилие зачастую может обеспечить» (с. 256–257).

В начале 2000-х Джон Мюллер был уверен, что пройдет немного времени и война превратится в такой же исторический хлам, как, скажем, рабство или дуэли. Несомненно, в глубоко антагонистичных человеческих сообществах нельзя будет обойтись без гражданских войн, но, поскольку, согласно авторской установке, они ведутся в основном руками криминала, их при минимальных усилиях международного сообщества можно будет держать под контролем посредством эффективных военно-полицейских операций. В представляемой здесь книге американский политолог доказывал, что такие операции — единственная разновидность военных действий, у которой есть какое-то будущее. Разумеется, нынешний читатель не может не задать вопрос: а что, интересно, автор сказал бы нам сейчас? В своей статье, опубликованной в *Foreign Affairs* в ноябре 2022 года, Мюллер пишет: «Независимо от того, чем закончится украинский конфликт, военная спецоперация Владимира Путина, скорее всего, будет оценена историей как неудача. [...] Но в целом опыт подсказывает, что существует большая вероятность того, что Путин останется на своем посту в течение периода урегулирования конфликта на Украине и после этого. Это также предполагает, что он сможет подавить в себе любое искушение к катастрофической эскалации военных действий». Последняя фраза заслуживает особого внимания: в условиях XXI века, прозрачно намекает автор, даже несомненные автократы заинтересованы в том, чтобы войны оставались прирученными и сдерживаемыми. Так ли это на самом деле, лично я не знаю — скорее всего, истина откроется нам в ближайшие несколько месяцев. Но американского политолога можно понять и, соответственно, простить: объявляя четверть века назад о кончине войны, он был не совсем прав — и сегодня понимает это. Вместе с тем стыдить ученого за такой конфуз едва ли стоит, ведь общественно-политические науки не раз и не два демонстрировали свою печальную неспособность предвидеть не просто будущее, но даже самое ближайшее будущее. Вспомним хотя бы внезапный крах СССР в 1991-м или столь же неожиданное бегство Януковича в 2014-м — никто даже и близко не мог представить себе ни того, ни другого. И подобных примеров великое множество.

Иными словами, вместо того чтобы злорадствовать, будем хвалить: ошибившись в одном, автор угадал другое. Действительно, в вооруженных противостояниях завтрашнего дня будет все меньше высокоидейного и все больше низменно-материального. По-видимому, даже в межгосударственных столкновениях, не говоря уже о гражданских смутах, главными действующими лицами все чаще и чаще будут выступать

*В вооруженных
противостояниях завтрашнего
дня будет все меньше
высокоидейного и все больше
низменно-материального*

Васко Ташковски (Vasko Taskovski). Корабль. 2004

представители колоритного смыслового ряда, приводимого Мюллером: «головорезы, грабители, разбойники, громилы, шпана, преступники, пираты, пьяницы, наемники, воры, авантюристы, хулиганы, фанатики», то есть «лица, которые, похоже, выступают главными виновниками той разновидности насилия, что по внешним признакам напоминает войну» (с. 387). Но если на ближайшую перспективу дело будет обстоять именно так, то что же потом? А потом, конечно же — если мы доживем! — войны больше не будет.

Андрей Симбирцев

Контрапункт

Республиканский Рим и США

Интуиция подсказывает, что в 2024 году в компании людей, думающих на русском языке, лучше не упоминать о том, как много первые президенты США рассуждали о величии Рима. Такое упоминание может дорого обойтись. В лучшем случае придется уточнять, что именно ты имел в виду. Причина, как нетрудно догадаться, в пропаганде. На данный момент русским языком пользуются несколько авторитарных режимов. Такая ситуация существует уже больше ста лет, и это ожидаемо искажает восприятие реальности, в том числе и исторической. Из-за многолетних усилий агитпропа сюжет о величии Рима на русском языке прочно связан с фантазиями о так называемом Третьем Риме. В ответ на давление со стороны пропаганды в образованной русскоязычной среде считается подозрительным даже намек на положительное отношение к Риму, и особенно к его величию. Человек, упоминающий Рим без осуждения, звучит как сторонник «сильной руки» и «властной вертикали». Логично, что в 2024-м тем, кто думает на русском языке, нужны дополнительные усилия, чтобы всерьез рассмотреть сюжет об отцах-основателях и Риме.

Между тем, как пишут историки, для первых лидеров США мечты о римском величии в самом деле были важны. Гораздо важнее, чем для сторонников российского великодержавия. Для американцев и накануне, и во время, и после революции величие Рима имело значение. Письма отцов-основателей друг другу, дневники, книжные полки в личных библиотеках говорят о том, что Рим и его величие были одним из основных источников вдохновения. В их глазах само основание Штатов выглядело как долгожданное возвращение в Рим.

Отличие от российского контекста заключается в том, что американцы не интересовались величием

Максим Горюнов,
философ

императорского Рима. Американцы были за республиканский Рим, за Рим без императоров. Американцы были в ужасе от порнографических анекдотов Светония.

Американцы были за республиканский Рим, за Рим без императоров

Начиная революцию, американцы ни в коем случае не хотели оказаться в итоге в стране, где глава государства может безнаказанно объявить коня членом парламента, как это было при Калигуле. Или поджечь столицу ради создания подходящего фона для чтения поэм собственного сочинения, как в случае с Нероном. Или где глава государства считается земным божеством и в его честь строят храмы, как при Августе. Среди первых американцев накануне революции было не так много политических сумасшедших. По крайней мере, их было заметно меньше, чем в российских медиа накануне «возвращения в родную гавань».

В истории Рима американцам были интересны те четыре с половиной столетия, когда Рим был республикой, управлялся коллективно и был воплощением разумности и эффективности. Для первых американцев Рим, в который им хотелось бы вернуться, — это Рим до Цезаря. В знаменитой сцене убийства Юлия Цезаря американцы были на стороне Брута. Для них предателем был Цезарь, разрушающий республику, — перевернутый мир для ума, выросшего под непрерывным давлением тоталитарной и авторитарной пропаганды.

Победа Джорджа Вашингтона

Историк Эран Шалев в книге «Рим, возрожденный на западных берегах. Историческое воображение и создание Американской республики» (Shalev E. Rome Reborn on Western Shores: Historical Imagination and the Creation of the American Republic. Charlottesville: University of Virginia Press, 2009) с заметным увлечением описывает, как отцы-основатели США не просто хорошо знали римскую историю, но в прямом смысле жили в Риме. Книги на латыни были их ежедневным чтением, они были эмоционально вовлечены в события, от которых их отделяли по меньшей мере двадцать веков.

Так, в первые годы Штатов, когда Британская империя уже ушла, а республика еще только набирала обороты, была масса опасений по поводу тирании. Республика казалась слишком хрупкой. При неблагоприятных обстоятельствах некто коварный легко мог воспользоваться управленческим хаосом и присвоить власть себе.

Подобный сюжет был известен американцам из римской истории. Образованная публика в колониях была отлично знакома с биографией Юлия Цезаря. Кто-то читал о нем на латыни, кто-то в переводах, кто-то знал из рассказов в прессе.

Талантливый государственный деятель, удачливый полководец, обаятельный лидер. Когда Рим отказал ему в продлении его полномочий,

он взял город силой и разрушил республику. Зная о печальном римском опыте, американцы параноидально искали того, кто мог бы стать их Цезарем.

Надо заметить, что по ту сторону Атлантики, в столицах европейских империй, вариант с Цезарем считался наиболее вероятным. Колониям удалось выиграть Войну за независимость, и это, безусловно, кое-что говорило об их умении решать сложные задачи.

С другой стороны, история войн полна неожиданных побед. Успех американцев мог быть случайностью, результатом редкого стечения обстоятельств. При этом история перезапуска общества — задача совсем другого уровня сложности. Выйдя из состава империи, возродить республиканский Рим — эта задача звучала, скорее, как фантазия, и притом довольно незрелая. Для многих проект республики выглядел как прямой путь к катастрофе, и появление на сцене Цезаря казалось чем-то предопределенным.

Считая появление Цезаря самой большой опасностью, политические оппоненты в Штатах довольно скоро начали обвинять друг друга в юлианских планах. По мнению одних, наиболее вероятным кандидатом в американские Цезари мог быть первый министр финансов Александр Гамильтон. Его решительность, его острый ум, его открытые симпатии к устройству британских институций и его амбициозность регулярно давали повод к таким подозрениям. Будущий третий президент Томас Джефферсон рассказывал своим сторонникам историю о том, как Гамильтон, увидев на стене его кабинета портреты трех философов — Бэкона, Ньютона и Локка, — спросил, почему именно они. В ответ на объяснения Гамильтон уверенно заявил, что, с его точки зрения, самым выдающимся персонажем прошлого был Юлий Цезарь. Для Джефферсона это был шокирующий тезис, который мог выдвинуть только тот, кто не любит республику. Будущий второй президент Джон Адамс, будучи на порядок менее изысканным и тактичным, публично называл Гамильтона сторонником Цезаря, не ссылаясь ни на какие истории. Адамс считал очевидными намерение Гамильтона превратить молодую республику в тиранию. По его мнению, чтобы спасти Штаты от угрозы, срочно нужен был американский Брут. Когда Гамильтон был убит на дуэли, Адамс написал, что это было убийство Цезаря до того, как тот принял решение захватить власть и перешел Рубикон.

Возможно, самое интересное здесь в том, что Гамильтон с не меньшей настойчивостью обвинял своих оппонентов в симпатиях к Цезарю. На взгляд Гамильтона, особенно явными были намерения со стороны Джефферсона и его помощника Аарона Бёрра (Burr). Гамильтон утверждал, что Джефферсон так много говорит и пишет о республике для того, чтобы скрыть свои истинные намерения, вполне тиранические. Что касается Бёрра, то его Гамильтон называл зародышем Цезаря, которому нужно время, чтобы развиться в настоящую угрозу для прав

и свобод. Как ни странно, Гамильтон был убит на дуэли именно Бёрром. Трудно понять, кто из них в самом деле собирался стать американским Цезарем, но известно, что впоследствии Бёрр был арестован. Причиной ареста стало подозрение в попытке создать свое государство на территориях нынешнего Техаса.

Кроме поисков американского Юлия Цезаря, были поиски американского Луция Цинцинната. Этот персонаж вряд ли известен широкому российскому читателю. Кажется, о нем ничего нет в российской школьной программе. Впрочем, российский зритель наверняка знает о фильме Ридли Скотта «Гладиатор», главный герой которого воплощает гражданские и воинские доблести Цинцинната.

Согласно канону, он был полководцем и дважды получал от сената диктаторские полномочия, чтобы спасти республику. Оба раза у него получилось: сначала он спас Рим от буйных соседей, потом — от алчного узурпатора. Самое важное заключается в том, что он дважды добровольно снимал с себя диктаторские полномочия, когда понимал, что его миссия выполнена.

В отличие от многих прочих (и от Цезаря, в частности), он, празднуя очередную победу, думал не о захвате власти, а о том, как бы скорее вернуться домой, к семье, к своим полям и виноградникам. В фильме Ридли

*Чтобы избежать
соскальзывания
в беззаконие,
американцам нужны
были политики, для
которых важны
римские добродетели*

Скотта главный герой в финале погибает, и это сильное упрощение. Доблесть Цинцинната была именно в том, что он, будучи здоровым и имея возможность подчинить себе Рим, возвращается к своей семье. Являя собой образец гражданской добродетели, он сам, без принуждения извне, подчинил себя республиканской дисциплине. И, вернувшись, он ни капли не сожалел о принятом решении, не искал способа отыграть назад, но с радостью погрузился в семейные и хозяйственные заботы.

Безусловно, эффектный финал фильма затемняет мораль истории, делая ее доступной только для тех, кто уже знаком с американским пониманием его поступков.

В первые десятилетия американского эксперимента этот сюжет обсуждался особенно остро. Восемь лет войны и связанных с нею лишений легко могли закончиться тиранией — возможно, даже худшей, чем та, что была под рукой Лондона. Чтобы избежать соскальзывания в беззаконие, американцам нужны были политики, для которых важны римские добродетели. Нужны были те, кто, имея в своем распоряжении армию и средства, будучи победителем, зная о любви публики к себе, способен преодолеть искушение властью.

Самым очевидным из американских претендентов на роль Цинцинната был Джордж Вашингтон. Под его началом тринадцать колоний, расположенных на краю света, совершили невозможное — победили

Британскую империю. Его любила армия. Его эмоциональная устойчивость помогла пережить поражения. Он возглавлял парад в Нью-Йорке, из порта которого только что ушел последний британский военный корабль. У него были все возможности стать Цезарем. К счастью для республики, у Вашингтона были иные предпочтения. Как только закончилась война, он без напоминаний и двусмысленных пауз ушел в отставку. Сознательно подражая римлянину, он демонстративно уехал к себе, в свою любимую глушь, шаг за шагом повторяя известный сюжет. Нельзя сказать, что в этом добровольном уходе совсем не было игры. На всякий случай, чтобы избежать недопонимания со стороны публики, перед отъездом он стал президентом общества имени Луция Цинцинната. Вступить в общество могли офицеры, участвовавшие в Войне за независимость.

Вашингтон в итоге, конечно, стал президентом, но через долгих шесть лет. И не совсем по своей воле, а как бы в ответ на призывы республики.

После двух сроков Вашингтон снова повторяет римский сюжет, отказываясь продлевать свои полномочия. Предложения такого рода у него имелись. Аргументы в пользу нарушения закона были весомыми. Добившись независимости, юная республика в мгновение ока разделилась на партии. То, как на практике выглядели их дебаты, пугало даже самых опытных наблюдателей. Партии вели себя, мягко говоря, крайне невежливо. В моменты, когда страсти особенно накалялись, было ощущение, что порядок в стране держится только на общем уважении к человеку, который добыл победу. Вашингтону благодаря его авторитету раз за разом удавалось смягчать яростную взаимную неприязнь партий. Что станет с республикой, если такой человек уйдет? Опасения были настолько сильными, что существовало даже намерение сделать его королем. И тем не менее Вашингтон отказывается от всех предложений, отмечает аргументы и подчиняется правилам. В обоих случаях — и после победы в войне, и после истечения президентских полномочий — он возвращается к себе домой, к своей семье и к своим полям.

Каждое из этих возвращений приветствовалось и в печати, и в личной переписке именно как шаг, который уравнивает Вашингтона с Луцием Цинциннатом. Даже его оппоненты не решались оспаривать это сравнение — разве что он не ходил за плугом, как Цинциннат: согласно легенде, послы из Рима прибыли во время пахоты и застали того в поле. Вашингтон, конечно, любил садоводство и огородничество и, к слову, разбил на своей земле внушительных размеров парк по последней моде. Но он не пахал, и это было, пожалуй, самое большое несовпадение с образцом.

*Первый президент США
был далеко не единственным
американцем, публично
подражавшим римлянину*

Нужно иметь в виду, что первый президент США был далеко не единственным американцем, публично подражавшим римлянину. Каждый отец-основатель, удаляясь на покой, писал своим близким, что делает это с мыслью о Цинциннате. Второй президент Джон Адамс, проиграв перевыборы, писал, что не жалеет о случившемся и, следуя римскому примеру, удаляется от политики с радостью. Его тогдашний соперник Томас Джефферсон, вернувшись домой после окончания второго президентского срока, писал, что вот теперь-то он никуда не уедет от своих книг и садов. Фигуры второго плана вели себя схоже. Губернатор Нью-Йорка Джон Джей, будучи назначенным сенатом на должность главного судьи, отказался от поста и уехал к себе, таким образом заслужив прозвище «Цинциннат Нью-Йорка».

И это не было особенностью только отцов-основателей. В восемнадцатом веке Рим и латынь были гораздо ближе обитателям американских колоний, чем нам сегодня. Все дело в том, как выглядело образование в то время. Первые американцы так хорошо разбирались в истории Рима, потому что это и было целью образования.

В наше время глубокое знакомство с латынью и греческим малодоступно. В Москве, например, не так просто найти среду, где латынь и греческий в самом деле используются. Если не брать в расчет филологические факультеты и, возможно, Литературный институт, то, в общем, места для латыни в Москве нет. Особенно его нет в так называемых коридорах власти. По московским меркам иметь свое собрание книг с текстами на латыни и греческом — это малопонятная роскошь, а сюжеты из жизни римских сенаторов и афинских философов — нечто несущественное. Трудно вообразить обычный текст в большом федеральном медиа со ссылками на сюжеты из выступлений Цицерона.

В восемнадцатом веке ситуация была абсолютно другой. В пространстве между Лондоном, Парижем и Филадельфией латынь и греческий были неизбежны. Во многих дисциплинах — если не сказать во всех — лучшее знание было на латыни и на греческом. Выучив латынь, человек получал доступ к наиболее эффективному пониманию себя и мира. Именно свободное чтение римских и греческих авторов на их языках отличало человека с образованием от человека без оногo. Примерно так в наши дни люди учат английский и с недавних пор китайский.

Американские женщины

О том, насколько глубоко Рим пустил корни в умах американцев, можно судить, например, по женам отцов-основателей. В книге Каролины Уинтерер «Зеркало древности. Американские женщины и классическая традиция, 1750–1900» (Winterer C. *The Mirror of Antiquity: American Women and the Classical Tradition, 1750–1900*. Ithaca, London: Cornell University Press, 2007) содержится много примеров того, как сюжеты из далекого римского прошлого предоставляли женщинам возможность

найти смысл в происходящем. В начале своего труда она оговаривается, что в целом мир классического образования был лишь частично доступен для американских женщин. Некоторые протестантские церкви считали важным дать девочкам образование не хуже, чем у мальчиков. Но в основном образование ограничивалось чтением, письмом и счетом. Только те, кому повезло родиться в зажиточной семье, могли рассчитывать на домашнее обучение и доступ к домашней библиотеке. Образование за пределами дома было вряд ли возможно. Тем не менее, как пишет автор, даже такой ограниченный доступ к знанию имел впечатляющие последствия.

Эбигейл Адамс, жена второго президента Джона Адамса, была влюблена в античность. Ее образование было полностью домашним и сильно уступало образованию мужа, однако, несмотря на разницу стартовых условий, ее любознатель-

Эбигейл Адамс, жена второго президента Джона Адамса, была влюблена в античность

ность и привычка к чтению позволили ей приобрести значительную эрудицию. Семейная переписка Адамсов — это сотни и сотни писем. Если убрать различие в способах передачи сообщений, их отношения были очень похожи на современные. Они писали друг другу практически каждый день и в переписке были абсолютно на равных, что тогда было не совсем обычно.

С началом революции Эбигейл оказалась в сложном положении. Ее супруг был одним из самых заметных лидеров революции. Эбигейл поддерживала мужа, но давление обстоятельств было запредельным. Участие в революции ставило под угрозу его жизнь и благополучие семьи. Возможно даже, оно могло поставить под удар благополучие родственников и знакомых.

Ко всему прочему, нужно учесть, что открытый конфликт с королем требовал значительных моральных усилий. В восемнадцатом веке верность королю все еще была важной частью воспитания. Переступить через эту верность было не так просто. В попытке расставить все на свои места Эбигейл искала ответы в истории Рима. Найденное ею решение было в духе американских симпатий к Риму. В письмах мужу Эбигейл сменила имя на псевдоним из римского прошлого. В переписке ее звали Порция — имя жены Брута, одного из организаторов заговора против Цезаря, созданного с целью вернуть Риму республику. Для Эбигейл американская революция была повторением одной из римских войн граждан против тирана. Благодаря этой параллели она могла искать ответы на свои вопросы в поступках жены Брута и копировать ее удачные ходы.

Надо отметить, Джон Адамс тактично избегал сравнения себя с Брутом. Известный своей избыточной полнотой и мягкотелой округлостью, он не был похож на жилистого римлянина. Адамсу были ближе античные ораторы и законодатели, люди большого ума и не совсем атлетической плоти.

Гилберт Стюарт. Портрет Эбигейл Адамс. 1810–1815

Джон Синглтон Копли. Портрет Мерси Отис Уоррен. 1763

У писательницы Мерси Отис Уоррен, близкой подруги Эбигейл, ситуация была схожая. Ее муж и отец были на стороне республики. Муж исполнял обязанности генерального казначея армии Штатов. Отец, будучи судьей, постоянно спорил с представителями британской администрации и отказался выполнять постановления британского парламента о новых налогах. Как пишут биографы, она выросла в семье, где идеи республики обсуждались непрерывно. В их доме часто собирались люди, чьи взгляды на будущее политическое устройство колоний были вызывающе радикальными по меркам Лондона.

Переписка Мерси с Эбигейл в годы революции и Войны за независимость выглядела как переписка римских матрон

Как и Эбигейл, Мерси активно использовала в переписке псевдонимы. Если Эбигейл выбрала себе имя жены Брута, то Мерси взяла себе псевдоним Марция — имя жены Катона Младшего, известного защитника Рима от тиранов. Катон был старше Брута, был против тирана Катилины (пред-

шественника Цезаря), с которым республика успешно справилась.

Первый раз Мерси использует псевдоним Марция в 1775 году в письме мужу. Следующим адресатом Марции стала Эбигейл Адамс. Переписка Мерси с Эбигейл в годы революции и Войны за независимость выглядела как переписка римских матрон: Марция и Порция, чьи мужья воюют с тираном, поддерживают друг друга, дабы не пасть духом и сохранить надежду.

Учитывая, что и мужьям, и матронам удалось вернуть Рим, было бы неплохо попробовать повторить их опыт. По крайней мере, купить себе том Тита Ливия и начать читать. Хотя бы по странице в день.

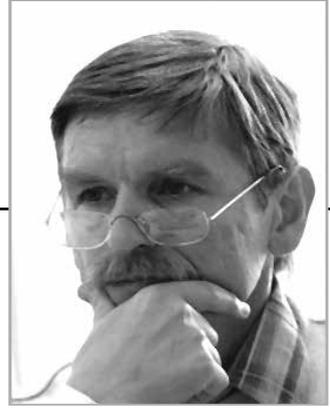
В конце 2023 г. вышел в свет номер польского журнала *Studia z Historii Filozofii*, посвященный теме «Власть как предмет русской философии и религиозной мысли». Причиной его издания, по словам главного редактора журнала Катажины Красуцкой, является вторжение России в Украину.

Мы ожидаем, пишет она, что проницательный читатель воспримет этот номер как непростую попытку описать и рационализировать проблемы, вызванные современными событиями, учитывая при этом отсутствие исторической и исследовательской дистанции от российской агрессии против Украины. И выражаем надежду спровоцировать размышление над чрезвычайно важным вопросом о соотношении философии и политики. А именно — об угрозе ограничения свободы философской рефлексии историческими и политическими контекстами драматической реальности.

*Предисловие к «русскому» номеру журнала Studia z Historii Filozofii**

После 24 февраля 2022 года говорить о русской философии стало трудно, а иногда и вовсе невозможно. Впрочем, смотря как говорить. Гораздо легче стало ее обвинять и отбрасывать, включать процедуру «отмены» и нарочито не замечать ее существования. С не меньшей легкостью русская философия превращается сегодня в новую идеологему, становится символом мировоззренческой борьбы с Западом (и победы над ним!), трансформируется в некую фундаментальную духовную «скрепу», не только сливающую народ единым перед лицом врага, но и содержащую ответы на все возможные вопросы духовного, а главное — социально-политического бытия¹. Но вот говорить об этом феномене с позиций историко-философской науки, т.е. с позиций объективной, непредубежденной критики, стало крайне трудно.

С другой стороны, дискуссии о характере и значении русской философии, включая вопросы о том, насколько она является философией или насколько она является русской², начались вовсе не сейчас, а продолжают уже десятилетиями. И нынешние

*Геннадий Аляев,
доктор философских наук*

* *Power as an Object of Russian Philosophy and Religious Thought*. 2023. No. 3(14). <https://apcz.umk.pl/szhf/issue/view/2704>

события — если отвлечься на минуту от всего трагизма происходящего — могут стать в некотором роде толчком к переосмыслению исходных тезисов этих дискуссий. Они могут начать новый этап познания русской философии как историко-философского явления, то есть как

Война провоцирует радикальные ответы на вопросы, как она стала возможной и несет ли русская философия ответственность за нее

определения ее подлинных и признанных, а не самопровозглашенных достижений и открытий, так и выявления ее слабостей, вторичности и несамостоятельности. Конечно, война провоцирует радикальные ответы на возникающие при таком переосмыслении вопросы. Поскольку нельзя уже будет исследовать этот феномен без оглядки на факт этой

страшной войны, отвечая на вопросы, как она стала возможной и несет ли русская философия (и шире — русская культура) какую-то ответственность за нее.

Но наряду с дискурсом о возможной ответственности имеет право быть и другой дискурс — о тех предсказаниях и предупреждениях, попытках направить ход событий в иное русло или хотя бы наметить вехи иных путей, что также имело место в русской философии.

П. Чаадаев и А. Герцен, Ф. Достоевский и В. Соловьев — это, конечно, неполный перечень тех, кого можно отнести к «духам пророческого типа», которые «чуяли грядущее» в его общем духовном существе, а потому остаются духовными наставниками и позднейших поколений³. Можно сказать, однако, что, судя по реальному ходу истории, этот пророчество не выполнил своей исторической задачи, поскольку не предотвратил тех многочисленных катастроф, которые постигли Россию в XX, а теперь уже и в XXI веке. Но когда и где ценились пророки в своем отечестве? В любом случае этот дискурс может быть разговором о слабости (в смысле практического успеха), но не о злом умысле. Именно об этом идет речь на страницах представляемого выпуска журнала.

Отметим прежде всего статью Марии Прецишевской (Maria M. Przewciszewska). Она начинает свои размышления с указания на факт раскола интеллигенции в современной России: одни протестуют против войны и уезжают из страны, поскольку не могут смириться с существующим политическим режимом; другие оправдывают войну и поддерживают действия властей, направленные на установление жесткого авторитарного режима, или по крайней мере пассивно покоряются этим действиям. Чтобы понять природу этого раскола, Прецишевская предлагает перечитать знаменитые сборники «Вехи» и «Из глубины», сохраняющие свою актуальность и сегодня. Более ста лет назад «Вехи» критиковали русскую интеллигенцию за нигилизм в отношении права и государства — за то, что она «не интересовалась правом, критикуя его инструментальное использование государственной властью, но в то же время превознося “право народа” на безграничную власть»

(Б. Кистяковский). В результате, как утверждали авторы сборника «Из глубины», «именно несоблюдение закона стало главной причиной исчезновения российской государственности». В этом контексте сборники начала XX столетия оказываются очень актуальными, поскольку, «как и во времена революционного хаоса, часть современной российской интеллигенции также с недоверием относится к праву, как гражданскому, так и международному, воспринимая его просто как инструмент западного господства». Другая часть готова по примеру авторов «Вех», которые противостояли революционной анархии, выступить с осуждением российской агрессии против Украины⁴.

Однако это, к сожалению, пока меньшая часть, и такие выступления, как справедливо считает автор статьи, «не могут рассматриваться как голосование всей российской интеллектуальной элиты против власти».

Одним из авторов сборников «Вехи» и «Из глубины» был Семен Франк (его статья *De profundis*, собственно, дала название второму сборнику). Предметом моего исследования в этом номере является концепция демократии Франка, которая рассматривается в контексте его духовной эволюции как составная часть социально-политической философии либерального консерватизма и христианского реализма.

Тематически близкой к этой статье является статья Марека Едлинского (Marek Jedliński), в которой рассмотрена концепция демократии другого известного русского философа, также автора сборников «Вехи» и «Из глубины», Николая Бердяева. Точнее говоря, Едлинский представляет «размышления Бердяева о демократии», которые демонстрируют «его неприятие демократии» и «антидемократический стиль аргументации». Автор акцентирует внимание на характерном для мировоззрения Бердяева противопоставлении духовного аристократизма и демократического эгалитаризма. Согласно русскому философу, только духовному аристократизму присущи красота, творчество и свобода человека, в то время как демократия убивает все это, т.е. саму человеческую личность. По Бердяеву, «либерально-демократическая идеология игнорирует глубину человеческой личности, является абсолютно неэкзистенциальной».

Можно добавить, что в противопоставлении аристократизма эгалитаризму есть определенное внешнее сходство между взглядами Бердяева и Франка; их взгляды перекликаются также с идеями Константина Леонтьева о «цветущей сложности» и «вторичном смесительном упрощении». Однако у Франка идея демократии при этом не отбрасывается как таковая, а вписывается в сложную онтологическую конструкцию общества в качестве идеи «служения всех» (см. статью Аляева в том же номере журнала). У Бердяева же «метафизика демократизма» более однозначно и прямолинейно противопоставляется аристократизму и персонализму. В результате мы находим у двух философов существенно различные — при внешнем сходстве — концепции демократии. Это

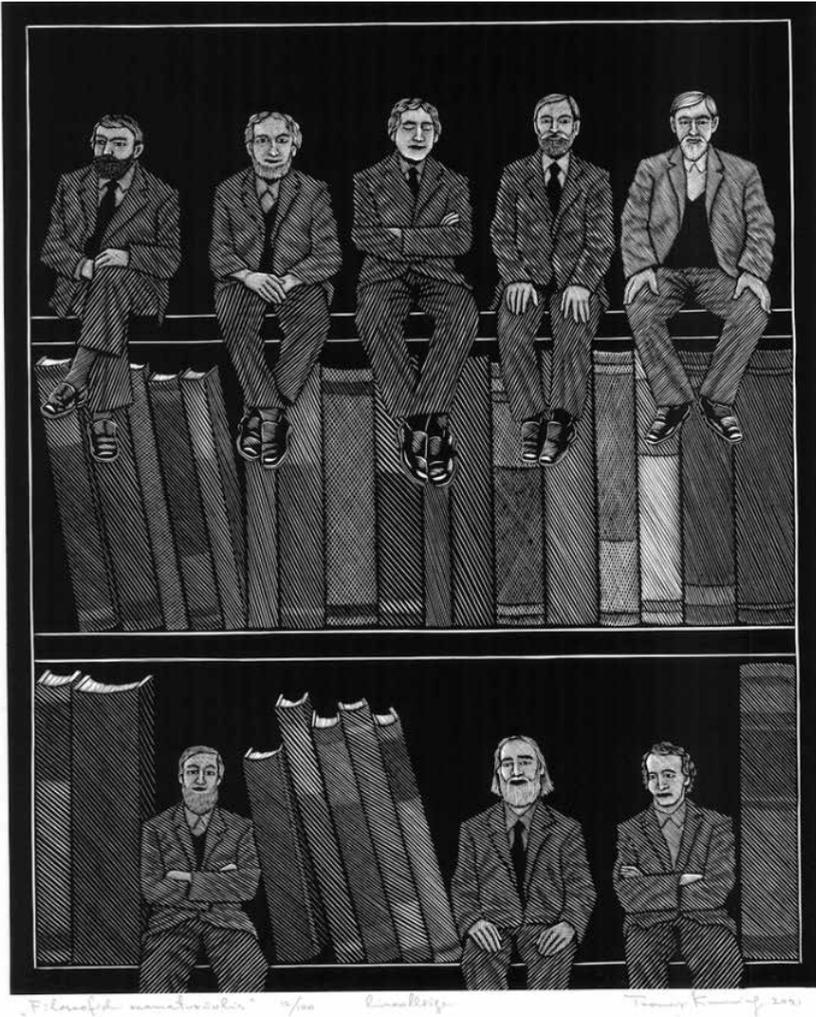
различие было обусловлено их разными метафизическими позициями. В частной переписке Франк писал Бердяеву, что, с одной стороны, он также считает, что «творчество и свобода первичнее и глубже всякого готового бытия». Но, с другой стороны, Франк выступал против «беспочвенности», бунтарства и индивидуализма и пояснял, что «творческий личный дух мыслим для меня только как исконный член царства духов, что предполагает также подчиненность его неким общим божественным нормам бытия»⁵.

Возвращаясь к статье Марека Едлинского, отметим, что автор считает Бердяева «типичным представителем традиционалистской мысли XX века», сравнивая его взгляды со взглядами Рене Генона и Юлиуса Эволя. Едлинский находит много параллелей или даже совпадений в высказываниях русского философа и представителей «романского традиционализма», в их критике и даже осуждении демократии. В конечном счете Бердяев, как утверждает автор статьи, «считал демократию проявлением метафизического зла». Этот вывод, очевидно, определяет оценку политической философии Бердяева и ее позиционирование «в контексте современной российской войны против демократии». И хотя Едлинский заявляет в самом начале статьи, что он не будет «проводить простую аналогию между взглядами на демократию русских мыслителей (представителей русского религиозно-философского ренессанса) и антидемократическими установками современных российских политиков», содержание его статьи, скорее, обосновывает эту аналогию.

Взгляды Николая Бердяева — в сочетании с идеями Федора Достоевского — являются также предметом статьи Халины Рарот (Halina Rarot). Автор рассматривает идеи этих мыслителей в контексте «вопроса о культурных истоках декларируемой идеологии, реализующей национальную идею (идею патриотизма), направляющую нападение России на Украину».

При этом автор выступает против «популярной позиции», которая склонна усматривать прямую связь между идеями Достоевского, Льва Толстого и русских религиозных философов начала XX века, с одной стороны, и тем обоснованием идеи «Великой (и авторитарной) России», на которое сегодня «опирается президент России Владимир Путин», — с другой. Обосновывая свою точку зрения, Халина Рарот анализирует «некий идейный раскол», который обнаруживается в произведениях Достоевского, а именно, в отличии идейного наполнения его публицистических произведений и дневников от больших романов.

Автор статьи приводит три известных в критической литературе объяснения этого «раскола» и отдает предпочтение третьему, согласно которому можно «увидеть в раздвоенном мировоззрении Достоевского сугубо русское бинарное мышление, постоянно балансирующее между этими полюсами/позициями, в данном случае между симпатией к анархизму и симпатией к авторитаризму».

Тоомас Куусинг (Toomas Kuusing). Философы на книжной полке. 2021

В центре внимания автора статьи — не столько чисто политические предпочтения русских мыслителей (например, антидемократизм или склонность к авторитаризму), сколько их религиозно-эсхатологические ожидания. Отношение к политике и государству с точки зрения этих эсхатологических ожиданий может колебаться в интервале между программой теократической утопии и радикально-анархическим отрицанием государства. Если в отношении Достоевского речь идет об «идейном расколе» и раздвоенности мировоззрения, то у Бердяева автор статьи фиксирует такие колебания в процессе его творческой эволюции.

При этом нужно отметить, что Халина Рарот не склонна обвинять этих мыслителей в крайностях утопизма, ведущего в итоге к той или иной форме земной теократии («ни Достоевский, ни Бердяев не могут

быть обвинены в построении идеи великой православной России с авторитарным режимом власти»). Однако в итоге оказывается, что они проповедовали — либо одновременно, либо в разные периоды своего творчества — различные, подчас противоположные идеи. Природа этого «бинарного мышления» остается в статье не выясненной до конца. Похоже, Халина Рарот склонна считать такое мышление характерной особенностью русского менталитета. Но почему, например, не попытаться увидеть за внешне противоречивой формой отдельных идей ту

Разговор о русской философии продолжается. Он становится более критичным, а иногда и жестким

глубину содержания, в которой противоположности сходятся или сочетаются согласно принципу *coincidentia oppositorum*?

В статье Анджея Островского (Andrzej Ostrowski) проблема взаимоотношений личности, государства и церкви рассматривается на примере взглядов еще одного русского

философа — Льва Карсавина. Точнее, единственным текстом, который анализируется в этой статье, является брошюра Карсавина «Церковь, личность и государство»⁷, но основной вопрос, интересующий Островского, — это вопрос об отношении русского философа к войне. Автор считает, что у Карсавина «можно говорить об особой оригинальности рассуждений на эту тему», то есть тему войны, В то же время автор ставит своей целью «обратить внимание и на те следствия, которые вытекают из размышлений Карсавина», в том числе относительно войны.

Иными словами, изначально у читателя статьи может возникнуть недоумение относительно того, является ли тезис о неизбежности войны, который обсуждает автор статьи, собственным, «оригинальным» тезисом Карсавина, или он является лишь возможной интерпретацией его размышлений.

В итоге приходится признать, что интерпретация исследователя в данном случае преобладает. Слова Карсавина о том, что государство «вынуждено воевать даже тогда, когда стремится к осуществлению самых законных и правильных целей», интерпретируются как возможность «оправдать любую войну», поскольку государству «достаточно сослаться на установленный закон и его цели, которые с точки зрения так называемого государственного смысла всегда будут правильными». Ведение войны оказывается не просто обязанностью, но священной обязанностью государства. Обращая «внимание на то, чего Карсавин не сказал», автор статьи размышляет над вопросом: на ком, по Карсавину, лежит ответственность за войну? К сожалению, Островский пропускает слова русского философа о том, что если и можно говорить об эмпирической неизбежности войны, то никак нельзя нравственно оправдывать войну. Война не имеет нравственного оправдания даже тогда, когда воюющий сражается за дело, почитаемое им правым: во-первых, грешный человек и грешное государство не могут, наверное, знать, что они правы,

а во-вторых, даже если дело и правое, грешные средства безгрешными от этого не делаются⁸. Вряд ли эта аргументация Карсавина может быть интерпретирована как возможность «оправдать любую войну».

А что же Православная Церковь? Автор статьи усматривает противоречия в высказываниях Карсавина об отношении Церкви к войне. По мнению Островского, русский философ слишком легко преодолевает эти противоречия и утверждает: «Истина Православной Церкви Христовой абсолютна, поэтому она благословляет только тех, кто воюет от имени государства, чьи законы, цели и обоснования соответствуют этой Истине».

Такое утверждение, пожалуй, было бы вполне совместимо с нравственным оправданием войны во имя какой-либо государственной идеи. Однако такого утверждения у Карсавина нет. Согласно Карсавину, Церковь благословляет воина, ибо он стремится к добру, когда хочет защищать своих братьев и благо своего отечества, и совершает великое добро, когда жертвует своею жизнью. Но эмпирический факт убийства врагов от этого не перестает быть грехом, и Церковь не называет этот грех добром. Не выступая с прямым осуждением войны, Церковь молится об осуществлении Божьей Правды, а не об эмпирическом одолении противника. Эта Правда связана не с военной победой, а с одолением единственного врага христиан — зла, поэтому Божья Правда может быть достигнута даже в поражении государства, начавшего войну⁹.

Эти рассуждения русского философа, однако, не очень убеждают автора статьи — он пишет, что «в данном случае Карсавин не учитывал национальные православные церкви, которые молятся о победе своих стран». Карсавин действительно «не учитывал» таких молитв, которые, по его словам, «вообще не имеют никакого значения», т.е. являются уже не молитвой Церкви, а лишь словами, сказанными под диктовку государства. Здесь, собственно, речь идет уже не о диалектике «внутренней» и «внешней» Церкви (автор статьи отражает это различие в написании с заглавной или строчной буквы — *Orthodox Church* и *orthodox church*), а о полном подчинении церковной организации государству, о нравственной дискредитации конкретной церковной иерархии. Очевидно, что с такой возможностью Карсавин не мог не считаться¹⁰, поэтому по пунктам выписал условия независимости Церкви от государства, от исполнения которых зависит приближение к идеалу симфонии в их взаимоотношениях.

Разговор о русской философии продолжается. Он неизбежно приобретает новые акценты и затрагивает новые темы. Он становится более критичным, а иногда и жестким. Важно, чтобы при этом он не становился поверхностным, а, наоборот, позволял приблизиться к необходимой глубине понимания.

¹ Ярким примером в этом отношении является периодически возобновляющаяся работа Большого философского собора.

² Я имею в виду известное замечание В. Соловьева о русских философских трудах: «Все философское в них вовсе не русское, а что в них есть русского, то ничуть не похоже на философию, а иногда и совсем ни на что не похоже».

³ Так писал С. Франк о В. Соловьеве. См.: *A Solovyov Anthology / Translated from Russian by N. Duddington; S. L. Frank (ed.)*. London: SCM Press, 1950. P. 28.

⁴ Кроме упомянутых автором коллективных писем, появившихся в начале войны, стоит назвать здесь сборник статей «Перед лицом катастрофы», недавно опубликованный под редакцией Николая Плотникова в Германии. См. также рецензию на этот сборник «Мы в самом деле переживаем новый этап в мировой истории», опубликованную в интернет-издании T-Invariant в рубрике «Философы и социологи — о войне» (<https://www.t-invariant.org/2023/06/soyuz-tirana-s-sofistom-zhdut-tyazhelye-vremena-filosofy-i-sotsiologi-o-vojne/>).

⁵ С. Л. Франк — Н. А. Бердяеву. 6 декабря 1946 // В. А. Nikolai Aleksandrovich Berdiaev Letters. Series I: Correspondence. Box 1. Frank, Semen Liudvigovich.

⁶ Напомню, что в качестве русского традиционалиста позиционирует себя и ведущий идеолог нынешней войны Александр Дугин, который посвятил свою последнюю книгу политическому традиционализму Юлиуса Эвола.

⁷ Которую автор статьи почему-то называет диссертацией. Остается сожалеть, что круг источников данного исследования оказался слишком узким.

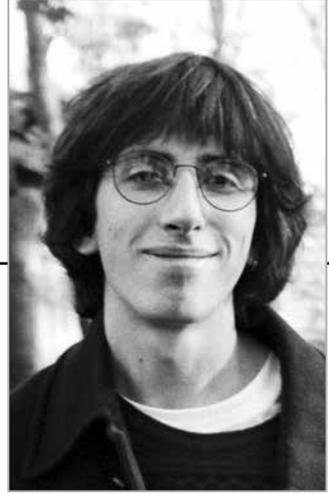
⁸ См.: *Карсавин Л. П. Церковь, личность и государство* // Л. П. Карсавин. Малые сочинения. СПб.: Алетейя, 1994. С. 426.

⁹ Там же.

¹⁰ Задачей его текста было, однако, не обличение конкретных случаев такой дискредитации, а изложение православного учения по этому вопросу.

Василий Чернышев

Из стихов, написанных вдали

Василий Чернышев

Василий Чернышев родился в 2001 году в Москве. Поступил на химический факультет, потом на факультет журналистики в МГУ им. Ломоносова. Первые опыты в литературе — с 16 лет. Осенью 2019 года Чернышев впервые участвовал в Московском поэтическом слэме, одном из главных конкурсов андеграундной поэзии, и вышел в финал. Публиковался в альманахе «Словесность», газете «МОЛ», в журнале «Literramura» и других изданиях. До вынужденного отъезда за границу был председателем московской секции поэтов Союза литераторов России. С началом войны уехал в Польшу, поступил в Ягеллонский университет на кафедру японистики. Позже напишет, что эмиграция не похожа на туризм, эмиграция — это сотрясение мозга.

* * *

Между нами кордоны и снег:
ты не путай туризм и побег.
как ты там, голубая Мальвина?
дремлет в сумерках древний Казбек.

прячу паспорт на дно рюкзака,
я без родины, без языка
и пытаюсь на скверном английском
у грузина купить табака.

* * *

я думал, что бомбы навечно
разделят меня с москвой,
но на сухаревской чебуречная
открыта, где мы ели с тобой.

дом остался на том же месте,
и открыта дверь на чердак.
я иду по заснеженной жести,
но я знаю, что это не так.

беспилотник, целуй меня в губы!
преврати меня в звездную пыль.
мне приснится твой голос полярный
и доверчивый пес-поводырь.

оставайся там, белая девочка,
замерзай под неправильным льдом.
это все не имело значения
и не будет иметь потом.

двадцать лет мне покажутся точкой,
и забудутся имена.
из-за дерева выйдет луна
в тонкой газовой оболочке.

Рукописи горят?

Из отзыва на стихи Василия Чернышева

...Лучшее из того, что я прочитала у Василия Чернышева, можно назвать поэзией утрат. Звучит, казалось бы, странно для человека двадцати с небольшим лет от роду, но это так. Утраты связаны не с традиционным переходным возрастом, перешагом из юности во взрослость — и не с романтической, как водится, скорбью по поводу мнимого или действительно грядущего одиночества вкупе с подспудным любованием им. Утраты уже состоялись и, похоже, необратимо изменили состав крови.

Прежде ведь — и совсем вроде бы недавно — было всё. Любимый город, о котором: *и чистый пруд, и киевский вокзал, // и крыша, где мы целовались с мирой, // и все что я когда-то не сказал...* И все пути были открыты, и выбирай занятие на вкус: хочешь — меняй университетские факультеты как перчатки (от химии до журналистики), хочешь — стихи пиши, когда и если захочется. И был круг друзей, с которыми не скучно, *все ждут меня, чтобы начать веселье // и я вхожу в их пиво и табак // и я вхожу в кофейню и в кабак // и кто-то подает условный знак...* Но лето кончилось и началось похмелье.

Похмелье — вынужденный, насильственный, по существу, отъезд, крушение всего, *нельзя и невозможно возвращаться.*

Впрочем, я не уверена — точнее, уверена в обратном, — что Чернышев слово «крушение» когда-нибудь произнесет вслух, а тем более напишет. Пафосность вообще у него, как, вероятно, и у всего его поколения, не в почете, а все написанное уже там, в Польше, и вовсе в сниженной лексике, вплоть до обценной, без воздуха, без недавнего легкого дыхания в стихе. Такой, знаете, поэтический барометр, регистрирующий место, время, состояние дня и ночи. Стиль убийственнее, пожалуй, иных степеней или проклятий. Потому как — правда момента.

Хотя изредка все же прорывается почти что уже и отчаянное, но все равно приправленное самоиронией: *подойду к вольере, // лягу на бордюр: // откусите, звери, // голову мою...*

Утратам же и утраченному вынесен и вовсе горький вердикт: *это все не имело значения // и не будет иметь потом.* И дальше: *двадцать лет мне покажутся точкой, // и забудутся имена. // из-за дерева выйдет луна // в тонкой газовой оболочке.* Ну, насчет «не имело значения» все-таки перехлест, ничто не уходит в никуда, и юность, как сказано у другого поэта, все же бессмертна. И наверняка еще не раз тебе *пришится // город как ты рисовал в шесть.*

Об отъезде-приезде — а с последним наверняка связывались и какие-никакие новые, другие возможности — сказано однозначно: *я сижу на*

крыльце больницы // лето больше не прет как в семнадцать // мы устали от эмиграции. // здесь такое же, за границей. Ненавистная обыденность, на дух непереносимая рутина, включая рутину «умную», скажем на факультете японистики теперь уже польского университета. Что прикажете делать, как с этим и в этом жить и быть? Начинать все сначала, опять менять среду, занятия, города, страны? Нет ответа. Пока что.

Пока что Чернышев запишет вроде бы очевидное: *эмиграция не похожа на туризм, эмиграция — сотрясение мозга.* Отметим, однако, это «сотрясение мозга». То есть стихи, если продолжить определять в медицинском ключе, не кардиограмма сердца, не затянувшаяся тахикардия, не эмоции вразнос, что было бы ожидаемо и понятно с учетом возраста и непреодолимых, как пишут юристы о стихийных бедствиях, обстоятельств, но именно мозга сотрясение?..

я кем-то был, но я уже забыл, // уехал, переехал, попрощался. Это «кем-то был» дорогого стоит. Был. Кем-то. Что был, сомнению не подлежит, но — кем? А вдруг никем и звать никак, и тогда «был ли мальчик» на самом деле? Вот вам и форменное сотрясение мозга. На крутом перепутье.

Можно ли помочь чем-то, поддержать на перепутье?

Я убеждена, что публиковать стихи Василия Чернышева надо, и надо по возможности последить за тем, что и как ему будет писаться дальше. Не потому только, что стихи, бесспорно, талантливые (пусть и царапают время от времени тем, что явно писались «на коленке»; а собственно, почему бы и не на коленке, если так получается лучше уловить мгновение, прекрасное или совсем наоборот). Дело и в том еще, что талантливых российских недобровольных изгнанников в Европе теперь много, и участи их не позавидуешь, коль скоро само слово «русский» стало там открыто ругательным, как если бы все-все россияне были одним позорным путинским режимом мазаны. Выстоять в одиночку, не потеряв себя, дано единицам.

А поэту, внятно и безусловно отмеченному искрой божией, как воздух нужны публичность, внимание, хвала и хула — не важно, в каких дозах то и другое. И публикации. Некогда благородное писание в стол и тем более выходы в Сеть стали уже занятием фактически бессмысленным. Неумолимо ускоряющееся время беспощадно: РУКОПИСИ — ГОРЯТ.

Людмила Нукневич

TABLE OF CONTENTS

No. 1 (92) 2024

TO THE READER

How We Could Work Together
Walter Kaufmann 5

FEATURE TOPIC

Artificial Intelligence, Information
and Freedom
Oleg Greshnev. AI Could Become
the Bridge to Understanding 7
Anna Kuleshova. How Sociologists See
Today's Society 9
Nikolai Kvantaliani. AI Could Be
a Force for the Good or the Evil 11
Krzysztof Meissner. Artificial Intelligence
Is a Menace to Creativity 13
Jan Albrecht. It Is Crucial that We
Continue with our Meetings 15
Artificial Intelligence and Civil Society
Denis Yagodin 17
Preventing the Nuclear Armageddon
of Artificial Intelligence
Melissa Park 21
To the Authors of the Third Scientific
Revolution — the Inventors of Quantum
Computing
Lena Nemirovskaya, Yuri Senokosov ... 25

CIVIL SOCIETY

Why Democracy?
Valdis Birkavs 27
On Society in Russia and
Communicating with It from Abroad
Ekaterina Schulmann 31
Today's Global Architecture Is
Unthinkable Without Civil Society
Andreas Bummel 37
The Judgement Day for Democracy
Nicholas Reed Langen 40

OUR INTERVIEWS

To Fight for Institutions, Not Merely
to Defer on Those
Toby T. Gati 44

THE WAR DIARIES

Ivan Krastev: "We act as if we are
the last people on Earth" 55

RUSSIA IN EXILE

Supporting Russian Political Migrants
as a Way to Increase Safety in Europe
Stefan Ingvarsson,
Maria Domańska 61

HISTORIC EXPERIENCE

On the Experience of Reconciliation
Between Poland and Lithuania
Adam Michnik
and Tomas Venclova 71
The Moscow Empire: Latest
Technologies, Archaic Ideology
Vasily Zharkov 76

VIEWPOINT

How War Affects Democracy
Alexey Yusupov 83
Almost Every Other Person Is
Unhappy with How Democracy
Works in Their Country
Denis Yakovlev 101

FROM OUR ARCHIVE

Aleksey Mikhaylovich Salmin
Vladimir Ryzhkov 105

PREVIEW

A Post-Soviet Human and His Era
Mykhailo Minakov 108

BOOKS

There Will Be No More War
Andrey Simbirtsev 111
The Counterpoint
Maxim Goryunov 115

NOTA BENE

Preface to the "Russian" Issue of the
Studia z historii filozofii Journal
Gennady Alyaev 123
Vasily Chernyshev. From Poems
Written from Afar.
Do Manuscripts Burn?
Ludmila Nuknevich 131

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ

Наши авторы:

Валдис Биркавс

Сергей Большаков

Андреас Буммель

Томас Венцлова

Павел Гавличек

Максим Горюнов

Олег Грешнев

Дайнюс Жалимас

Евгений Захаров

Андрей Колесников

Стивен Коткин

Иван Крастев

Анна Кулешова

Михаил Минаков

Адам Михник

Владимир Рыжков

Андрей Симбирцев

ISSN 2592-897X